

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

ОТРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКЕ:
СВЯЗЧНО-СУБСТАНТИВНОЕ СКАЗУЕМОЕ

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА
МЕСТОИМЁННЫХ СОБСТВЕННО
ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

БАЛЛАДА В ПРОЗЕ

«МУЧЕНИКИ» ШАТОБРИАНА –
РОМАНТИЧЕСКИЙ РОМАН-ЭПОПЕЯ

2017 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2017 / № 1

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по Филологическим наукам: группы специальностей Литературоведение (10.01.01) и Языкознание (10.02.01).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "The List of peer-reviewed academic journals recommended for publishing the essential outcomes of Candidate and Doctoral theses" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: Literary Studies (10.01.01) and Linguistics (10.02.01).

ISSN 2072-8522 (print)

2017 / № 1

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к.филол.н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псх.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клубиков Е.В. — д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к.филол.н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д.пед.н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2017. — № 1. — 124 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173

**Индекс серии «Русская филология»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40718**

© МГОУ, 2017.

© ИИУ МГОУ, 2017.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Алексеева Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ; **Аношкина В.Н.** —

д.филол.н., проф., МГОУ; **Леденёва В.В.** — д.филол.н., проф.,

МГОУ; **Киселёва И.А.** — д.филол.н., доц., МГОУ; **Копосов Л.Ф.** —

д.филол.н., проф., МГОУ; **Шаталова О.В.** — д.филол.н., проф.,

МГОУ; **Воропаев В.А.** — д.филол.н., проф., МГУ им. М. В. Ломоно-

сова; **Моторин А.В.** — д.филол.н., проф., Новгородский государ-

ственный университет им. Ярослава Мудрого; **Нагорный И.А.** —

д.филол.н., проф., Белгородский государственный националь-

ный исследовательский университет; **Петров А.В.** — д.филол.н.,

доц., Северный (Арктический) федеральный университет

имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск); **Рацибурская Л.В.** —

д.филол.н., проф., Нижегородский государственный универси-

тет им. Н.И. Лобачевского; **Супрун В.И.** — д.филол.н., проф.,

Волгоградский государственный социально-педагогический

университет; **Аврамова В.Н.** — доктор филологии, проф., Шу-

менский университет имени Епископа Константина Преславско-

го (Болгария); **Вегвари В.** — к.п.н., доц., Печский университет

(Венгрия); **Гусман-Тирандо Р.** — д.филол.н., проф. Гранадский

университет (Испания); **Догнал Й.** — к.филол.н., д.философии,

доц., Институт славистики Университета им. Масарика (Чешская

Республика); **Колларова Е.** — д.философии, проф., Католиче-

ский университет в Ружомберке (Словакия); **Норман Б.Ю.** —

д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет

(Республика Беларусь); **Финк-Арсовск Ж.** — д.филол.н.,

проф., Загребский университет (Хорватия); **Шеншина В.А.** —

д.филол.н., Хельсинкский университет (Финляндия)

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

— Issued 5 times a year —

Series editorial board «Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philology, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philology, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philology Sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philology, Professor, MRSU;

V.N. Anosh-kina – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **I.A. Kiseleva** – Doc-

tor of Philology, Associate Professor, MRSU; **L.F. Koposov** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **O.V. Shatalova** – Doctor of Philology,

Professor, MRSU; **V.A. Voropayev** – Doctor of Philology, Profes-

sor, Lomonosov Moscow State University; **A.V. Motorin** – Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State Uni-

versity; **I.A. Nagorny** – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State National Research University; **A.V. Petrov** – Doctor of Philology, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal Univer-

sity named after M.V. Lomonosov; **L.V. Ratsiburskaya** – Doctor of Philology, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; **V.I. Suprun** – Doctor of Philology, Professor, VSPU;

V.N. Avramova – Doctor of Philology, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria); **V. Vegvari** – Ph.D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor, University of Pécs (Hungary); **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philology, Professor, University of Granada (Spain); **J. Dohnal** – Ph.D. in Philological Sciences, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Slavonic Studies, Masaryk University (Czech Republic); **E. Kollarova** – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia); **B.Yu. Norman** – Doctor of Philology, Professor, Belorussian State University (Republic of Belarus); **Ž. Fink Arsovski** – Doc-

tor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia); **V.A. Shen-**

shina – Doctor of Philology, Helsinki University (Finland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Chef of information and editorial management of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2017. – № 1. – 124 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26173

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MRSU, 2017.

© Information & Publishing department of MRSU, 2017.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Антипова А.П.</i> ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ ДЖЕНТЛЬМЕН В ТЕКСТЕ СТАТЬИ Н.С. ЛЕСКОВА «О ЛИТЕРАТОРАХ БЕЛОЙ КОСТИ»	6
<i>Герасименко Н.А.</i> ОТРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКЕ: СВЯЗОЧНО-СУБСТАНТИВНОЕ СКАЗУЕМОЕ	14
<i>Головина Т.А.</i> РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ФОРМАНТОВ В СЕМНОМ НАПОЛНЕНИИ ПОНЯТИЯ ОБАЯНИЕ	21
<i>Крылова А.В.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ГОВОРЯЩИХ» ИМЁН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	28
<i>Степанчиков М.А.</i> БИСУБСТАНТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЖАНРЕ ГАЗЕТНОЙ СТАТЬИ.....	36
<i>Шаповалова Т.Е.</i> ТЕМПОРАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА МЕСТОИМЁННЫХ СОБСТВЕННО ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	43

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Козин А.А.</i> БАЛЛАДА В ПРОЗЕ.....	49
<i>Косяков Г.В.</i> ПОЭТИКА СТЕПНОГО ПЕЙЗАЖА В ЛИРИКЕ П. ВАСИЛЬЕВА.....	56
<i>Котова М. А.</i> ПРОБЛЕМА ПРЕОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ В ПОЭЗИИ Д.Л. АНДРЕЕВА	63
<i>Литвиненко Н.А.</i> «МУЧЕНИКИ» ШАТОБРИАНА – РОМАНТИЧЕСКИЙ РОМАН-ЭПОПЕЯ.....	71
<i>Сай На</i> ТУРГЕНЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ «СТИХОТВОРЕНИЙ В ПРОЗЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ ЛИ НИ.....	80
<i>Сауныкин П.С.</i> «...ИЗМЕРИТЬ КРУГ ЗЕМНОЙ»: ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ Ф. НИЦШЕ В ПОЭЗИИ Ю. БАЛТРУШАЙТИСА	88
<i>Трофимова В.Б.</i> ВЛИЯНИЕ НА М.О. МЕНЬШИКОВА – ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА – ФИЛОСОФСКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ РАБОТ Л.Н. ТОЛСТОГО ПЕРИОДА 1880-х – 1890-х ГГ.....	98
<i>Шенюл А.О.</i> МОТИВ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ «РОССИЯ И ЕВРОПА»	105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Щедрина Н.М.</i> РУСИСТИКА В НОВОМ БОЛГАРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	114
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Никульцева В.В., Дядичев В.Н.</i> «МОЯ ДВУСМЫСЛЕННАЯ СЛАВА И НЕДВУСМЫСЛЕННЫЙ ТАЛАНТ...» НЕСКОЛЬКО РАССУЖДЕНИЙ О ЖАНРЕ БИОГРАФИИ ВОООЩЕ, О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ «КОРОЛЯ ПОЭТОВ» СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА, О ЕГО «БОГЕМНОМ» ОКРУЖЕНИИ И О НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА В ЧАСТНОСТИ.....	117
--	-----

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

A. Antipova. LEXICAL AND STYLISTIC ANALYSIS OF A WORD <i>GENTLEMAN</i> IN THE PAPER "ON WRITERS OF A WHITE BONE" BY LESKOV	6
N. Gerasimenko. THE REFLECTION OF A PERSON IN A LANGUAGE: COPULA-SUBSTANTIVE PREDICATE	14
T. Golovina. THE ROLE OF WORD-BUILDING FORMANTS IN SEMANTIC MEANING OF CONCEPT CHARM	21
A. Krylova. SEMANTIC FEATURES OF THE «SPEAKING» PROPER NAMES IN THE TEXTS OF FICTION LITERATURE.....	28
M. Stepanchikov. BISUBSTANTIVE SENTENCES IN THE GENRE OF NEWSPAPER ARTICLE.....	36
T. Shapovalova. THE TEMPORAL SEMANTICS OF THE PRONOMINAL PROPER INTERROGATIVE SENTENCES	43

SECTION II. LITERARY STUDIES

A. Kozin. BALLAD IN PROSE	49
G. Kosyakov. THE POETRY OF A STEPPE LANDSCAPE IN POEMS BY P. VASILYEV	56
M. Kotova THE PROBLEM OF ANIMALS' SPIRITUAL TRANSFORMATION IN THE POETRY BY DANIIL ANDREEV.....	63
N. Litvinenko. CHATEAUBRIAND'S «MARTYRS» – THE EPIC HISTORICAL NOVEL	71
Sai Na THE TRADITION OF TURGENEV'S "POEMS IN PROSE" IN LI NI WORKS.....	80
P. Saunkin. "...TO MEASURE THE CIRCLE OF THE EARTH": THE REFLECTION OF NIETZSCHE'S PHILOSOPHICAL IDEAS IN J. BALTRUSHAITIS'S POETRY	88
V. Trofimova. INFLUENCE ON M. MENSHIKOV, THE LITERARY CRITIC OF PHILOSOPHICAL AND PUBLICISTIC WORKS OF LEO TOLSTOY OF THE PERIOD OF 1880S-1890S.....	98
Shenol Ali Osman. THE MOTIVE OF DISPENSATION IN THE NOVEL "ANNA KARENINA" BY L. TOLSTOY IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM "RUSSIA AND EUROPE"	105

SCIENTIFIC LIFE

N. Shchedrina. RUSSIAN PHILOLOGY AT NEW BULGARIAN UNIVERSITY	114
---	-----

REVIEW

V. Nikultseva, V. Dyadichev. «MY AMBIGUOUS GLORY AND UNAMBIGUOUS TALENT...» THOUGHTS ABOUT A BIOGRAPHY GENRE IN GENERAL, ABOUT LIFE AND CREATIVITY OF "THE KING OF POETS" OF SILVER AGE, ABOUT HIS "BOHEMIAN" COMMUNITY AND ABOUT IGOR SEVERYANIN'S SCIENTIFIC BIOGRAPHY	117
---	-----

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1*37

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-6-13

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ *ДЖЕНТЛЬМЕН* В ТЕКСТЕ СТАТЬИ Н.С. ЛЕСКОВА «О ЛИТЕРАТОРАХ БЕЛОЙ КОСТИ»

Антипова А.П.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В настоящем исследовании автор стремится описать семантические и стилистические особенности слова *джентльмен* и производного *джентльменский* в контексте его функционирования в ранних публицистических произведениях Н.С. Лескова. Проводится сравнительный анализ содержания словарных статей в толковых и этимологических словарях, демонстрируется степень освоенности в русской традиции общения понятия, транслируемого корнем слова, который отражает в своём значении социокультурные реалии Англии. Внимание уделяется историческому и контекстуальному аспекту реализации значения слов с учётом особенностей авторского идиостиля.

Ключевые слова: языкознание, историко-этимологический анализ, лексикология, публицистика, авторский стиль, диалект Н.С. Лескова.

LEXICAL AND STYLISTIC ANALYSIS OF A WORD *GENTLEMAN* IN THE PAPER “ON WRITERS OF A WHITE BONE” BY LESKOV

A. Antipova

*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. In this paper the author strives to describe semantic and stylistic peculiarities of a word *gentleman* and its functioning in the early publicistic works by Leskov. Comparative lexical and etymological analysis of the contents of Russian dictionaries and definitions of this derivation from English language shows the level of its assimilation in Russian speech. Also the article demonstrates the notions associated with the culture of England. Special attention is paid to historical and contextual aspects of use of the word “gentleman” in the author’s context and style.

Keywords: linguistics, etymological analysis, lexicology, publicism, author's style, Leskov works.

Жизнь и деятельность Н.С. Лескова сложилась в значительной степени под влиянием А.Я. Шкотта (Шкота) (мужа его тётки по матери, англичанина-радикала), с которым в годы молодости и поиска собственного пути писатель тесно взаимодействовал, находясь у него на службе. Интерес к английской культуре, литературе и языку, приобретённый в этом общении, отразился в публицистической и беллетристической деятельности Лескова при отборе заимствованных языковых средств и в описании реалий английского образа жизни в его произведениях («Очерки винокуренной промышленности», «Железная воля», «Загон» и др.).

В нашем исследовании мы обратимся к анализу понятия 'джентльмен' в его усвоении русским языком и реализации языковыми единицами *джентльмен*, *джентльменский* в тексте статьи «О литераторах белой кости», рассматривая лексико-грамматические, историко-этимологические и стилистико-функциональные характеристики слов.

Возникновение понятия 'джентльмен' в английском языке связано с историей английского дворянства. Так, в XVI-XVII веках важную составную часть дворянства Англии составляли *джентри* («название среднего и мелкого дворянства Англии» [6]), землевладельцы, которые отказались от ведения дел на основе старой феодальной эксплуатации крестьян, создавали предприятия промышленного типа (мануфактуры) в своих имениях. Необходимо отметить, что с появлением *джентри* связана политика огоражи-

вания, которая привела к масштабному социально-политическому кризису внутри страны. Английские джентри стремились к ведению хозяйства по капиталистическому пути и к достижению делового успеха, получению максимальной прибыли. С точки зрения исторического процесса, понятие 'джентльмен' подразумевает принадлежность к определённому социальному слою и материальному уровню и включает в себя ряд социально-политических аспектов, связанных с системой государственного устройства Англии.

Период заимствования лексической единицы *джентльмен* в истории России «касается последующей Пушкинской – до 30-40-х гг. XIX в. – эпохи формирования норм, в том числе лексических, национального русского литературного языка нового времени» [3, с. 26] и связан с большими переменами в области индустриализации, расширения производства, освоения новых территорий, стремлением к достижениям западноевропейского общества в области науки, общественного устройства, искусства. В этот период заимствования широко распространяются в различных слоях русского дворянского общества. Важную роль в общественных настроениях играла полемика западников и славянофилов. «И славянофилы, и западники выступали за отмену крепостного права, за проведение реформ в области суда, администрации; говорили о необходимости развития промышленности, торговли, просвещения, отстаивали свободу слова и печати» [12].

«Утверждая свои позиции в петербургской прессе, Лесков принимал активное участие в обсуждении самых острых вопросов современной жизни, в решении которых обозначались прямо противоположные подходы» [8, с. 762]. Необходимо отметить, что начало его творческой карьеры связано было с литературно-политическим изданием «Русский вестник», которое тяготело к проанглийской направленности. Основатель журнала Катков «тщательно вычёркивал в статьях своих сотрудников всякие неблагоприятные отзывы об Англии из опасения, что отзывы эти могут подорвать веру и уважение к стране, внутреннее устройство коей должно служить образцом для России» [15, с. 93]. Но одобрения Лескова эта редакторская позиция не вызывала.

Статья Н.С. Лескова «О литераторах белой кости» была напечатана в «Русском инвалиде», 1862, № 15, 20 января, в разделе «Внутреннее обозрение» без подписи. В ней затрагивается вопрос об «оскорбительных нападках» московского журнального мира, т. е. о некорректных высказываниях по отношению к петербургской печати. Обличительный тон статьи проступает в использовании эмоционально-экспрессивной лексики, в эксплицитных обвинениях «Русского вестника» в однобокой интерпретации событий, в критике его проанглийской ориентации и характера политической пропаганды. Ключевым для критерия определения порядочности или непорядочности становится слово *джентльменский*: «По мере того, как «Русский вестник» входил в полемику, он терял свой покойный *джентльменский* тон, прибегал к таким приёмам, которые сам ставил в вину свистунам,

начал нападать на личность, а не на мнение, употреблял довольно странные каламбуры вроде того, что коснуться г. Кускова значит ущипнуть журнал «Время» «сзади», наконец, стал непоследовательным и неверным своим собственным тенденциям, и неверность эта выражалась таким образом, что, чем ближе казалась вероятность осуществления какой-нибудь части проводимого этим журналом учения, он в каком-то ужасе начинал пятиться назад, бледнел, лепетал о том, что ещё не готова какая-то подкладка, и с новою яростию накидывался на органы, не намеренные противоречить естественному развитию общественных стремлений» [8, с. 432].

Позитивная оценка *джентльменский (тон)*, в которой актуализирована сема 'выдержанный' как 'объективный' (эксплицирует контекстуальный партнёр *покойный*), выступает в противопоставлении с вербализованной словами *свистуны, каламбуры, ущипнуть* оценкой неодобрительной.

В английском языке слово *джентльмен* принадлежит к грамматическому классу имён существительных, не используется для обозначения признака предмета. Оно входит в состав нескольких устойчивых выражений, характеризующих особенности английского менталитета: "gentleman *n* 1) chivalrous well-bred man; 2) man (used as a mark of politeness)" [17, с. 231]. (Перевод: джентльмен, сущ. 1) благородный, благовоспитанный человек. 2) мужчина (использ. в вежливом обращении).

«Gentleman ['dʒɛntlmən] *n* (pl –men [mən] 1) джентльмен, хорошо воспитанный и порядочный человек; gentleman's agreement *джентльменское* приглашение; 2) джентльмен, господин; 3)

ист. дворянин; 4) *pl* мужская уборная; лакей; gentleman at large *шутл.* человек без определённых занятий; gentleman of the road; а) «рыцарь с большой дороги», разбойник; б) коммивояжёр; gentleman of a fortune **пират; авантюрист**; the old gentleman *шутл.* дьявол» [10, с. 476].

Особенный интерес представляет собой история заимствования слова «джентльмен» и его освоения лексической системой русского языка, что обусловило формирование целого ряда понятий, ассоциирующихся с английским образом жизни в сознании русского человека: «Джентльмен, -а, м. – (по понятиям буржуазно-аристократического общества) «порядочный и благовоспитанный мужчина». *Прил.* джентльменский, -ая, -ое, отсюда джентльменство. <...> В русском литературном языке слово *джентльмен* (сначала с неустойчивым произношением: *джентельмен*) употр. в знач. «английский дворянин» со 2-й четверти XIX века. Встр. у Пушкина в статье «Опыт отражения ... обвинений», 1830 г.: «с учтивым джентельменом» <...>. В своём историческом знач. это английское слово (в соответствующем контексте) встр. уже в «Космографии» Б. Лыкова (1637 г., 60 об.): «шляхта, сииречь дети боярские, которых тамошним языком (т.-е. по-английски) называют *гентилмен*» (Глускина, 213). Из английского языка. Ср. англ. gentleman (произн. 'dʒɛntlmən), сложное – из ср.-англ. Gentilman [от ст.-франц. Gentil – «родовитый», «благовоспитанный», «благопорядочный» и т. п. <...>» [16, с. 248-249].

Фиксация данного понятия в словарях и отношение к активной лексике русского литературного языка спо-

собствует не только формированию определённых представлений об английских социокультурных реалиях, но и возникновению новых значений у этого слова на основе языковых ассоциаций. Для демонстрации этого сопоставим тексты различных словарных статей, представляющих толкования слова *джентльмен*.

«Джентльмен [англ. gentleman] – в английском буржуазном обществе – «вполне порядочный человек», т. е. человек, строго следующий буржуазному «кодексу морали»; в русском языке часто употр. иронически для обозначения внешне корректного человека» [14, с. 220]. Также фиксируется дополнительное, вторичное значение и словообразовательные производные: «Джентльмен [англ. gentleman] <...> 2) корректный, воспитанный, благородный человек. **Джентльменский** – прил. от сл. *джентльмен*; д-ое соглашение – в международном праве – соглашение между государствами, заключённое в устной форме» [13, с. 159].

Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даёт примеры переносного значения слова, а также фиксирует ряд устойчивых сочетаний, имеющих оттенок иронии: «**Джентльмен**, -а, м. 1. Вполне корректный человек, строго соблюдающий правила и нормы поведения. 2. *перен.* Человек подчеркнутой вежливости, корректности. *Будьте джентльменом! Джентльмены удачи* (разг. шутл.) – о жуликах, мошенниках. *прил.* джентльменский, -ая, -ое. *Джентльменское соглашение* (устная договоренность сторон). *Полный д. набор* (всё, что полагается иметь с точки зрения престижа; разг. шутл.)» [11, с. 164].

Не чужда культурологическая составляющая семантизации энциклопедических источников: «**Джентльмен** (англ. Gentleman) – 1) (Устар.) человек «благородного» происхождения, дворянин. 2) Хорошо воспитанный, глубоко порядочный человек» [9, с. 490].

Представленные выше определения отражают не только исторический контекст функционирования лексемы, но и определённый набор характеристик с положительной коннотацией, используемый в современном обществе по отношению к людям, обладающим такими качествами, как 'порядочность', 'воспитанность', 'корректность'. Это положительнооценочные семы в составе семемы первого ЛСВ (лексико-семантического варианта). Но некоторые примеры из литературных произведений XIX века иллюстрируют иное отношение прогрессивной интеллигенции к категории *джентльмен*. В частности, В.В. Виноградов отмечает использование слова *джентльмен* И.С. Тургеневым как амбивалентного в оценочном плане: «...Он (Берснев) казался более порядочным человеком, чем Шубин, более *джентльменом*, сказали бы мы, если б это слово не было у нас так опошлено». «...Он заслуживал вошедшее недавно в моду название *джентльмена*» [1, с. 757]. Откровенно негативная авторская коннотация прямо отражает отношение писателя к новомодному понятию.

Как было отмечено выше, стремление к «англизированию» России подвергалось яростной критике многими писателями. Ср. у Ф.М. Достоевского в рассказе «Кроткая»: «То есть, видите ли, я этого себе никогда не позволяю, у меня с публикой *тон джентльменский*: мало слов, вежливо и строго» [4].

Наблюдения показали, что использованное Лесковым имя прилагательное *джентльменский* является примером словообразовательного освоения русским языком слова *джентльмен*, которое адаптировано к словообразовательным моделям русского языка и образованного продуктивным суффиксальным способом. Согласно грамматическому словарю русского языка, «джентльменский п 3а Ч ~» принадлежит к 3 типу склонения, образование кратких форм затруднительно, сравнительной степени нет» [5, с. 308]. Словообразовательный суффикс *-ск-* обладает значением свойственности, отношения принадлежности к мотивирующему слову: *джентльмен – джентльменский*. Соответственно, все значения мотивирующего слова актуализированы в производном.

Одной из важнейших функций публицистического стиля является воздействующе-информационная. Для реализации этой функции автор использует широкий диапазон выразительных, экспрессивных средств. С точки зрения стилистического анализа, как отмечает М.Н. Кожина, «экспрессивно-эмоциональная окраска у слова возникает в результате того, что само его значение содержит элемент оценки» [7, с. 222]. В приведённых определениях слова *джентльмен* доминирует положительная коннотация (1 ЛСВ), но значение, реализованное в статье Лескова в словосочетании *джентльменский тон*, связано и с ироническим подтекстом. Следовательно, автор придаёт ситуативно-стилистическую окраску лексеме для достижения требуемого эффекта. Обращаясь к словам О.А. Головачёвой, важно подчеркнуть, что «слово в публицистике

даёт максимально точное и объёмное представление о языковой личности, подчеркнуто-выпукло репрезентирует авторское мировоззрение» [2, с. 157].

Таким образом, анализ показал, что выражение *джентльменский тон* в русском языке может восприниматься как устойчивое сочетание, характеризующее определённый стиль общения, включающий в себя систему понятий и характеристик, существующих в сознании говорящего как следствие процесса ассимиляции в данную языковую среду. Как справедливо отметил В.В. Виноградов, «изучение семантической истории «заимствованных» слов, связанное с сравнительно-историческим исследованием судьбы их в других языках, в том числе и в родном для них языке, содействует открытию семантических своеобразий русского

литературно-языкового процесса» [1]. Употребление Лесковым словосочетания *джентльменский тон* в тексте обличительной статьи «О литераторах белой кости» представляет яркий пример искусства Лескова-публициста изящно использовать приёмы гиперболзации и иронии. Историко-этимологический и семантико-стилистический анализ процессов, нашедших отражение в развитии коннотативного ореола слова, происходивших в русском языке вследствие развития общественной мысли в период написания ранних публицистических произведений Н.С. Лескова (1860-1861 гг.), способствует уточнению механизма адаптации заимствованных единиц, пополняющих словарный состав русского языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН / отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. М.: 1999. 1138 с.
2. Головачёва О.А. Языковые оценочные средства в статьях Н.С. Лескова о полицейских врачах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. Выпуск 7 (102). С. 154-159.
3. Гусейнов Г.А., Мугумова А.Л. О динамике и периодизации английского лексического влияния на русский (литературный) язык нового времени (XVIII – начало XX вв.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 24-29.
4. Достоевский Ф.М. Кроткая [Электронный ресурс] // Lib.ru [сайт]. URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0460.shtml (дата обращения: 20.04.2016).
5. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 100000 слов. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1980. 880 с.
6. Исторический словарь [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике [сайт]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/hist_dic/10486 (дата обращения: 04.05.2016).
7. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. 3-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 464 с.
8. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. / Вступ. ст. И. Столяровой. М.: ТЕРРА, 1996. 912 с.
9. Малая советская энциклопедия: Т. 1 / ред. Б.А. Введенский. 3-е изд. М.: Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия», 1958. 1274 с.

10. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь: Ок. 200000 слов и словосочетаний. 11-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык. Медиа, 2004. 946 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
12. Русская литература XIX века. 1850-1870: учеб. пособие под. ред. С.А. Джанумова, Л.П. Кременцова. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2011. [Электронный ресурс] // Kniga.com [сайт]. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks318130 (дата обращения: 25.04.2016).
13. Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М.: Русский язык, 1988. 608 с.
14. Словарь иностранных слов / ред. И.В. Лехин, Ф.Н. Петров. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Иностранных и национальных словарей, 1954. 854 с.
15. Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848-1896). М.: Новости, 1991. 460 с.
16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т.: Т. 1. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. 621 с.
17. Collins English Dictionary & Thesaurus. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2007. 704 p.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. Istoriya slov / Rossiiskaya akademiya nauk. Otdelenie literatury i yazyka: Nauchnyi sovet «Russkii yazyk». [Story of words / Russian Academy of Sciences. The Department of literature and language: Scientific Council of the «Russian language»]. М., Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 1999. 1138 p.
2. Golovacheva O.A. Yazykovye otsenochnye sredstva v stat'yakh N.S. Leskova o politseiskikh vrachakh [Language assessment tools in articles of N. Leskov about police doctors] // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [News of Volgograd State Pedagogical University]. 2015. no. 7 (102). pp. 154-159.
3. Guseinov G.A., Mugumova A.L. O dinamike i periodizatsii angliiskogo leksicheskogo vliyaniya na russkii (literaturnyi) yazyk novogo vremeni (XVIII – nachalo XX vv.) [On the dynamics and the periodization of English lexical influence on Russian (literary) language of new time (18 – early 20 centuries)] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2015. no. 4. pp. 24-29.
4. Dostoevskii F. M. Krotkaya [Elektronnyi resurs] [Meek [Electronic resource]] // Lib.ru [sait] [Lib.ru [website]]. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0460.shtml (request date 20.04.2016)
5. Zaliznyak A.A. Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie. Ok. 100000 slov [Grammatical dictionary of the Russian language: Inflection. Ab. 100,000 words]. 2nd ed., stereotyped. М., Russkii yazyk, 1980. 880 p.
6. Istoricheskii slovar' [Elektronnyi resurs] [Historical dictionary [Electronic resource]] // Slovarei i entsiklopedii na Akademike [sait]. [Dictionaries and encyclopedias on the Academician [website]]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/hist_dic/10486 (request date 04.05.2016)
7. Kozhina M.N., Duskaeva L.R., Salimovskii V.A. Stilistika russkogo yazyka: uchebnik [Stylistics of the Russian language: a textbook]. 3rd ed. М., FLINTA: Nauka, 2012. 464 p.
8. Leskov N.S. Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. T. 1 [Complete works: in 30 vols. Vol. 1]. М., TERRA, 1996. 912 p.
9. Malaya sovetskaya entsiklopediya: T. 1 [Small Soviet encyclopedia: vol. 1]. 3rd ed. М., Gosudarstvennoe nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya», 1958. 1274 p.

10. Myuller V. K. Novyi anglo-russkii slovar': Ok. 200000 slov i slovosochetanii [New English-Russian dictionary: Approx. 200,000 words and phrases]. 11th ed., rev. and enl. M., Russkii yazyk. Media, 2004. 946 p.
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.YU. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. 4th ed., augmented. M., Azbukovnik, 1997. 944 p.
12. Russkaya literatura XIX veka. 1850-1870: ucheb. posobie pod. red. S.A. Dzhanumova, L.P. Kremntsova. 3-e izd., ster. M.: FLINTA, 2011. [Elektronnyi resurs] [Russian literature of the 19th century. 1850-1870: study guide edited by S. Ganusova, L. Kremntsov. 3rd ed., stereotyped. M.: FLINTA, 2011. [Electronic resource]] // Kniga.com [sait]. [Kniga.com [website]]. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks318130 (request date 25.04.2016)
13. Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. 15th ed., rev. M., Russkii yazyk, 1988. 608 p.
14. Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. 4th ed., rev. and reworked. M., Inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1954. 854 p.
15. Feoktistov E.M. Za kulisami politiki i literatury (1848-1896) [Behind the scenes of politics and literature (1848-1896)]. M., Novosti, 1991. 460 p.
16. Chernykh P.YA. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.: T. 1 [Historical-etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 volumes: vol. 1]. 3rd ed., stereotyped. M., Russkii yazyk, 1999. 621 p.
17. Collins English Dictionary & Thesaurus. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2007. 704 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антипова Алина Павловна – учитель русского языка, литературы, иностранного языка, старший преподаватель и ассистент кафедры иностранных языков Московского государственного областного университета;
e-mail: antipovaalina@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alina Antipova – teacher of Russian, literature, foreign language, senior lecturer and assistant at the department of foreign languages of the Moscow Region State University;
e-mail: antipovaalina@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Антипова А.П. Лексико-стилистический анализ лексемы джентльмен в тексте статьи Н.С. Лескова «О литераторах белой кости» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 6-13.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-6-13

CORRECT REFERENCE

A. Antipova. Lexical and stylistic analysis of a word gentleman in the paper “on writers of a white bone” by Leskov. // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 6-13.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-6-13

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-14-20

ОТРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКЕ: СВЯЗОЧНО-СУБСТАНТИВНОЕ СКАЗУЕМОЕ

Герасименко Н.А.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация: Цель статьи – показать, как человек отражается в структуре и семантике связочно-субстантивного сказуемого, одного из продуктивных в русском языке видов главного члена двусоставного предложения. Разнообразие форм и многослойность семантики позволяют выразить в связочно-субстантивном сказуемом как отношение говорящего к высказыванию, так и предпочтения автора высказывания в оценках и характеристиках. Анализ разных форм связочно-субстантивного сказуемого, используемых в художественных текстах современного русского языка, высвечивает позицию говорящего, его личностные характеристики, его отношение к описываемым событиям.

Ключевые слова: составное именное сказуемое; связочно-субстантивное сказуемое, предикативная связь, оценка, характеристика, персонаж, автор.

THE REFLECTION OF A PERSON IN A LANGUAGE: COPULA-SUBSTANTIVE PREDICATE

N. Gerasimenko*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The purpose of the article is to illustrate how a person is reflected in the structure and semantics of the copula-substantive predicate, one of the most productive types of main parts of the two-member sentence in the Russian language. A diversity of forms and the multilayered semantics allow to express both the attitude of the speaker to the statement, and the author's preference in judgements and characteristics. The analysis of different forms of the copula-substantive predicate that are used in the modern Russian literary texts highlights the speaker's opinion, his personal characteristics, and his attitude towards the events described.

Keywords: compound nominal predicate, copula-substantive predicate, predicate linking, evaluation, characteristics, character, author.

Проблема отражения в языке мыслей, чувств, действий и состояний человека является основной в современной антропоцентрической лингвистике и занимает умы исследователей уже больше полувека, особенно в последние десятилетия [см., напр.: 1; 2; 3; 6; 8; 9]. При этом нельзя не отметить, что первые прозрения, связанные с взаимоотношениями языка и человека, шире – народа, принадлежат

В. фон Гумбольдту [4]. Заложенные в его работах идеи успешно развиваются в социолингвистике, этнолингвистике, психолингвистике и других направлениях антропоцентрического языкознания: «Слово, которое одно способно сделать понятие самостоятельной единицей в мире мыслей, прибавляет к нему многое от себя, и идея, приобретаемая благодаря слову определённости, вводится одновременно в известные границы» [4, с. 318].

Мысль о том, что разные языки представляют собой не разные формы отражения одного и того же предмета, а разное видение этого предмета, стала основой теории языковой картины мира как уникального представления конкретного народа об окружающей его действительности. Для нашей работы важно, что в русской языковой картине мира сформировались определённые синтаксические структуры, предназначенные для отражения разных видов интеллектуальной деятельности человека: отождествления, характеристики, сравнения, уподобления и др., которые были названы бисубстантивными предложениями [2, с. 10]. Центром бисубстантивных предложений является связочно-субстантивное сказуемое, которое представляет собой объект исследования в данной работе. Предмет исследования составляет отражение человека в связочно-субстантивном сказуемом русского языка.

Связочно-субстантивное сказуемое – это вид составного неглагольного сказуемого, в котором вспомогательная часть представлена связкой, а основная – именем существительным в разных падежных и предложно-падежных формах: *В наш век приро-*

да – такое же камерное, культурное пространство, как и стихи о ней [10, с. 192]; *Героическая девочка была Леночка* [18, с. 158]; *Застеклённый брежневский портрет, на который врачиха не смотрела, но всегда оглядывалась, выходя из комнаты, тоже был со следами тряпки, с лиловой радугой от дешёвого стеклоочистителя...* [14, с. 29]; *Ему представлялось, что жена у Шелестова в секретарях, сам он мечтал о такой писательской жене* [3, с. 270]; *Скучноватое детское сольфеджио обернулось увлекательной наукой об устройстве музыки* [18, с. 234].

Важной особенностью связочно-субстантивного сказуемого является его семантическая соотносительность с именем существительным, находящимся в позиции подлежащего в бисубстантивном предложении. Форма именительного падежа подлежащего существительного определяется грамматическим устройством русского двусоставного предложения, а семантика – выбором говорящего и задачами, которые он ставит перед собой. В зависимости от семантики подлежащего и ментальной операции, которую автор высказывания производит (отождествление, характеристика, сравнение, оценка и т. п.), в основной части связочно-субстантивного предложения оказываются имена существительные с соответствующим значением. Так, собственное имя лица может получить в связочно-субстантивном сказуемом самые разные характеристики: по полу, возрасту, росту, внутренним качествам, профессии, происхождению и многие другие: *Елизавета Киевна была красивая, рослая и румяная девушка, с близорукими, точно нарисованными глазами, и одевавшая*

яся с таким безвкусием, что её ругали за это даже телегинские жильцы [17, с. 59]; *Надежда Борисовна, Санина мать, была рентгенотехником* [18, с. 34]. Конкретно-предметные существительные в позиции подлежащего могут получать другие характеристики: по форме, цвету, материалу и т. п.: *Но дом был странной постройки, и окна в парадном выходили на две стороны – на третьем этаже во двор, а на втором и четвёртом – на улицу* [18, с. 67] – характеристика по форме; *Весь он был некрасивый, нескладный, волосы его – рыжеватая жёсткая шапка – напоминали волосы куклы, а пальцы сложным устройством походили на малое собрание шахматных фигур* [14, с. 107] – характеристика через сходство; *Померанцы, вероятно, в цвету. Душистые шроты садов – в разлив* [13, с. 13] – характеристика состояния предмета. Проблема соотношения семантики подлежащего и сказуемого заслуживает специального исследования.

Наиболее наглядным в большинстве случаев является реализуемое говорящим в связочно-субстантивном сказуемом оценочное значение: – *Дудаев негодяй, Масхадов негодяй, все эти кавказские князья – заурядные негодяи*, – вдруг прервала молчание Лиана [11, с. 15]; *Стараясь унять тревогу, она думала о том, что подруга стала жертвой несправедливости* [16, с. 145]; *Но музыка была для меня культом, то есть той разрушительной точкой, в которую собиралось всё, что было самого суеверного и самоотречённого во мне <...>* [13, с. 167]. В приведённых примерах использованы слова, включающие оценку в свою семантическую структуру. *Негодяй*. Подлый, низкий

человек [7, с. 354]; *Жертва*. 3. о ком-чём-н., пострадавшем от насилия, от какого-н. несчастья, неудачи и т.п. [7, с. 171]; *Култ*. 2. Преклонение перед кем-чем-н., почитание кого-чего-н., (книжн.) [7, с. 276]. Выбор автором высказывания связочно-субстантивного сказуемого, включающего имя существительное с ярким оценочным значением, подчёркивает экспрессивность речи и категоричность выражаемой оценки.

В других случаях роль оценочного компонента берёт на себя имя прилагательное, которое в этом случае обязательно включается в состав связочно-субстантивного сказуемого: *Замечательным явлением этого круга был молодой Самарин* [13, с. 181]. Существительное явление является лексически опустошённым, и главную семантическую роль в составе сказуемого играет прилагательное *замечательный*. Оно имеет оценочное значение. *Замечательный*. Исключительный по своим достоинствам, выдающийся [7, с. 189]. Такой способ выражения оценочного значения является одним из наиболее продуктивных в русском языке: *Некрасивая, с редкими зубами и полным ртом рассыпчатого смеха, Женя оказалась симпатичнейшим существом* [18, с. 455]; *Интересный вы народ: все хотят за копейку спастись* [11, с. 58].

Сочетание лексически опустошённого слова с оценочным прилагательным в сравнении с оценочным существительным позволяет смягчить негативную оценку: *Он был малопрятный человек, враг по определению, но инстинктивно она продолжала полагаться на своё обаяние* [18, с. 267].

Оценка усиливается, становится более категоричной при использовании градуальных средств [5]: – *Война – самая большая мерзость из тех, что выдумали люди, – говорил учитель и пресекал все вопросы, которые дымились на мальчишеских устах <...>* [18, с. 58]; Тверской *самый старейший из всех бульваров* [18, с. 74] – употребление превосходной степени прилагательного продвигает оценку в сторону усиления. Автор высказывания, выражая оценку предмета, события, явления, проявляет своё ценностное отношение к этому, следовательно, отражает свои личные предпочтения через выбор оценочных слов.

В художественном тексте оценка может выражаться как автором, так и персонажем или «специально существующим» для замещения говорящего в нарративном режиме «представителем автора – повествователем» [8, с. 265]: *Другой бы с таким набором качеств гляделся циником, а Гердман – романтиком, несбывшимся гением* [12, с. 124] – повествователь оценивает личность персонажа субъективно, исходя из своего представления об определённых качествах. – *Так вот я скажу вещь странную и даже, может стать, идеалистическую, но вы уж простите меня, мы все с вами немножко недозволенные люди. – И Борисович хмыкнул, а Сосновский кивнул. – Нас всех немножко перерезало пополам, и все мы не совсем мы* [12, с. 56] – метафорически представленная отрицательная оценка выражена персонажем и отражает ситуацию непосредственного общения.

Метафорический способ выражения оценки часто используется в художественных текстах (но не только

в них) и опирается на языковую картину мира писателя. Использование метафоры помогает раскрыть особое видение мира, присущее автору, его индивидуальное восприятие действительности: Он [Илья] *превратился в навязчивую идею*, и мысли Ольги, как стрелка безумного компаса, всё рвали в направлении Ильи [18, с. 276]; *Базиль, ты всегда появляешься у меня в момент крушения жизни, ты спасатель, но, прости, ты всегда для меня знак и воплощение моей неудачи...* [18, с. 512].

Метафорическое отражение мира персонажами трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам» показывает, насколько политизировано было общество, выявляет отношение писателя к происходящим событиям: *Вот почему место происхождения славян, Балканы, не что иное, как европейский аппендицит* [17, с. 127]; *Реальность – гряда горячего, идеи – искры. Эти два мира, разъединённые и враждебные, должны слиться в пламени мирового переворота...* [17, с. 128]; *Мы – новые Колумбы! Мы – гениальные возбудители! Мы – семена нового человечества!* [17, с. 128]. При анализе художественного текста исследование структуры и семантики связочно-субстантивного сказуемого помогает выявить авторскую позицию, отражаемую в данном тексте, охарактеризовать идиостиль писателя с точки зрения отражения в нём преобладающих ментальных операций (отождествление, характеристика, сравнение, уподобление и т. п.) и системы ценностей, характерной для автора.

На примере мыслительной операции оценки рассмотрены наиболее продуктивные в русском языке формы

и значения связочно-субстантивного сказуемого, которое может отражать ментальную деятельность человека. Объём статьи не позволяет подробно описать все виды ментальных операций, совершаемых автором. Интересный материал для обдумывания представляют связочно-субстантивные сказуемые со значением уподобления,

сравнения, превращения. Предварительный анализ показывает, что для разных авторов выбор тех или иных значений и форм связочно-субстантивного сказуемого оказывается значимым и тесно связанным с языковой картиной мира писателя, часто с жанром произведения [3].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998. 896 с.
2. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование: монография. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Books/Index/#book15> (дата обращения 20.01.2017).
3. Герасименко Н.А. Жанр и синтаксис: к проблеме использования бисубстантивных предложений в газетном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 6. С. 45-49.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/325096/slug/izbrannye-trudy-po-azykoznaniiyu> (дата обращения 30.01.2017).
5. Колесникова С.М. Градуальность: системные связи и отношения: монография. М.: Издательство «Прометей», 2012. 283 с.
6. Леденёва В.В. О словах-индикаторах нравственной позиции // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность. Сб. научных трудов. Вып. III / ред. колл.: В.В. Леденёва, Т.М. Фадеева, Е.Д. Звукова. М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 135-140.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под. ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 14 изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1983. 816 с.
8. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
9. Шаповалова Т.Е. Субстантивный оборот как темпоральный знак в повести Б. Зайцева «Голубая звезда» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 58-49.

ИСТОЧНИКИ:

10. Битов А.Г. Неизбежность ненаписанного. М.: Изд-во «Вагриус», 1999. 590 с.
11. Буйда Ю.В. Жунгли: роман. М.: Эксмо, 2013. 488 с.
12. Быков Д.Л. Икс: роман. М.: Эксмо, 2012. 288 с.
13. Пастернак Б.Л. Проза поэта. М.: Вагриус, 2000. 318 с.
14. Славникова О.А. Вальс с чудовищем: роман, рассказы. М.: Вагриус, 2007. 416 с.
15. Токарева В.С. Дерево на крыше: сб. М.: АСТ, 2009. 318 с.
16. Толстой А.Н. Собрание сочинений в 10 т. Т. 5. Хождение по мукам. Кн.1 и 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 638 с.
17. Толстая Т.Н. Любишь – не любишь: Рассказы. М.: Оникс, ОЛМА-ПРЕСС 1997. 384 с.
18. Улицкая Л.И. Зелёный шатёр: роман. М.: Эксмо, 2011. 592 с.

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [The language and the human world]. M., 1998. 896 p.
2. Gerasimenko N.A. Bisubstantivnye predlozheniya v russkom yazyke: struktura, semantika, funktsionirovanie: monografiya. [Bisubstantive sentences in Russian: structure, semantics, functioning: monograph]. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Books/Index/#book15> (request date 20.01.2017)
3. Gerasimenko N.A. Zhanr i sintaksis: k probleme ispol'zovaniya bisubstantivnykh predlozhenii v gazetnom tekste [Genre and syntax: the problem of using bisubstantive sentences in newspaper text] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2014. no. 6. pp. 45-49.
4. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu: Per. s nem. / Obshch. red. G.V. Ramishvili; poslesl. A.V. Gulygi i V.A. Zvegintseva. M.: OAO IG «Progress», 2000. 400 s. [Selected works on linguistics]. Transl. from German, gen. ed. by G. V. Ramishvili; afterword. A.V. and V. A. Gulyga Zvegintseva. M.: «Progress», 2000. 400 p.] - URL: <http://www.libros.am/book/read/id/325096/slug/izbrannye-trudy-po-yazykoznaniyu> (request date 30.01.2017)
5. Kolesnikova S.M. Gradual'nost': sistemnye svyazi i otnosheniya: monografiya [Gradualism: system communication and attitudes: monograph]. M., Izdatel'stvo «Prometei», 2012. 283 p.
6. Ledeneva V.V. O slovakh-indikatorakh npravstvennoi pozitsii [On the indicators of a moral position] Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii: istoriya i sovremennost'. Sb. nauchnykh trudov. III [Russian language in the Slavic intercultural communication: history and present times. Coll. scientific papers. III] / Ed. coll.: V. Ledeneva, T. Fadeeva, E. Zvukova. M., IIU MGOU, 2015. pp. 135-140
7. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. 14th ed., stereotype. M., Russkii yazyk, 1983. 816 p.
8. Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa) [Semantic research (Semantics of time and form in the Russian language; the Semantics of narrative)]. M., Shkola «YAzyki russkoi kul'tury», 1996. 464 p.
9. Shapovalova T.E. Substantivnyi oborot kak temporal'nyi znak v povesti B. Zaitseva «Golubaya zvezda» [The substantive phrase as a temporal mark in the novel by Boris Zaytsev «Blue star»] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2015. no. 4. pp. 58-49.
10. Bitov A.G. Neizbezhnost' nenapisannogo [The inevitability of the unwritten]. M., Izd-vo «Vagrius», 1999. 590 p.
11. Buida YU.V. ZHungli: roman [Jungle: a novel]. M., Eksmo, 2013. 488 p.
12. Bykov D.L. Iks: roman [X: a novel]. M., Eksmo, 2012. 288 p.
13. Pasternak B.L. Proza poeta [The prose of a poet]. M., Vagrius, 2000. 318 p.
14. Slavnikova O.A. Val's s chudovishchem: roman, rasskazy [Waltz with the beast: a novel, stories]. M., Vagrius, 2007. 416 p.
15. Tokareva V.S. Derevo na kryshe: sb. [The tree on the roof: coll.]. M., AST, 2009. 318 p.
16. Tolstoi A.N. Sobranie sochinenii v 10 t. T. 5. Khozhdenie po mukam. Kn. 1 i 2 [Collected works in 10 volumes, vol. 5. The road to Calvary. Books 1 and 2]. M., Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1959. 638 p.
17. Tolstaya T.N. Lyubish' - ne lyubish': Rasskazy [Love, not love: Stories]. M., Oniks, OLMA-PRESS, 1997. 384 p.
18. Ulitskaya L.I. Zelenyi shater: roman [Green tent: a novel]. M., Eksmo, 2011. 592 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук профессор, почётный работник высшего образования РФ, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета
e-mail: nataly@lsm.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya Gerasimenko – Doctor of Philological Sciences, professor, the honourable worker of the higher education of the Russian Federation, professor of department of the modern Russian of the Moscow Region State University;
e-mail: nataly@lsm.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Герасименко Н.А. Отражение человека в языке: связочно-субстантивное сказуемое // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 14-20.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-14-20

CORRECT REFERENCE

N. Gerasimenko. The reflection of a person in a language: copula-substantive predicate // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 14-20.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-14-20

УДК 811.161.1'373

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-21-27

РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ФОРМАНТОВ В СЕМНОМ НАПОЛНЕНИИ ПОНЯТИЯ ОБАЯНИЕ

Головина Т.А.

Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу роли словообразовательных формантов в семном наполнении понятия *обаяние*. На основе лексикографических источников проведено этимологическое исследование трансформации парадигмы лексико-словообразовательного гнезда данного понятия, восстановлена его исторически мотивирующая вершина (*баяти*), реконструирована словообразовательная цепочка в диахроническом плане и представлена структура дериватов на синхронном уровне развития русского языка. У словообразовательных формантов установлено, какие компоненты семантического содержания добавились в процессе эволюции состава и структуры лексико-словообразовательного гнезда.

Ключевые слова. Семантика, этимология, сема, лексема, лексико-словообразовательное гнездо, формант.

THE ROLE OF WORD-BUILDING FORMANTS IN SEMANTIC MEANING OF CONCEPT *CHARM*

T. Golovina

Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the role of word-building formants in semantic meaning of concept charm. On the basis of lexicographical sources an etymological research of transformation the paradigm of the lexical-word-forming nest of this concept is done, historically motivating top (*bayati*) of the lexical-word-forming nest is restored, derivational chain in diachronic level is reconstructed and the structure of derivatives on the synchronous level of development of Russian language is presented. In word-building formants it is established which components of the semantic meaning were added in the evolution of the composition and structure of lexical-word-forming nest.

Keywords: semantic, etymology, seme, lexeme, meaning, the lexico-derivational nest, formant.

Эволюция состава и структуры словообразовательного гнезда, динамика словоупотребления, выход из употребления устаревших слов и значений дают возможность оценить глубинные перемены в духовной и материальной жизни русского народа.

Диахронное исследование трансформаций конкретных языковых единиц выявляет структурно-семантические изменения, на которые оказывают влияние лингвистические и экстралингвистические факторы.

История лексемы *обаяние* связана с постепенным расширением её семантического объёма, что привело к довольно ёмкому толкованию её значения на современном этапе развития русского языка, дало возможность употребления слова во множестве сочетаний и развития в различных контекстах как положительных, так и отрицательных коннотаций.

Слово *обаяние* является исконно русским и отмечается в словарях с XIII века. Образовано от глагола *баяти* ‘колдовать’, ‘ворожить’, ‘рассказывать басни’ и восходит к общеславянскому **bajati*, который в свою очередь образован от общеславянского корня **ba* со значением ‘говорить’, ‘пустословить’, ‘говорить небылицы’, ‘заговаривать’, ‘зачаровывать’, ‘бросать жребий (заговоренные жереба (одесск. жереба – удача, везение; судьба)’. Общее первичное значение корня – ‘говорить нараспев’ или ‘бубнить’. Отсюда: *басня*, *байка*, *баюкать*, *обаяние* (первичный смысл – ‘напевание’ или ‘нашёптывание’), также, возможно, *баян* (музыкальный инструмент). Здесь ясно виден звукоподражательный характер корня (того же круга, что *бубнить*, *балаболить*, *варвар...*) [5].

В современном русском языке слово *обаяние* в значении ‘сильное, покоряющее влияние, воздействие чарующего’ употребляется преимущественно в тех случаях, когда говорится о внешней привлекательности человека или его духовной красоте, поведении, при-

ятных манерах или поступках. *Обаяние* – эмоциональная красота, в которой на первом месте стоят не внешние данные, а умение показать себя миру с той самой обаятельной стороны. Реже это слово употребляется по отношению к окружающему миру или описанию явлений действительности, животных. *Обаятельным* принято называть человека, кажущегося интересным, обладающим внутренней способностью привлекать, воздействовать внешней красотой, эстетическим совершенством, вызывать симпатию, восторг или восхищение поведением, красивой и грамотной речью.

В данной статье в процессе этимологического исследования и словообразовательного анализа мы рассмотрим эволюцию семной структуры лексемы *обаяние* и выявим, какую роль сыграли словообразовательные форманты в семантическом наполнении понятия.

В древнерусском языке происходил процесс активного формирования лексико-семантической парадигмы словообразовательного гнезда с вершиной **bajati*. В словаре под редакцией О.Н. Трубачёва фиксируется, что русское церковнославянское **obbajanjьe* ‘волхование’, ‘чародейство’ является отглагольным производным от церковнославянского **obbajati* ‘обворожить’, ‘обморочить’, ‘околдовать’, ‘очаровать’ [12, с. 94]. Можно составить последовательную словообразовательную цепочку: **bajati* – **obbajati* – **obbajanjьe*. Таким образом, мы видим, что существительное с префиксом *об-* происходит от глагольной основы с тем же префиксом. «В глаголах, мотивированных глаголами, обозначающими действие по его отношению к другому действию, содержатся модификацион-

ные словообразовательные значения, дополняющие или видоизменяющие значение мотивирующего глагола. Все эти значения являются значениями словообразовательных типов. <...> Форманты большей части глаголов не только выражают словообразовательные значения, но играют также видообразующую роль» [6, с. 392]. Первым присоединением к производящему глаголу несовершенного вида стал начальный аффикс *об-*, с помощью которого префиксальный дериват получил категорию совершенного вида, а затем от него уже образовалось имя существительное. Далее в древнерусском языке мы будем наблюдать префикс *о-*, но так как *о-* и *об-* являются вариантами одной морфемы, то их семантический вклад в производные лексемы был одинаков. Данные форманты (*о-* и *об-*) образуют дериваты с разными словообразовательными значениями: указание на «направление действия в пространстве: вокруг, на все стороны предмета», «приобретение объектов действия в некотором количестве: распространение на много объектов», «доведение объекта до какого-либо состояния, нередко с помощью интенсивного или длительного воздействия» [6, с. 392]. Н.В. Крушевский выделял в производных приставочных глаголах два центра: глагольную основу и приставку, где основное значение передаётся основой, а оттенок значений – префиксом [3, с. 152].

В XI-XVII вв. функционировали следующие единицы: *обаяти* (*обояти*) – ‘заколдовать, зачаровать, колдовать’; *обавати* – ‘заклинать, заговаривать, колдовать, увлекать, обольщать’; *обавити* – 1. ‘явить, открыть, показать, ‘сделать известным’ 2. ‘заклясть, ‘за-

говорить, ‘подвергнуть действию чар, колдовства’; *обаяние* (*обояние*) – ‘заклинание, чародейство’, ‘заговорённый предмет, носимый для предохранения от болезней, сглаза’, ‘заговорённое или лечебное средство, снадобье’; *обаянникъ* (*обоянникъ*) – ‘заклинатель, колдун’; *обаяльникъ* – ‘то же, что *обаянникъ*’; *обаавникъ* – ‘то же, что *обавникъ*’; *обаадникъ* – ‘заклинатель, волхв’; *обава* – ‘заклинание’; *обавание* – ‘заклинание’; *обаванникъ* – ‘то же, что *обавникъ*’; *обаватель* – ‘заклинатель, колдун’; *обавательный* – прил. к *обаватель*; *обавление* – ‘заговор, заклятье’; *обавница* – женск. к *обавникъ*; *обавничество* – ‘колдовство, чародейство’; *обавный* – прил. к *обава* [8, с. 8-9; 7].

Обращение к лексическому составу русского языка периода XI-XVII вв. показывает, что префикс *о-* полностью вытеснил первоначальное значение ‘говорить’ и к изначальному значению производной глагольной формы *баяти* ‘колдовать, ворожить’ добавил значения: ‘распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на что-нибудь или кого-нибудь’, ‘довести до результата, совершить действие, названное мотивирующим глаголом’. Доминанта словообразовательного гнезда с *баяти* меняется на *обаяти*. Продуктивным способом пополнения словообразовательной парадигмы на этом этапе является аффиксация. Поскольку префиксы исторически восходили к самостоятельным словам, обладающим собственным значением, то со временем это значение стало семным компонентом префиксальных глаголов, а затем и отглагольных существительных. Так префикс изменил семантику и структуру слов, добавив им определённые значения.

В XVIII веке продолжается процесс расширения структуры словообразовательного гнезда с доминантой *обаяти*. В этот период развития языка появляются следующие формы: имя прилагательное *обаятельный* в значении 'исполненный обаяния, чарующий, пленительный', причастия *обаяти* (-ть), *обаявати*, *обаяющий*, *обаянный*, *обаевающие* и деепричастие *обая* по глаголам *обаяти* / *обавати* в значении 'прельститься, обольститься чем-либо'. Большую часть словообразовательного гнезда составляют имена существительные, называющие людей, занимающихся чародейством: *обаятель*, *обаянщик*, *обаянник*, *обаянница* (книжн.-слав.) 'чародей, волхователь, обольститель' и функционируют два существительных *обание*, *обаянство* в значении 'чарование, колдовство', 'то, что прельщает, привлекает кого-либо'. Увеличение количественного состава словообразовательного гнезда свидетельствует о деривационной активности мотивирующей основы среди носителей языка.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля отражает языковую ситуацию XIX века. Данный лексикографический источник включает диалектные и областные единицы: *баить*, *баять*, *байкать*, *баивать* 'говорить, болтать, беседовать, рассказывать, разговаривать, толковать'; *баюкать* 'припеваючи усыплять'; *баянье* 'говорение, болтание'; *байка* 'говор, речь, гуторка, сказочка, присказка'; *баюнить*, *краснобаить* 'беседовать, занимая разговорами'; *бай*, *байщик*, *баяла*, *байщица*, *баялка*, *баюн*, *баюкон*, *баюнья* 'говорун, рассказчик, краснобай'; *байкий*, *байчивый*, *байливый* 'разговорчивый, беседливый, обходитель-

ный'; *байчивость* 'говорливость, как свойство врождённое, постоянное'; *байливість*, 'словоохотливость случайная, по расположению'; *байолда* 'пустой говорун, пустоплёт, пустомеля'; *баян* 'краснобай, байщик, рассказчик, знающий сказки, песни'; *байборить*, *байболить* 'болтать, молоть, пустословить'; *байбора*, *байбала* 'болтун, пустомеля'; *баю*, *бау*, *бай*, *баюшки*, *баиньки*, *бай-бай* 'припев для усыпления, укачивания ребёнка'; *обавать* (церк.) очаровать, околдовать, обворожить'; *обаять* 'очаровать, околдовать, обворожить'; *обаватель*, *обавательница*, *обаятель*, *обаятельница* 'чародей, колдун, ворожея, знахарь'; *обаявать*, *обаять* 'околдовать, обольстить краснобайством'; *обаивать* 'обмануть краснобайством, надуть рассказнями'; *обаивание* 'действие по глаголу *обаивать*'; *обаим* 'бойкий и ловкий на рассказах плут'; *обаянье* 'очарованье, состояние обаянного'; *обаятельный* 'очаровательный, волшебный, знахарский' [11].

Лексика данного периода отличалась наличием двух словообразовательных гнёзд (с вершиной *баяти* и *обаяти*) с обширным количественным составом и богатым внутренним содержанием. Это объясняется включением в словарь В.И. Даля единиц, ограниченных территориально в употреблении и рассматриваемых литературным языком как архаизмы. Отметим, что говоры сохраняют беспрефиксные формы, имеющие первичное значение 'говорить'.

Префиксальный глагол *обаяти* (-ть), мотивированный глаголом *баяти*, впоследствии оказывается тесно связан с современным именем прилагательным *обаятельный* и существительными *обаятель* / *обаятельница*,

обаяние и входит в новое словообразовательное гнездо, становится его вершиной, в то время как исторически мотивирующая глагольная основа *баяти* выходит из активного употребления.

При синхронном рассмотрении единиц, фиксирующихся в XX веке, устанавливаем, что лексемы *обаятельно* и *обаятельность* 'свойство по значению прилагательного *обаятельный*' образованы от прилагательного *обаятельный* 'исполненный обаяния (в 1 знач.)'; 'привлекательный, очаровательный', которое мотивировано существительным *обаяние* 'покоряющее воздействие, притягательная сила, исходящая от кого-либо, чего-либо'; '(устар.) состояние человека, находящегося под воздействием чего-либо; подчинение, зависимость', которое, в свою очередь, мотивировано глаголом *обаять* '(разг.) подчинить своему обаянию, пленить, очаровать'. Суффикс *-ни-* у существительного *обаяние* имеет значение 'отвлечённый процессуальный признак, названный глаголами' [1, с. 635]. *Обаятель* '(устар.) тот, кто действует с помощью волшебной силы, колдовства; чародей, волшебник, колдун'; *обаятельница* '(устар.) женск. к *обаятель*'; 'обаятельная женщина, привлекающая к себе своим очарованием, прелестью; очаровательница' мотивированы так же глаголом-вершиной *обаять*. Основа *обая-* является немотивированной, новые слова от неё образуются по продуктивным словообразовательным моделям морфологическим способом, в частности, суффиксацией. Например, *обаяшка* '(разг.) обаятельный человек (мужчина, женщина, ребёнок)'.

Семантико-словообразовательный анализ показывает, что исторически мотивирующим словом к лексеме *обаяние* был глагол *баяти* со значением 'говорить', то есть *обаяние* являлось мотивированным словом. Об этом свидетельствуют не только данные лексикографических источников, но и определённые грамматические признаки: основа существительного *обаяние* характеризуется большей формальной сложностью, большей семантической сложностью (значение определяется через глагол *баяти*), рассматриваемая пара *баяти* – *обаяние*, где существительное обозначает действие по этому глаголу, является мотивированным, поскольку значение действия является общим значением глагола, но не существительного. На наш взгляд, в диахроническом плане словообразовательный процесс реконструируется следующим образом: *баяти* → *обаять* → *обаятель* / *обаятельница*; *обаятельный*; *обаяние*. «В плане синхронии и диахронии характеризуются разные типы отношений между словообразовательными единицами. Так, различают отношения производности, связывающие слова, следующие одно за другим в процессе словообразования, и отношения выводимости (мотивации), когда предшествующие и новые слова существуют параллельно. Отношения первого типа относят к диахронии, а второго – к синхронии» [4, с. 39].

Таким образом, история лексемы *обаяние* связана с расширением в производном глаголе *баяти* семантического наполнения и деривационных возможностей. Несмотря на то что часть образованных на базе первообразной лексемы единиц вышла из ак-

тивного употребления, она не стала ставящих компонентов и входит в менее значимой, то есть исходное значение 'говорить' является одним из семную структуру слова *обаяние*.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ефремова Т.Ф. Современный словарь русского языка: Три в одном: Орфографический. Словообразовательный. Морфемный. М.: Астрель: АСТ, 2010. 699 с.
2. Историко-этимологический словарь современного русского языка / Под ред. П.Я. Черных. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. 624 с.
3. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. 296 с.
4. Крылова Н.Ф. Развитие словообразовательной структуры качественных адъективов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2015. № 5. С. 38-44.
5. Общеславянские корни русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovorod.ru/slavic-roots/osl-b.html> (дата обращения 10.11.2016)
6. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980. 789 с.
7. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) [Электронный ресурс]. URL: http://old_russian.academic.ru/?f=0L3Ro9C60Yo%3D&t=0L7QsdC40YI%3D&nt=151 (дата обращения 20.11.2016)
8. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 12 (о-опарный) / Академ. Наук СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1987. 381 с.
9. Словарь русского языка XVIII века. АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения 01.11.2016)
10. Словарь современного русского литературного языка. (БАС). Т. 8. / Под ред. В.И. Чернышёва, С.П. Обнорского, В.В. Виноградова [и др.]. М.; Л.: АН СССР, 1959. 763 с.
11. Толковый словарь живаго великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения 20.11.2016)
12. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 26 (*novoukъ(jь)-obgorditi) / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1999. 237 с.

REFERENCES

1. Efremova T.F. Sovremennyi slovar' russkogo yazyka: Tri v odnom: Orfograficheskii. Slovoobrazovatel'nyi. Morfemnyi [Modern dictionary of Russian: Three in one: Spelling. Derivational. Morphemic]. M., Astrel': AST, 2010. 699 p.
2. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. T. 1 [Historical-etymological dictionary of the modern Russian language. Vol. 1]. M., Russkii yazyk, 1999. 624 p.
3. Krushevskii N.V. Izbrannye raboty po yazykoznaniyu [Selected works on linguistics]. M., Nasledie, 1998. 296 p.
4. Krylova N.F. Razvitie slovoobrazovatel'noi struktury kachestvennykh ad'ektivov [The development of the derivational structure of quality adjectives] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2015. no. 5. pp. 38-44.
5. Obshcheslavjanskije korni russkogo yazyka. [Elektronnyi resurs]. [Common Slavic roots of the Russian language. [E-source]]. URL: <http://www.slovorod.ru/slavic-roots/osl-b.html> (request date 10.11.2016)
6. Russkaya grammatika. Tom I [Russian grammar. Volume I]. M., Nauka, 1980. 789 p.

7. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI-XIV vv.) [Elektronnyi resurs]. [Dictionary of the old Russian language (11-14th centuries) [E-source]]. URL: http://old_russian.academic.ru/?f=0L3Ro9C60Yo%3D&t=0L7QsdC40YI%3D&nt=151 (request date 20.11.2016)
8. Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. T. 12 (o-oparnyi) [Dictionary of Russian language 11-17th centuries. Vol. 12 (o-oparnyi)]. M., Nauka, 1987. 381 p.
9. Slovar' russkogo yazyka XVIII veka / AN SSSR. In-t rus. yaz.; Gl. red.: YU.S. Sorokin. L.: Nauka, 1998 [Elektronnyi resurs]. [Dictionary of the Russian language of the 18th century / USSR. In-t Rus. lang.; Gen.ed. by Y. S. Sorokin. L., Nauka, 1998 [E-source]] // Fundamental'naya elektronnyaya biblioteka [sait] [Fundamental electronic library [website]]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (request date 01.11.2016)
10. Slovar' sovremenno russkogo literaturnogo yazyka. (BAS). T. 8. [Dictionary of the modern Russian literary language. (BAD). Vol. 8.]. M.; L., AN SSSR, 1959. 763 p.
11. Tolkovy slovar' zhivago velikorusskogo yazyka Vladimira Dal'a [Elektronnyi resurs]. [Explanatory dictionary of the Live Great Russian language by Vladimir Dal [E-source]]. URL: <http://slovardalja.net/> (request date 20.11.2016)
12. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskii leksicheskii fond pod red. O.N. Trubacheva. In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova [Etymological dictionary of Slavic languages: proto-Slavic lexical Fund under the editorship of O. N. Trubachev. Vinogradov Institute of Russian language]. Iss. 26 (*novoukъ(jь)-obgorditi). M., Nauka, 1999. 259 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Головина Татьяна Александровна – аспирант кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: box613tagol@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Golovina – postgraduate student at the department of Slavic languages of Moscow Region State University;
e-mail: box613tagol@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Головина Т.А. Роль словообразовательных формантов в семном наполнении понятия *обаяние* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 21-27.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-21-27

CORRECT REFERENCE

T. Golovina. The role of word-building formants in semantic meaning of concept charm // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 21-27.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-21-27

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-28-35

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ГОВОРЯЩИХ» ИМЁН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Крылова А.В.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация: Статья посвящена исследованию семантических особенностей «говорящих» имён в художественном тексте на примере произведений Н.В. Гоголя и Ю.В. Буйды. Рассмотрена мотивированность этих имён, выявлены мотиваторы и их значения, исследован словообразовательный аспект подобного рода антропонимов. Указаны значения «говорящих» имён собственных: они отражают внешность персонажей, их характеры, род деятельности, семейное положение и т. д. Отмечено влияние творчества Н.В. Гоголя на творчество Ю.В. Буйды, его способы создания говорящих имён.

Ключевые слова: мотивированность, антропонимы, семантика, словообразование, текст.

SEMANTIC FEATURES OF THE «SPEAKING» PROPER NAMES IN THE TEXTS OF FICTION LITERATURE

A. Krylova*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract: The article is devoted to the research of the semantic features of the «speaking» proper names in texts of fiction literature on example of N. Gogol's and U. Buida's novels. The motivation of these names is described; the motivators and their meanings are revealed; the word-formation aspect of these proper names is analyzed. The meanings of these anthroponyms are shown. These proper names describe the appearance of characters, their occupation, relationship and so on. It is proved that N. Gogol's works and his ways of creation of the proper names have influenced U. Buida's novels.

Keywords: motivation, anthroponyms, semantics, word formation, text.

Проблема изучения особенностей «говорящих» имён в художественных текстах давно привлекает внимание многих исследователей и является активно изучаемой. Ей посвящены работы Д.Ф. Мыриной, А.С. Донченко, Г.Ф. Ковалёва и др. Однако до сих пор недостаточно изученными остаются подобные имена в прозе современных писателей, в частности, в прозе Ю.В. Буйды.

Настоящая статья посвящена рассмотрению семантических особенностей «говорящих» имён в художественном тексте. Её задачами является исследование функций этих имён, особенностей их мотивированности на примере антропо-

нимокона произведений Н.В. Гоголя и Ю.В. Буйды.

Ю.В. Буйда является признанным писателем современной литературы, куда он вошёл, в первую очередь, как мастер рассказа. Отличительной особенностью прозы этого писателя является создание необычного художественного мира, одновременно достоверного и гротескно-фантастического [15, с. 3]. Частью этого мира являются персонажи, сочетающие в себе реальность и ирреальность, гротеск, что показано в именах собственных. Они отражают характер, поведение и предпочтения героев, создают комический эффект, а иногда являются и единственным средством характеристики персонажа – всё это проявляется в структуре имени собственного, которое можно назвать «говорящим»: *Бухало, Пащя, Мечтальон* и т. д. В создании и употреблении подобного рода имён можно проследить связь творчества Ю.В. Буйды с творчеством Н.В. Гоголя. Ю.В. Буйда в автобиографическом романе «Вор шпион и убийца» описал, насколько сильно повлияли на становление его как писателя произведения Н.В. Гоголя. Подтверждение влияния прозы Н.В. Гоголя на творчество Ю.В. Буйды можно обнаружить и в блоге этого писателя: Ю.В. Буйда составил список лучших, по его мнению, рассказов (рассказчиков), куда включил и Н.В. Гоголя [5]. Семантические и словообразовательные особенности «говорящих» имён в прозе этих писателей также могут служить подтверждением влияния творчества Н.В. Гоголя на творчество Ю.В. Буйды.

Отличительной чертой антропонимов в произведениях Н.В. Гоголя и

Ю.В. Буйды является способность их этимологического значения вызывать ассоциации с каким-либо предметом или явлением. За счёт таких ассоциаций создаётся представление о персонаже в целом [17, с. 29]. В основе таких «говорящих» имён их мотивированность.

«Говорящие» имена собственные обладают по преимуществу внешней мотивированностью и отражают различные свойства именуемого персонажа: его внешность, характер, поведение, род деятельности, семейное положение и т. д.

Так, в прозе Н.В. Гоголя внешность персонажа отражают онимы: *Антон Антонович Пуπουз, Антон Прокофьевич Голопузь, Пузатый Пацюк, Чуб* и т. д. Эти антропонимы мотивированны словом *пузо*, отчего вызывают ассоциации со словом *толстый*. Благодаря этим именам собственным, читатель представляет этих персонажей как толстых, неуклюжих. Антропоним *Чуб* характеризует персонажа по яркой детали внешности.

В произведениях Ю.В. Буйды внешность персонажа отражена в антропонимах, характеризующих рост (*Пётр Большой, Дамба, Геша Конь*); телосложение (*Круглая Дуня, Иголочка, Веточка*); цвет волос (*Пётр Рыжий*); состояние здоровья персонажей (*Слепой Феликс*) и т. д. Эти антропонимы также способны вызывать ассоциации с различными словами, предметами или явлениями. Так, оним *Иголочка* вызывает ассоциации со словами *тонкий, хрупкий* и характеризует обладательницу этого имени как хрупкую и худощавую.

Поведение персонажей, их образ жизни отражают такие «говорящие»

фамилии, как: *Басаврюк*, *Ляпкин-Тяпкин*, *Жевакин*, *Плюшкин* и т. д. Антропоним *Басаврюк* мотивирован диалектными словами *босурканя*, *борсуканя*, пришедшими в украинский язык из венгерского и имеющими значение *ведьма*, *ворожея* [11, с. 71]. Эта фамилия характеризует персонажа «Вечера накануне Ивана Купала» как связанного с нечистой силой. Фамилия *Ляпкин-Тяпкин* восходит к просторечному выражению *тяп-ляп* – ‘делать что-то кое-как, наспех’. Такая фамилия показывает халатность героя в выполнении своих служебных обязанностей. Антропоним *Жевакин* восходит к диалектному слову *жевака*, что значит *жевание*, *жевать* – ‘говорить одно и то же’ – герой постоянно рассказывает одну и ту же историю. Фамилия *Плюшкин*, характеризующая паразитический образ жизни персонажа, как утверждает Г.Ф. Ковалёв, восходит к польскому слову *pluskwa* – ‘клоп’ [18, с. 106].

В прозе Ю.В. Буйды поведение персонажей отражено в онимах *Велосипедистка*, *Штоп*, *Извольте Соблаговолить* или *Соблаговолите Изволить*, *Лилая Фимочка* и т. д. Прозвище *Велосипедистка* героиня получила за то, что она несколько раз уезжала от мужа к другим мужчинам на велосипеде. Онимы *Штоп*, *Извольте Соблаговолить* или *Соблаговолите Изволить*, *Лилая Фимочка* отражают речевое поведение персонажей и характеризуют их любовь к подобного рода словам.

Характер персонажа в произведениях Н.В. Гоголя отражают такие имена, как *Сквозник-Дмухановский*, *Бобчинский*, *Хлестаков* и др. Фамилия *Сквозник-Дмухановский* восходит к диалектизму *сквозник* – ‘хитрый,

опытный плут’ и пролаз и к древнерусскому слову *дмухать* – ‘дуть, надувать’. Фамилия персонажа отражает его хитрость и стремление обмануть других. Фамилия *Бобчинский* восходит к диалектизму *бобыч* – ‘глупый человек’ и также дополняет характеристику персонажа, ещё раз указывая читателю на глупость героя. Фамилия *Хлестаков* восходит к диалектным словам *хлестать* (‘врать, пустословить’), *хлёт* (‘щёголь, повеса’), *хлыстун* (‘лентяй, тунеядец’). Фамилия включает в себе полную характеристику этого героя: *Хлестаков* – праздный повеса, способный лишь пустословить [16, с. 22].

В прозе Ю.В. Буйды характер персонажа отражён в именах *Хитрый Мух*, *Скарлатина*, *Эсэсовка Дора* и т. д. Антропоним *Скарлатина* мотивирован названием болезни и отражает вздорный характер героини, что показано и в контексте: *Лиду Самарину* <...> прозвали ***Скарлатиной*** из-за ***вздорного характера*** и лающего голоса [3, с. 297]. Оним *Эсэсовка Дора* мотивирован названием военного подразделения фашистской Германии и также отражает вздорный характер его обладательницы.

Род деятельности персонажа отражает, к примеру, фамилия учителя грамматики *Деепричастие*, которая восходит к названию части речи.

В прозе Ю.В. Буйды род деятельности отражён в антропонимах *Зойка-с-мясокомбината*, *Андрей Фотограф*, *Прокурор*, *Дэр Тыш* и т. д. Оним *Дэр Тыш* восходит к немецкому слову *der Tisch* – (‘стол’) и указывает, что обладатель этого онима является учителем немецкого языка.

Семейное положение персонажей отражено в антропонимах *Товстогу-*

биха и Пётр Безродный. Имя собственное Товстогубиха указывает, что его носитель состоит в браке. Антропоним Пётр Безродный характеризует персонажа как сироту, родителей которого никто не помнит, что показано и в контексте: *никто не помнил ни отца его, ни матери* [13, с. 31].

В произведениях Ю.В. Буйды семейное положение персонажей отражено в онимах *Буяниха, Зассиха, Танька Фашистка* и т. д. Эти имена указывают, что их обладательницы являются жёнами персонажей-носителей фамилий *Буян, Засс* и прозвища *Витька Фашист*.

Мотиваторами у «говорящих» имён собственных выступают не только слова литературного языка, что показано в именах *Елизавета Воробей, Степан Пробка* – в прозе Н.В. Гоголя; *Пётр Большой, Слепой Феликс* – в произведениях Ю.В. Буйды, но и диалектизмы представленные, к примеру, в фамилиях *Хлестаков, Жевакин, Сквозник-Дмухановский*; иноязычные слова, представленные в антропонимах *Пацюк, Цыбуля* – у Н.В. Гоголя; *Дэр Тыш* – у Ю.В. Буйды; просторечия, представленные в онимах *Держиморда, Никита Волокита* – у Н.В. Гоголя; *Дед Пихто, Лапа* – у Ю.В. Буйды и т. д. Иногда в роли мотиваторов выступают слова с семантикой телесности: например, *живот, пузо* в именах *Пупопуз, Голопузь* – у Н.В. Гоголя; *Однобрюховы* – у Ю.В. Буйды; *губы, рот* в именах *Товстогуб, Товстогубиха* – у Н.В. Гоголя; *Полорототова, Мухоротов* – у Ю.В. Буйды и т. д.

В прозе Ю.В. Буйды мотиваторами онимов могут являться и интертекстуальные элементы, отсылающие читателя к тому или иному культурному или

историческому явлению. Это проявляется, например, в прозвище *Лаврентий Павлович Берия*, которое схоже с именем известной исторической личности. Прозвище *Иванов-не-Тот* отсылает читателя к персонажу по имени Иван Иванович из повести Н.В. Гоголя «...о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: *Иван Иванович – не тот Иван Иванович, а другой...* [13, с. 270].

Мотивирующие слова обладают по преимуществу отрицательной коннотацией.

Помимо мотивированности, ещё одной особенностью «говорящих» имён являются способы их образования. Образуюсь тем или иным способом, имена становятся «говорящими», приобретают экспрессивность и комический эффект. В прозе Н.В. Гоголя и Ю.В. Буйды общими основными средствами образования «говорящих» имён собственных являются: аффиксация, контаминация и субстантивация.

В прозе Н.В. Гоголя аффиксацией создаются фамилии персонажей за счёт прибавления к основе мотиватора суффиксов *-ов-* (*-ёв-*), *-ск-*, *-их-*, *-ин-* (*-ын-*), *-евич-* и т. д. в фамилиях *Товстогубиха, Хлопов, Плюшкин, Пуговицын, Ноздрёв, Растаковский, Собакевич* и т. д.

В произведениях Ю.В. Буйды создаются прозвища персонажей за счёт прибавления к основе мотиватора суффиксов *-л-*, *-ло-*, *-иц-*, *-их-* в антропонимах *Синила, Бухало, Тамарища, Носиха* и др. Эти суффиксы выражают фамильярное отношение к именуемым объектам, а также дают читателю представление об облике персонажей. Так, суффикс *-иц-* в антропониме *Тамарища* указывает на

предположительно огромный размер носительницы этого имени.

Способом контаминации в произведениях Н.В. Гоголя образованы антропонимы, придающие комичность образу персонажа: *Держиморда*, *Растаковский*, *Неуважай-Корыто*, *Доезжай-Недоедешь* и т. д.

В прозе Ю.В. Буйды способом контаминации образованы следующие «говорящие» имена собственные: *Незевай-лошадь*, *Люболя*, *Бабушка Почемучето* и т. д. Эти антропонимы не только придают комичность образу персонажа, но и отражают его внешний облик и поведение. Например, антропонимом *Люболя* наделены сиамские близнецы Люба и Оля, прозвище *Бабушка Почемучето* героиня получила за свою манеру произносить сочетание *потому что*.

Путём субстантивации в прозе Н.В. Гоголя образованы фамилии: *Утешительный*, *Беспечный*, *Победоносный* и т. д. Они подчёркивают характер персонажей (*Беспечный*) или являются средством выражения авторской иронии по поводу образа героев (*Утешительный*).

В произведениях Ю.В. Буйды способом субстантивации образованы прозвища, характеризующие внешний вид (*Синенький* – персонаж с синюшным цветом лица) и поведение персонажей (*Пащя*).

Некоторые «говорящие» имена собственные присущи эпизодическим персонажам и являются единственным средством их характеристики. Такковыми являются, например, фамилии героев поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» *Кислородов*, *Краснонос* и *Самосвистов*, образованные по одинаковой модели и употреблённые в одном контексте. Они характеризуют пер-

сонажей как типичных, одинаковых: *В большом зале генерал-губернатора дома собралось всё чиновное сословие города, начиная от губернатора до титулярного советника: правители канцелярий и дел, советники, ассессоры, Кислородов, Краснонос, Самосвистов...* [13, с. 719]. В прозе Ю.В. Буйды к подобного рода именам относится оним *Лебезьян*, характеризующий персонажа как непривлекательного человека с плохим характером за счёт ассоциации его прозвища со словами *лебезить* и *обезьяна*.

Таким образом, можно утверждать, что произведения Н.В. Гоголя оказали влияние на систему образования имён собственных в прозе Ю.В. Буйды: писатели используют похожие модели словообразования (контаминацию и субстантивацию). Сходство обнаруживается и в особенности употребления Н.В. Гоголем и Ю.В. Буйдой «говорящих» имён: при описании эпизодических персонажей подобного рода имя собственное становится единственным средством характеристики героя. Влияние произведений Н.В. Гоголя на творчество Ю.В. Буйды проявляется и в особенностях мотивированности антропонимов: в наличии интертекстуальных компонентов в составе созданных Ю.В. Буйдой имён собственных.

Рассмотрев семантические особенности «говорящих» имён в художественном тексте, можно сделать вывод: эти особенности у каждого имени подобного рода индивидуальны и зависят от семантики мотиватора, от ассоциаций, которые способны вызвать то или иное имя, и от словообразовательных особенностей «говорящего» имени собственного.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Буйда Ю.В. Вор шпион и убийца. М.: Эксмо, 2014. 316 с.
2. Буйда Ю.В. Дон Домино. М.: Эксмо, 2013. 209 с.
3. Буйда Ю.В. Жунгли. М.: Эксмо, 2013. 441 с.
4. Буйда Ю.В. Львы и лилии. М.: Эксмо, 2013. 443 с.
5. Буйда Ю.В. Официальный сайт Юрия Бuidы [Электронный ресурс]. URL: <http://buida.ru/blog/krov-rasskazchika/#comments> (дата обращения 11.06.2016).
6. Буйда Ю.В. Послание госпоже моей левой руке. М.: Эксмо, 2014. 284 с.
7. Буйда Ю.В. Прусская невеста. М.: Эксмо, 2015. 699 с.
8. Буйда Ю.В. Синяя кровь. М.: Эксмо, 2011. 231 с.
9. Буйда Ю.В. Цейлон. М.: Эксмо, 2015. 413 с.
10. Буйда Ю.В. Яд и мёд. М.: Эксмо, 2014. 281 с.
11. Бушаков В.А. Образ Басаврюка в повісті М.В.Гоголя «Вечір проти Івана Купала» // Slavica та baltika в ономастиці України. Київ: 1999. С. 71-73.
12. Васильева Е. Семантика антропонимов в произведениях Н.В. Гоголя и проблема их перевода на чешский язык [Электронный ресурс]. URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/132753/LitterariaHumanitas_015-2010-1_49.pdf?sequence=1 (дата обращения: 21.05.2016).
13. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2009. 1231 с.
14. Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды. М.: 1988. 87 с.
15. Дегтяренко К.А. Языковые приёмы комического в книге рассказов Ю. Бuidы «Прусская невеста»: дисс. ... канд. филол. наук. Калининград, 2009. 150 с.
16. Донченко А.С. Особенности мужских именований в пьесах Н.В. Гоголя и А.П. Чехова // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4 (23). С. 22-25.
17. Донченко А.С. Семантико-стилистические особенности пьес Н.В. Гоголя и А.П. Чехова : дис ... канд. филол. наук. М., 2011. 220 с.
18. Ковалёв Г.Ф. Автобиографизм ономастики Н.В. Гоголя // Записки з ономастики. 2011. № 14. С. 97-111.
19. Ковалёв Г.Ф. Литературная ономастика. М.: Научная книга, 2014. 447 с.
20. Мырина Д.Ф. Антропонимы Н.В. Гоголя: структурно-семантический и переводческий аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). С. 147-150.

REFERENCES

1. Buida YU.V. Vor, shpion i ubiitsa [The thief, spy and assassin]. M., Eksmo, 2014. 316 p.
2. Buida YU.V. Don Domino [Don Domino]. M., Eksmo, 2013. 209 p.
3. Buida YU.V. Zhungli [Jungle]. M., Eksmo, 2013. 441 p.
4. Buida YU.V. L'vy i lilii [Lions and lilies]. M., Eksmo, 2013. 443 p.
5. Buida YU.V. Ofitsial'nyi sait Yuriya Buidy [Elektronnyi resurs]. [Official website of Yuri Buida [Electronic resource]]. URL: <http://buida.ru/blog/krov-rasskazchika/#comments> (request date 11.06.2016)
6. Buida YU.V. Poslanie gospozhe moei levoi ruke [Message to Ms. My left arm]. M., Eksmo, 2014. 284 p.
7. Buida YU.V. Prusskaya nevesta [The Prussian bride]. M., Eksmo, 2015. 699 p.
8. Buida YU.V. Sinyaya krov' [Blue blood]. M., Eksmo, 2011. 231 p.
9. Buida YU.V. Tseilon [Ceylon]. M., Eksmo, 2015. 413 p.

10. Buida YU.V. *Yad i med* [Poison and honey]. M., Eksmo, 2014. 281 p.
11. Bushakov V.A. *Obraz Basavryuka v povisti M.V.Gogolya «Vechir proti Ivana Kupala»* [Image of Basavryuk in N. Gogol's story «Night before Ivan Kupala»] // *Slavica ta baltika v onomastitsi Ukraini* [Slavica and baltika in onomastics of Ukraine]. Kiev, 1999. pp. 71-73.
12. Vasil'eva E. *Semantika antroponimov v proizvedeniyakh N.V. Gogolya i problema ikh perevoda na cheshskii yazyk* [Elektronnyi resurs]. [The semantics of anthroponyms used in the works of N. Gogol and the problem of their translation into the Czech language [Electronic resource].] - URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/132753/LitterariaHumanitas_015-2010-1_49.pdf?sequence=1 (request date 21.05.2016)
13. Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome* [Complete works in one volume]. M., Izdatel'stvo ALFA-KNIGA, 2009. 1231 p.
14. Gorbanevskii M.V. *Onomastika v khudozhestvennoi literature: Filologicheskie etyudy* [Onomastics in literature: Linguistic studies]. M., 1988. 87 p.
15. Degtyarenko K.A. *Yazykovye priemy komicheskogo v knige rasskazov YU. Buidy «Prusskaya nevesta»: dis. ... kand. filol. nauk* [The linguistic techniques of comic book stories by Y. Buida «Prussian bride»: candidate of Philological Sciences thesis]. Kaliningrad, 2009. 150 p.
16. Donchenko A.S. *Osobennosti muzhskikh imenovanii v p'sakh N.V. Gogolya i A.P. Chekhova* [Features of male names in N. Gogol's and A. Chekhov's stories] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education]. 2010. no. 4 (23). pp. 22-25.
17. Donchenko A.S. *Semantiko-stilisticheskie osobennosti p's N.V. Gogolya i A.P. Chekhova* : dis ... kand. filol. nauk [Semantic and stylistic features of the plays of N. Gogol and A. Chekhov: candidate of Philological Sciences thesis]. M., 2011. 220 p.
18. Kovalev G.F. *Avtobiografizm onomastiki N.V. Gogolya* [Autobiographism of N. Gogol onomastics] // *Zapiski z onomastiki* [Onomastic notes]. 2011. no. 14. pp. 97-111.
19. Kovalev G.F. *Literaturnaya onomastika* [Literary onomastics]. M., Nauchnaya kniga, 2014. 447 p.
20. Mymrina D.F. *Antroponimy N.V. Gogolya: strukturno-semanticheskii i perevodcheskii aspekty* [Gogol: structural-semantic and translation aspects] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological science. The theory and practice]. 2014. no. 4 (34). pp. 147-150.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крылова Алёна Геннадьевна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: alena1krylova@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alena Krylova – postgraduate student at department of Modern Russian language of Moscow Region State University;
e-mail: alena1krylova@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Крылова А.В. Семантические особенности «говорящих» имён в художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 28-35.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-28-35

CORRECT REFERENCE

A. Krylova. Semantic features of the «speaking» proper names in the texts of fiction literature // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 28-35.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-28-35

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-36-42

БИСУБСТАНТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЖАНРЕ ГАЗЕТНОЙ СТАТЬИ

Степанчиков М.А.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье приводится анализ бисубстантивных предложений, функционирующих в текстах статей известных российских периодических изданий («Ведомости», «Известия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Труд-7»). Анализируется структура и семантика конструкций, приводятся примеры, иллюстрирующие продуктивность и особенности функционирования бисубстантивных предложений с семантикой собственно отождествления в трёх её разновидностях: идентификация, выявление сущности понятия и выявление содержания понятия.

Ключевые слова: бисубстантивное предложение, тексты средств массовой информации, жанры средств массовой информации, семантика отождествления.

BISUBSTANTIVE SENTENCES IN THE GENRE OF NEWSPAPER ARTICLE

M. Stepanchikov*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article provides an analysis of the bisubstantive sentences that function in the texts of articles by famous Russian periodicals («Vedomosti», «Izvestiya», «Komsomolskaya Pravda», «Moskovsky Komsomolets», «Trud-7»). We analyze the structure and semantics of the constructions, present a number of examples to illustrate the efficiency and features of functioning of bisubstantive sentences with the semantics of the actual identification in its three varieties: the identification, detection and identification of the essence of the concept of the notion.

Keywords: bisubstantive sentence, texts of mass media, genre of mass media, identification.

Особое место в современном мире человек отводит средствам массовой информации (СМИ). Потребность получать актуальные, проверенные сведения – одна из самых важных потребностей в начале XXI века. Несмотря на то что наиболее простым способом получения информации является телевидение и Интернет, в России лидирующими разновидностями СМИ являются печатные издания: «В России согласно данным Роскомнадзора по состоянию на 17 февраля 2016 года официально зарегистрировано 83352 средства массовой информации. Доминирующие позиции, на которые приходятся две трети всех СМИ, занимают печатные издания – журналы и газеты. Их доля в общем количестве

СМИ составляет 37% и 28%, соответственно» [8]. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что газетный текст является важнейшим источником получения информации.

Важной чертой современных российских средств массовой информации является их нацеленность не столько на сообщение новостей, сколько на «анализ, исследование, истолкование происходящих событий, процессов, ситуаций» [9], что подтверждают материалы нашего исследования. В силу этого в СМИ выработалась и активно функционирует эффективная система аналитических жанров. Основными жанрами современной аналитической публицистики являются следующие: аналитический отчёт, аналитическое интервью, беседа, комментарий, социологическое резюме, анкета, мониторинг, рейтинг, рецензия, статья, журналистское расследование, обозрение, обзор СМИ, прогноз, письмо, исповедь, рекомендация (совет), аналитический пресс-релиз [9]. Не существует чёткой границы между представленными аналитическими жанрами, однако их объединяет основная функция – воздействие на читателя, убеждение. Постоянно находясь в неисчерпаемом информационном потоке, человек (языковая личность) не может не попасть под влияние СМИ.

Статья – один из основных жанров публицистики, который характеризуется постановкой и разработкой проблемы на основе анализа явлений, событий, сопоставления фактов и теоретических обобщений. Опираясь на теорию А.А. Тертычного [9], считаем важнейшими следующие признаки статьи:

1) цель статьи – проследить связи, соединяющие данную ситуацию, факт с миром социальных проблем современности;

2) объективность авторского «Я» проявляется в выборе темы статьи, умении доказательно излагать материал и отборе необходимых аргументов;

3) драматизация изложения – проблема представлена как борьба разных сил.

Аналитическое обсуждение предмета в статье должно быть проведено так, чтобы читатели могли, используя публикацию, размышлять далее над интересующими их вопросами. Статья объясняет читателям как общественную, так и личную значимость актуальных процессов, ситуаций, явлений, их причинно-следственные связи и таким образом иницирует читательские размышления, действия, связанные с предметом отображения в публикации. Кроме того, она обращает внимание аудитории на те задачи, проблемы, которые возникают в связи с описываемыми ситуациями, показывает, какие стратегические или тактические интересы имеются у тех или иных участников этих ситуаций. «Удачная статья создаёт реальное представление об актуальной ситуации, служит основой для выработки идей, импульсов, предваряющих принятие практических мер. «Правильная» статья всегда связана с отображением предмета вполне определённого характера» [9]. Таким образом, занимаясь исследованием какой-либо проблемы в статье, журналист никак не может обойтись без отождествления, классификации, характеристики, сравнения явлений действительности. Именно здесь на

первый план выходят бисубстантивные предложения (БП) [4].

Цель настоящей статьи – исследовать особенности функционирования бисубстантивных предложений в текстах газетных статей и выявить связь между определёнными разновидностями БП и жанром статьи.

Основной для всех разновидностей БП является семантика отождествления, которая опирается на категориально-предметное значение имени существительного: если два предмета в той или иной мере допускают сопоставление, они могут находиться в предикативных отношениях друг к другу. Изучением семантики отождествления в русском языке занимались такие учёные, как А.А. Шахматов [10], А.М. Пешковский [7], Н.Д. Арутюнова [1] и др. Говоря о семантике бисубстантивных предложений, функционирующих в аналитических статьях, следует отметить, что в подобных конструкциях чаще, чем в других жанрах СМИ, проявляется значение собственно отождествления (в терминологии Н.А. Герасименко): «семантика собственно отождествления проявляется в бисубстантивных предложениях в виде следующих значений: идентификация, толкование, выявление сущности понятия, выявление содержания понятия и др.» [3; ср. понимание тождества в 1, с. 2]. Среди этих видов значений в газетной статье наиболее часто используются БП с семантикой идентификации, выявления сущности понятия и выявления содержания понятия.

1. Семантика идентификации в БП проявляется тогда, когда автору высказывания необходимо установить тождество между известной и неиз-

вестной сторонами предмета. Поэтому в функции подлежащего и именной части связочно-субстантивного сказуемого таких конструкций выступают имена существительные с конкретно-предметным значением: *А когда всё-таки решился, объяснил: мол, боюсь наркоманов. Это и был младший племянник – Михаил* [13, от 30.12.2012]; *Они и есть те самые предшественники, о которых говорил губернатор* [15, от 05.07.2013]; *Это и есть те породы, из которых добывается сланцевый газ* [12, от 23.06.2014]. Для таких конструкций характерно наличие связки *быть* (в том числе в имплицитной форме настоящего времени) с частицей *и* в препозиции. Такая связка, взаимодействуя с именами существительными с конкретно-предметным значением, придаёт высказыванию значение идентификации.

Как показал анализ, наиболее распространёнными в текстах газетных статей являются бисубстантивные предложения, предикативное ядро которых содержит собственные имена существительные. Это обусловлено необходимостью журналиста охарактеризовать объект, ведь имена собственные «сами по себе не передают какой-либо объективной информации» [2, с. 2], являются семантически ущербными: *По информации «Известий», именно Алексей Папков и был тем самым юристом, который неожиданно обнаружил документ из Министерства юстиции России, где говорилось о нарушениях в процедуре регистрации ПФЛ* [12, от 01.02.2013]; *Тихе и есть тот самый «толстокожий бог», о котором писал Осип Эмильевич* [13, от 27.06.2014].

Идентификация в бисубстантивных предложениях осуществляется посредством процессов генерализации и минимализации [6, с. 74–77]. Под генерализацией понимается процесс, при котором происходит подведение неизвестного компонента смысла высказывания под более широкое понятие, установление гипо-гиперонимических отношений между ними: *Буррато – сорт сыра, изготовленного из молока буйволиц и коров* [13, от 21.08.2014]; *«Стандарт» – известный в Бельгии футбольный клуб из Льежа* [14, от 09.08.2014]. Минимализация, наоборот, представляет собой процесс, при котором происходит отсылка к конкретному, единичному предмету: *До прихода в зал Путина уже никто не сомневался, что этот человек и есть новый министр юстиции, тем более что Устинова в зале не было* [13, от 13.05.2013]; *Вскоре выяснилось, что Хусейнов снимал квартиру на Щёлковском шоссе – это и была квартира Мухаммада Эюбова* [13, от 05.06.2013]. В подобных конструкциях, сформированных на базе минимализации, семантика идентификации проявляется отчётливо, без дополнительного оттенка характеристики.

Анализ БП показал, что наиболее продуктивно в тексте газетной статьи семантика идентификации проявляется с помощью процесса генерализации. Это обусловлено необходимостью объяснения новых или незнакомых читателю понятий, идентификации предметов, что на уровне грамматики проявляется во включении значения субъекта в значение предиката.

2. Семантика определения сущности предмета, который назван существительным в позиции субъекта вы-

сказывания, выражается с помощью связок *быть* как в нулевой, так и в эксплицитной форме, *являться*, *являть (собой)*, *представлять (собой)*: *Любой язык **есть** система, он подчиняется определённым правилам* [14, от 21.12.2012]; *Элементарным способом пополнения натрия в организме **является** лёгкое присаливание пищи* [14, от 09.08.2014]; *Понятно, что любое другое общественное устройство **являет собой** те же правила игры, вид сбоку, но при демократии свод правил прозрачен и доступен всем* [13, от 05.03.2014]; *Посвящённая 25-летию Союза фотохудожников России, осуществлённая при поддержке Министерства культуры РФ, она **представляет собой** выверенный отбор лучших работ лучших отечественных фотографов последних десятилетий* [11, от 18.02.2016]. Значение данных связок совпадает со значением выявления сущности: «*быть*, *являться* кем-либо, чем-либо – это и значит *быть* тождественным по сути» [3]. Подобные конструкции встречаются в текстах аналитических статей реже, чем БП с семантикой идентификации. Это связано, прежде всего, с тем, что связки, выражающие значение определения сущности предмета, имеют книжный оттенок, что обуславливает использование подобных конструкций в научных, а не публицистических текстах.

3. Семантика выявления содержания понятия может проявляться в предложениях, содержащих в предикативном ядре только имена существительные с отвлечённым значением: *Однако, если разобраться, эти **скандалы** **закключаются не в банкротствах** как таковых* [14, от 09.08.2014]; *Конечно же, наш **подход** **состоял в мульти-***

культурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга [12, от 18.10.2012]; *Ум состоит в логике, обаяние – в неопределённости* [13, от 30.03.2012]. Как видно из приведённых примеров, значение выявления содержания понятия выражается с помощью связок *закключаться в, состоять в*, которые по своей семантике предполагают неравенство объёма, включение одного понятия в содержание другого: *Закключаться*. 'Представлять собой что-н., состоять из чего-н.' [5, с. 178]; *Состоять*. 'Иметь своим содержанием что-н.' [5, с. 601]. Продуктивность этой разновидности семантики собственно отождествления обусловлена тем, что диапазон значений абстрактных существительных, содержащихся в предикативном ядре БП, велик, а в статье как жанре СМИ абстрактные существительные используются часто, что соответствует аналитическому характеру данного жанра публицистики.

Наиболее часто данное значение проявляется в текстах аналитических статей в конструкциях, в которых в качестве основной части связочно-субстантивного сказуемого находится указательное местоимение с прикреплённой к нему придаточной частью: *Возможно, причина возникновения подобных спорных ситуаций состоит в том, что этот вопрос до конца не решён между министерством образования и руководством вузов* [12, от 07.07.2014]; *Трагичный побочный эффект развития всех этих методов слежки заключается в том, что журналистика становится несоизмеримо более сложной профессией, чем в прошлом, – предостережёт он и заодно добавил, что в частной жизни никогда бы не полагался на Google и Skype* [13, от

20.07.2014]. В жанре газетной статьи часто используются предложения, в которых часть связки опускается: *Но ценность Олега в том, что он – глубокий актёр* [14, от 09.08.2014]; *Возможно, секрет моей удачи в том, что во время дубляжа фильма «Мистер и миссис Смит» я была на девятом месяце беременности – мягкой, нежной будущей мамой* [13, от 16.07.2015]. Ср.: *Но ценность Олега заключается / состоит в том, что он глубокий актёр*.

Таким образом, аналитическая статья представляет собой один из основных жанров публицистики, характеризующийся постановкой и разработкой проблемы на основе анализа явлений, сопоставления фактов и теоретических обобщений. Бисубстантивные предложения, которые продуктивны в текстах статей, помогают произвести и выразить в языковой форме данные мыслительные операции.

Как показывает проведённый анализ, широко употребительными для жанра газетной статьи конструкциями являются бисубстантивные предложения с семантикой собственно отождествления в трёх её разновидностях: со значениями идентификации, выявления сущности понятия и выявления содержания понятия. Семантика идентификации в тексте статьи, как правило, формируется на базе генерализации и часто проявляется в конструкциях, предикативное ядро которых содержит собственные имена существительные. Наименее продуктивными являются конструкции с семантикой выявления сущности понятия, что обусловлено стилистической окраской книжности подобных конструкций. Продуктивность конструкций с семантикой выявления содер-

жания понятия обусловлена тем, что диапазон значений абстрактных существительных, содержащихся в предикативном ядре БП, велик, что позволяет автору текстов статей расширить

круг рассматриваемых вопросов для выполнения основной цели аналитической журналистики – воздействия на читателей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976. 384 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998. 896 с.
3. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Books/Index/#book15> (дата обращения: 22.06.2016).
4. Герасименко Н.А. Жанр и синтаксис: к проблеме использования бисубстантивных предложений в газетном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 6. С. 45-49.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 65 000 слов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 26-е изд., перераб. и доп. М., 2008. 736 с.
6. Ломов А.М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994. 277 с.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001. 452 с.
8. СМИ России в 2016. Анализ данных за 25 лет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediadigger.ru/smi-rossii-v-2016-analiz-dannyh-za-25-let/> (дата обращения: 30.01.2017).
9. Тertychnyy A.A. Жанры периодической печати. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (дата обращения 30.01.2017).
10. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка // редакция и комментарии проф. Е.С. Истриной. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

ИСТОЧНИКИ:

11. Газета «Ведомости». 2013 – 2016 г.
12. Газета «Известия». 2012 – 2014 г.
13. Газета «Комсомольская правда». 2012 – 2015 г.
14. Газета «Московский комсомолец». 2012 – 2016 г.
15. Газета «Труд-7». 2013 г.

REFERENCES & SOURCES

1. Arutyunova N.D. Predlozhenie i ego smysl [The sentence and its meaning]. M., 1976. 384 p.
2. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [The language and the human world]. M., 1998. 896 p.
3. Gerasimenko N.A. Bisubstantivnye predlozheniya v russkom yazyke: struktura, semantika, funktsionirovanie [Elektronnyi resurs]. [Bisubstantive sentences in Russian: structure, semantics, functioning [E-source]]. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Books/Index/#book15> (request date 22.06.2016)
4. Gerasimenko N.A. Zhanr i sintaksis: k probleme ispol'zovaniya bisubstantivnykh predlozhenii v gazetnom tekste [Genre and syntax: the problem of using bisubstantive sentences in newspaper text] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2014. no. 6. pp. 45-49.

5. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: Ok. 65 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory dictionary of the Russian language: Ab. 65 000 words and phraseological expressions]. 26th ed., rev. and enl. M., 2008. 736 p.
6. Lomov A.M. Tipologiya russkogo predlozheniya [Typology of the Russian sentence]. Voronezh, 1994. 277 p.
7. Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in a scientific light]. M., 2001. 452 p.
8. SMI Rossii v 2016. Analiz dannykh za 25 let [Elektronnyi resurs]. [The media in Russia in 2016. Data analysis for 25 years [E-source]]. URL: <http://www.mediadigger.ru/smi-rossii-v-2016-analiz-dannykh-za-25-let/> (request date 30.01.2017)
9. Tertychnyi A.A. Zhanry periodicheskoi pechati. Uchebnoe posobie. M.: Aspekt Press, 2000. [Elektronnyi resurs]. [Genres of periodicals. Textbook. M.: Aspect Press, 2000. [E-source]]. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (request date 30.01.2017)
10. Shakhmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka [The syntax of the Russian language]. 3rd ed. M., Editorial URSS, 2001. 624 p.
11. Gazeta «Vedomosti» [The Newspaper Vedomosti]. 2013–2016.
12. Gazeta «Izvestiya» [The Newspaper Izvestia]. 2012 – 2014.
13. Gazeta «Komsomol'skaya pravda» [The Newspaper Komsomolskaya Pravda]. 2012–2015.
14. Gazeta «Moskovskii komsomolets» [The Newspaper Moskovsky Komsomolets]. 2012–2016.
15. Gazeta «Trud-7» [The Newspaper Trud-7]. 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанчиков Михаил Андреевич – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: mishastep.91@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Stepanchikov – postgraduate student at the department of Modern Russian language of Moscow Region State University;
e-mail: mishastep.91@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Степанчиков М.А. Бисубстантивные предложения в жанре газетной статьи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 36-42.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-36-42

CORRECT REFERENCE

M. Stepanchikov. Bisubstantive sentences in the genre of newspaper article // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 36-42.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-36-42

УДК 81.367.322

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-43-48

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА МЕСТОИМЁННЫХ СОБСТВЕННО ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Шаповалова Т.Е.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье описывается темпоральное значение местоимённых собственно вопросительных предложений, извлечённых методом сплошной выборки из повести А.И. Куприна «Колесо времени». Для таких вопросительных предложений характерна ИК-2, допускающая передвижение центра как средства смыслового противопоставления. Доказывается, что в подобных предложениях эксплицируется временная неопределённость в её отношении к настоящему, прошедшему или будущему синтаксическому времени. Рассмотрены временные значения используемых писателем вопросительно-утвердительных и вопросительно-отрицательных предложений.

Ключевые слова: синтаксическое время, вопросительное предложение, временная определённость, временная неопределённость, вопросительная интонация, вопросительные местоимённые слова.

THE TEMPORAL SEMANTICS OF THE PRONOMINAL PROPER INTERROGATIVE SENTENCES

T. Shapovalova

*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article describes a temporal meaning of pronominal proper interrogative sentences extracted by the method of continuous sampling from the story by A. Kuprin "The Wheel of Time". Such interrogative sentences are characteristic of the IC-2 that allows movement of the centre as a means of semantic opposition. It is proved that in such sentences the temporal uncertainty is explicated in its relation to the present, past or future syntactic time. The article considers temporal meanings used by the writer in interrogative-affirmative and interrogative-negative sentences.

Keywords: syntactic time, interrogative sentence, temporal certainty, temporal uncertainty, questioning intonation, interrogative pronominal words.

Как известно, вопросительное предложение по своему функционально-коммуникативному заданию являет собой синтаксическую конструкцию, которая осуществляет запрос недостающей говорящему информации о разнообразных компонентах объективно существующей ситуации. Как отмеча-

ет С.Г. Ильенко, вопросительные предложения «являются наиболее сильным коммуникативным средством, так как в норме не только требуют ответной реакции адресата, но и получают её» [2, с. 186-187].

Вопросительная интенция говорящего лица оформляется и особым интонационным рисунком фразы, и порядком слов в ней, и вопросительными словами. В настоящей работе мы анализируем вопросительные предложения, используемые писателем в соответствии с его прямым назначением. Речевым материалом послужили местоимённые собственно вопросительные предложения, извлечённые методом сплошной выборки из повести А.И. Куприна «Колесо времени», например: – *А не могу ли я спросить, **какой** нации мсье?; **Что** у неё общего с этим смуглым и голубоглазым Антиномом?; **Как** мне теперь держаться себя с моей прекрасной дамой?; И без конца: **где? куда? зачем? почему? сколько?*** Описывая подобные предложения, мы ставим перед собой цель: выявить грамматическую специфику собственно вопросительных предложений и, прежде всего, презентацию в них категории синтаксического времени. Исследованию этой проблемы способствовала работа А.В. Логинова, посвящённая изучению категории интеррогативности и наметившая точки её пересечения с другими грамматическими категориями [1], исключая категорию синтаксического времени.

В презентации объективно-субъективной категории синтаксического времени задействованы изосемические и неизосемические средства выражения, образующие её бинарную структуру, в которой семантика вре-

менной определённости противопоставлена значению временной неопределённости [3]. Универсальным показателем синтаксической семантики признаётся интонация, поэтому собственно вопросительные предложения с индикативными формами считались конструкциями ирреальной модальности и временной неопределённости [4]: – *Скажите, Анри, **кто** была эта вчерашняя дама?; – **Что** вы себе заказали?; **Зачем** она познакомила нас?; – **Где** ты достала эту странную женщину?* В таких вопросительных предложениях используется ИК-2, допускающая передвижение центра как средства смыслового противопоставления.

Наблюдения над текстом повести А.И. Куприна свидетельствуют о том, что в собственно вопросительных предложениях с вопросительными местоимёнными словами эксплицируется не просто временная неопределённость, а неопределённость в её отношении к настоящему, прошедшему или будущему времени. При этом вопросительное местоимённое слово оказывается в предцентральной части ИК-2, а центр передвигается на сказуемое двусоставного предложения либо главный член односоставного предложения.

Временная неопределённость в отношении к неотмеченному настоящему синтаксическому реализуется в двусоставных предложениях:

– с основной специализированной формой простого глагольного сказуемого: – ***Что вы хотите** от меня, дорогой господин?; – **Почему вы так говорите**?; **Почему** наиболее счастливые браки заключаются во вдовстве или после развода?; **С какой стати мы му-***

солим руку каждой женщины без смысла для неё и для себя?; Но что значит упорная воля привычки?; – Дитя моё, что ты находишь здесь интересно-го?; – Ты знаешь, как я себе рисую этот таинственный город?;

– с основной неспециализированной формой простого глагольного сказуемого, выраженного лексикализованной единицей – фразеологическим оборотом: Знаешь ли, какая мысль приходит теперь мне часто в голову?;

– с формой составного глагольного сказуемого, вспомогательный компонент которого – модальный глагол: Что она может дать?; – Что ты хочешь сказать, Мишика?;

– с формой составного именного сказуемого, основной компонент которого представлен вопросительным местоимённым словом, а вспомогательный компонент – нулевая форма связки *быть* с нейтральным модальным значением обладания признаком: Кто эти великолепные дамы? А я сидел и думал: кто же она, эта женщина?;

– с формой составного именного сказуемого, основной компонент которого представлен предикативной формой краткого имени прилагательного, а вспомогательный компонент – нулевая форма связки *быть* с нейтральным модальным значением обладания признаком: А почему это ваш сын не по-хож ни на мать, ни на отца?

Презентация временной неопределённости в отношении к неотмеченному настоящему синтаксическому времени наблюдается и в односоставных предложениях:

– спрягаемо-личном определённо-личном предложении: Откуда идёте? Куда?;

– расчленённом номинативном предложении, позицию абсолютного начала в котором занимает пространственный детерминант, выраженный местоимённым наречием: Где же этот таинственный момент?; – Мария! а где же твоё гордое, брезгливое одиночество? Твоя абсолютная свобода? Отвращение к тесной жизни бок о бок?;

– утвердительном генитивном предложении: Сколько вам лет? А вашей жене?; Сколько же у тебя, Мария, друзей <...>

Временная неопределённость в отношении к отмеченному прошедшему синтаксическому времени находит выражение в конструкциях с оттенками:

– прошедшего перфективного: Кто сделал такую прелесть?; Как много ты уже сделала таких прекрасных панно?; Что же вы, батенька, так похудели?;

– прошедшего имперфективного: Я спрашивал, например: изо всех тех, кто тебя любили, кого ты любила страстнее?

Имперфективный: Хочешь, я тебе скажу, какой будет мотив?; – Где будешь бросать сети? – и перфективный: Что она скажет?; <...> во сколько же десятков франков она мне сегодня обойдётся?; – Куда, Коля, пойдёшь?; Когда, чёрт возьми, окончу я эту идиотскую работу? – оттенки представлены в контекстах двусоставных и односоставных предложений, где временная неопределённость выражается в отношении к отмеченному будущему синтаксическому времени.

Временная неопределённость в местоимённом собственно вопросительном предложении подкрепляется главным членом собственно инфинитивного односоставного глагольного

предложения с модальным оттенком долженствования: *Но в сердце у меня зашевелилось нехорошее чувство. Чем объяснить его дерзкую придиричивость?; – Зачем говорить неправду?; – А как же быть, если... дети?*

Заметим также, что А.И. Куприн наряду с собственно вопросительными местоимёнными предложениями использует в тексте произведения «Колесо времени» и вопросительные только по форме конструкции: вопросительно-утвердительные, вопросительно-отрицательные, вопросительно-риторические.

Вопросительно-утвердительные повествовательные по цели высказывания предложения передают темпоральную семантику:

- временной неопределённости, эксплицированной морфологически – глаголом в форме сослагательного наклонения: *Тогда я рассердился, да и какой бы мужчина не рассердился бы на моём месте?*

- временной определённости – прошедшего синтаксического времени узуально-характеризующей разновидности, выраженного эмотивным глаголом несовершенного вида прошедшего времени: *Кто из нас не волновался перед свиданием, на котором нам обещано много-много?*

- временной определённости – имперфективного прошедшего синтаксического времени, средством выражения которого служит модальный глагол в роли вспомогательного компонента составного глагольного сказуемого со значением способности совершить действие: *Кто из нас не умел промурлыкать лёгонький мотивчик или подбирать его одним пальцем на пианино?*

Вопросительно-отрицательные повествовательные по функциональному признаку предложения характеризуются значением временной определённости:

- настоящего синтаксического времени, имплицитно представленного значимым отсутствием глагольной формы: *Ну, к чему эти объяснения, после внезапного и фамилиарного знакомства?; Ну, какой же ты идеал, мой дорогой Медведь?*

- настоящего синтаксического времени, выраженного спрягаемой формой вспомогательного компонента составного глагольного сказуемого: *Но кто мне может запретить обожать синьору? – или основной специализированной формой простого глагольного сказуемого: Но кто знает грядущие судьбы человечества?*

- временной определённости – перфективного прошедшего синтаксического времени, выраженного модальным глаголом на месте вспомогательного компонента составного глагольного сказуемого со значением способности совершить действие: *Но кто же от начала мироздания сумел проникнуть в тайны любви и разобратся в её неисповедимых путях?*

- временной неопределённости, выраженной формой синтаксического условного наклонения: *Кто взял бы на себя смелость, устраивая любовные связи, соединять достойных и великодушных с великодушными, красивых с красивыми, сильных с сильными, а осевшую гущу выбрасывать в помойную яму?*

Вопросительно-риторические повествовательные по цели высказывания предложения передают значение временной определённости:

– перфективного прошедшего синтаксического времени: *Откуда вдруг явилось во мне это благоразумие, эта брезгливость, эти гражданские чувства?*;

– имперфективного прошедшего синтаксического времени: *Но одна, одна мысль не даёт мне покоя: почему я не умел любить Марию так просто, доверчиво, пламенно и послушно, как*

любил её матрос Джиованни, этот прекрасный суперкарго?

Наш анализ показал, что временная семантика местоимённого собственно вопросительного предложения складывается благодаря взаимодействию содержательных и грамматических компонентов предложения, а также интонационному оформлению вопросительной конструкции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Логинов А.В. Категория интеррогативности в современном русском языке: дисс... д-ра филол. наук. М.: МПГУ, 2015. 500 с.
2. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 398 с.
3. Шаповалова Т.Е. Временная неопределённость в строе простого предложения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2006. № 1. С. 76-79.
4. Шаповалова Т.Е. Презентация категории синтаксического времени в русском языке // Система языка и языковое мышление. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 350-357.

REFERENCES

1. Loginov A.V. Kategoriya interrogativnosti v sovremennom russkom yazyke: diss. ... d-ra filol. nauk [The category of interrogativity in the modern Russian language: doctor of Philological Sciences thesis]. M., MPGU, 2015. 500 p.
2. Il'enko S.G. Kommunikativno-strukturnyi sintaksis sovremennogo russkogo yazyka [Communicative-structural syntax of the modern Russian language]. SPb., Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2009. 398 p.
3. Shapovalova T.E. Vremennaya neopredelennost' v stroe prostogo predlozheniya [Temporal uncertainty in the structure of a simple sentence] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology]. 2006. no. 1. pp. 76-79.
4. Shapovalova T.E. Prezentatsiya kategorii sintaksicheskogo vremeni v russkom yazyke [Presentation of the syntactic category of time in the Russian language] // Sistema yazyka i yazykovoe myshlenie [Language system and linguistic thinking]. M., Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009. pp. 350-357.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалова Татьяна Егоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;

e-mail: tshapovalova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana Shapovalova – doctor of Philological Sciences, professor at the department of the Modern Russian of the Moscow Region State University;
e-mail: tshapovalova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Шаповалова Т.Е. Темпоральная семантика местоимённых собственно вопро-
сительных предложений // Вестник Московского государственного областного
университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 43-48.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-43-48

CORRECT REFERENCE

T. Shapovalova. The temporal semantics of the pronominal proper interrogative sen-
tences // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017.
no. 1. pp. 43-48.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-43-48

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-144

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-49-55

БАЛЛАДА В ПРОЗЕ

Козин А.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования термина «баллада» в названиях произведений прозаического характера. Автор поднимает вопрос, насколько правомерно использование слова «баллада» в названиях романов, повестей, философских трактатов и пр. Соотнеся жанровые характеристики баллады с основными элементами поэтики рассматриваемых текстов, автор статьи приходит к выводу, что употребление термина в означенной ситуации вполне правомерно и ни в коем случае не ведёт к жанровой путанице.

Ключевые слова: баллада, виса, герой, диалог, жанр, песнь, рефрен, сюжет.

BALLAD IN PROSE

A. Kozin

*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article deals with the problem of the use of a term “ballad” in the names of the works of prosaic nature. The author raises a question, how justifiable is the use of a word “ballad” in the names of novels, narratives, philosophical treatises and so forth. After correlating the genre characteristics of ballad with the basic elements of the poetics of the texts in question, the author comes to the conclusion that the use of term in the aforesaid situation is completely justifiable and in no way leads to the genre confusion.

Keywords: ballad, verse, hero, dialogue, genre, canto, refrain, subject.

Категория жанра была и остаётся предметом острых дискуссий, возникших ещё в античную эпоху. Во многом это объясняется нестабильностью жанра как явления литературы. Если в определённые эпохи жанры тяготели к модельной завершенности и изолированности, как в формальном, так и в содержательном ключе (средневековые, а также XVII век, классицизм, в частности), то в новейшее время жанровые модификации утрачивают чёткую модельную специфику. «Это, как правило, уже не изолированные друг от друга явления, обладающие ярко выраженным набором свойств, а активно взаимодействующие группы произведений, в которых с большей или меньшей ясностью просматриваются те или иные формальные и содержательные предпочтения и акценты» [6, с. 348]. Само понятие «жанр» перестало обозначать однородную замкнутую структуру: «Действительно, привлечение достаточно широкого литературного материала заставляет говорить о разновидностях жанра, внутрижанровом варьировании, о произведениях, находящихся на стыке жанров, на пересечении жанров и т. д.» [4, с. 3].

Жанровая открытость позволяет применять устоявшиеся термины к произведениям, изначально не вполне соответствующим изначальной жанровой модели, терминологическая сущность которой положена в корректирующий подзаголовок романа, новеллы, поэмы, очерка и т. д.

Примеров тому множество. Определение Шекспиром жанровых характеристик ряда своих произведений как *хроники* весьма условно, так как большинство из них содержат боль-

ше жанровых черт трагедии или комедии. Дж. Мильтон задумывал «Потерянный рай» как *гимнический эпос*: «"Потерянный Рай" был задуман как аллегорическая картина прошлого, настоящего и будущего человечества, как гимнический эпос, который прославлял бы Англию и её культуру...» [7]. И.В. Гёте назвал «Фауста» трагедией, хотя произведение по формальной жанровой ориентированности ближе стоит к поэме. Бальзак, замышляя «Человеческую комедию», не имел в виду средневековое восприятие этого жанра, как понимал его Данте. В этот ряд легко встают Пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин», Гоголевская поэма «Мёртвые души», поэма В. Ерофеева «Москва – Петушки» и т. д.

Каждое из перечисленных произведений, несомненно, обладает рядом признаков жанра, на которых автор хотел заострить внимание читателя и, таким образом, расширить формально жанровые границы своего творения. Мало того: здесь видится стремление автора обратить внимание читателя на то, что, хотя по форме произведение и не вполне соответствует обозначенному в подзаголовке жанру, несомненно, содержит его внутреннюю суть. Приём, несомненно, эффективный, к тому же не дающий «осечек»: читатель обязательно находит признаки указанного в подзаголовке жанра, их нельзя не найти, ибо они есть и их много.

Похожая ситуация наблюдается в случаях, когда автор ставит жанровый термин в название своего произведения («Роман о Розе», «Роман об утраченном времени», «Слово о полку Игореве», «Повесть о настоящем человеке»). С одной стороны, здесь явно проглядывает древняя традиция ис-

пользования термина в заглавии для ориентированности слушателя / читателя на художественную форму, в которой ему будет предложено для восприятия то или иное произведение. Так сказать, намёк на то, чего ждать от сказителя / певца. Это, в первую очередь, «песни» и «саги». Однако не всегда упомянутое нами явление подчёркивает общую жанровую сущность произведения, и термин в названии соответствует жанровой характеристике произведения. Как правило, упоминание в заголовке жанра носит условный характер. В данной статье мы хотели бы обратить внимание на то, как авторы для обозначения жанровой универсальности своих прозаических произведений используют термин «баллада».

Слово «баллада» хоть и редко, но всё-таки встречается в ряде названий: Л. Фейхтвангер «Испанская баллада» (первый вариант названия «Еврейка из Толедо») (*Die Jüdin von Toledo, spanische ballade*), П. Мёрль «Джон и Йоко: неоконченная баллада» (в оригинале: *John Lennon. La ballade inachevée*) и др. Авторы неспроста употребили в своих названиях термин «баллада». Любопытно то, что в каждом из этих произведений указанная дефиниция играет разную роль, так как баллада сама по себе – жанр достаточно универсальный и в определённом смысле открытый. Жанру баллады посвящена солидная научная литература. Балладой в теоретическом смысле интересовались уже в XVIII веке: Г.А. Бюргер, И.В. Гёте, Ф. Шиллер, Г.В.Ф. Гегель [1].

Литераторы и теоретики более позднего времени разработали и обосновали довольно стройную теорию жанра баллады, изучение которого

продолжается по сей день. Мы не имеем возможности в рамках статьи обозначить все признаки жанра баллады. Материал по данному предмету подробно представлен в работах Д.М. Балашова, А.Г. Вакуленко, А.А. Гугнина, А.А. Козина, А.Э. Мерилай, А.Е. Шумахер и др.

Исходя из опыта авторов упомянутых работ, мы позволим себе выделить несколько, на наш взгляд, определяющих признаков баллады, в силу которых авторы вынесли название жанра в заглавие. Это, в первую очередь, особого рода коллизия, заключающаяся в себе рассказ, вызывающий у читателя тяжёлые переживания, связанные с импульсивными любовными порывами, со смертью близкого человека, убийством, преступлением и т. д. Также для баллады характерна дискретность: повествование передаётся прерывисто, «скачками». Персонажи, действующие в балладе – фигуры условные, далеко не всегда соответствующие своему социальному статусу («...герой обычно не больше похож на представителя рыцарского сословия, чем короли в волшебных сказках похожи на глав монархических государств» [5, с. 238]). Поэтому даже реальное историческое лицо, действующее в балладе, выступает, как правило, фигурой «романического» характера: «Однако, даже если баллада основана на каких-то исторических фактах, эти факты стали сюжетом баллады не в силу их историчности, а в силу их, так сказать, романичности» [5, с. 232]. Как справедливо отмечает А.Е. Шумахер, в балладе «доминирующими мотивами являются мотивы жизни, смерти (убийства и самоубийства), судьбы, любви, вины, греха и пр.» [8, с. 3]. На-

конец, для баллады характерна неожиданная, «фейерверичная» развязка, так называемый «*pointe*» («пик, вершина, максимум»), долженствующая изумить читателя, вызвать в нём эмоциональное потрясение.

На наш взгляд, именно последние обстоятельства и послужили причиной включения в названия прозаических произведений слова «баллада». Например, Л. Фейхтвангер в романе «Испанская баллада» повествует о любви кастильского короля Альфонсо VIII к еврейской девушке Ракель. Вдумчивый историк, скрупулёзный аналитик, Фейхтвангер, представляет непростое для Испании время (XII век), один из периодов объединения страны. В романе в виде широкой панорамы представлены картины социальной, политической, экономической, религиозной, нравственной жизни Испании. Линия любви подчас теряется среди различных подробностей, конкретизированных автором в диалогах и эпических отступлений хроникального характера (недаром сюжетной основой романа послужила одна из средневековых хроник XIII века). Но, тем не менее, центральным мотивом являются отношения Альфонсо и Ракель, их взаимная любовь, трагическая и обречённая.

В ауре этого мотива кастильский король и еврейская девушка превращаются в характерные для баллады абстрактные фигуры рыцаря и дамы. На этом автор недвусмысленно концентрирует внимание: Альфонсо для Ракель – всегда рыцарь, Ракель для Альфонсо – дама.

Трагическая развязка усиливает впечатление «балладности». Более того, в романе фигурируют Леонор,

жена Альфонсо Кастильского, и Элеонора Аквитанская, чьи имена волею неволей вызывают из памяти Ленору, героиню одноимённой баллады Готфрида Августа Бюргера, в своё время признанной эталоном жанра.

Термин «баллада» может быть употреблён с целью напоминания, как реминисценция, своего рода «отправка» читателя к более раннему произведению. Так, книга Пьера Мерля «Джон и Йоко. Неоконченная баллада» (*John Lennon. La ballade inachevée*) выполнена в жанре очерка. Е. Новикова отмечает: «Видимо, издатели решили напомнить французу о классической битловской “The Ballad of John and Yoko” с альбома “Yellow Submarine”. Как и в припеве этой баллады, всё у персонажей складывается непросто. Но даже самые банальные трения, ссоры и бытовые проблемы автор живописует с присущей жанру баллады значительностью» [3]. Песня Джона Леннона «Баллада о Джоне и Йоко» вполне соответствует указанному в названии жанру, хотя там и нет характерной для баллады «истории» с чётко обозначенной трагической развязкой. Леннон повествует о том, как они с Йоко Оно проводили в Европе медовый месяц. Калейдоскопически упоминаются посещаемые ими страны, города, частные случаи, вещи (например, кулёк с желудями) и пр. Нота трагической жертвенности, предчувствие дисгармонии и скорой катастрофы звучат в припеве:

*Христос, знаешь, это совсем не просто,
Уж ты-то знаешь, насколько тяжело
может быть.*

Судя по тому, что сейчас происходит,

*Меня вот-вот распнут на кресте.
(Переводчик неизвестен) [9].*

Логика повествования в книге П. Мёрля также строится не на хронологической последовательности, а на предчувствии скорой гибели Леннона. И чем настойчивее автор «оттягивает» описание рокового дня 8 декабря 1980 года, тем сильнее предчувствие трагедии. Автор начинает свою книгу по-романному эпически: встреча Леннона с Оно, биография музыканта, его родителей. Параллельно с судьбой Леннона Мёрлем представляется жизнь художницы Оно до встречи с Джоном, наконец, их встреча, уже на другом уровне: иной пафос, иная оценка. Далее темп повествования ускоряется, после чего следует трагическая развязка, несомненно ожидаемая для всякого, кому знакомо имя Джона Леннона и название группы «Битлз». Такая композиция свойственна и балладе, и тому можно найти множество подтверждений: «Ленора» Г.А. Бюргера, «Коринфская невеста», «Бог и баядера» И.В. Гёте, «Ивиковы журавли» Ф. Шиллера, «Легенда о мёртвом солдате» Б. Брехта и др.

Если оценивать жанровую специфику романа Фейхтвангера и книгу Мёрля, трудно относимую к какому-то определённом жанру, так как в ней присутствуют черты и очерка, и эссе, и повести, то они, несомненно, содержат ряд признаков баллады. Поэтому следует признать, что упоминание в названиях этих произведений слова «баллада» оправдано.

Признаки баллады можно найти и в других произведениях, например, в любовном романе Б. Макмаон «Южная баллада». Весьма охотно словом «баллада» для названий своих сочинений пользуются отечественные авторы, причём коллизии их повествований

совпадают с традиционным пониманием балладной коллизии даже в том случае, если главным героем выступает неодушевлённый предмет. Например, книга А.С. Никольского «Баллада об СУ» повествует о «судьбе» паровозов марки СУ. Ю.В. Петров назвал свой философский трактат «Баллада повешенного: оправдание метафизики или возвращение философии». Слово «баллада» фигурирует у М.В. Высоцкого («Новорусская баллада: роман»), В.Э. Гуревича («Челябинская баллада, или как это делалось тогда»), А.А. Уланова («Автоматная баллада»), Е.А. Давыдовой («Баллада перемен»), А.В. Преловского («Баллада о сыне-враге-народа») и т. д.

Здесь, как и в упомянутых выше случаях, названия произведениям даны оправданно. Слово «баллада» ориентирует читателя на нечто трагичное, скоротечное, неотвратимое. То есть как бы даётся понять, что в основе предложенного ему произведения лежит, как и в балладе «...не всякая история, не всякая героика, не всякая фантастика, не всякий быт, а история, героика, фантастика, преломлённые сквозь призму легенды, предания, поверия» [2, с. 9]. Здесь правомерно упомянуть явление, названное представителями рецептивной эстетики горизонтом ожиданий. («Суть деятельности писателя, по мысли Х.Р. Яусса, состоит в том, чтобы учесть горизонт читательских ожиданий, а вместе с тем нарушить эти ожидания, предложить публике нечто неожиданное и новое» [6, с. 137]). В нашем случае термин служит для того, чтобы возбудить повышенный интерес к произведению, иначе говоря, отчасти выполняет функцию завлекательной

этикетки. Речь идёт о том, что условно употреблённый в названии термин «баллада» призван не конкретизировать жанр произведения, а намекнуть на его внутреннюю коллизию, вполне соотносимую с балладной.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Козин А.А. Баллада И.В. Гёте в контексте немецкой литературной баллады конца XVIII – XIX века: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996. 202 с.
2. Микешин А.М. К вопросу о жанровой структуре русской романтической баллады // Из истории русской и зарубежной литературы XI – XX вв. Кемерово, 1973. 277 с.
3. Новикова Лиза. Новые книги: Пьер Мёрль. Джон и Йоко – неоконченная баллада / перевод с французского Н. Хот [Электронный ресурс] // Коммерсант [сайт]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/288633> (дата обращения: 27.09.2016).
4. Проблема жанра в литературе Средневековья. М.: Наследие, 1994. 392 с.
5. Стеблин-Каменский М.И. Баллада в Скандинавии // Скандинавская баллада. Л.: Наука. 1978. 286 с.
6. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.
7. Шкрабо О.Н. «Потерянный Рай»: от замысла к созданию // Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 42-44 [Электронный ресурс] // Молодой учёный [сайт]. URL: <http://moluch.ru/conf/phil/archive/26/1723/> (дата обращения: 19.09.2016).
8. Шумахер А.Е. Русская литературная баллада конца XVIII – начала XIX века: сюжетно-мотивный репертуар и жанровые границы: дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2015. 170 с.
9. vlad_dovlatov. Баллада о Джоне и Йоко – история песни или песня с историей [Электронный ресурс] // My-life blogs [сайт]. URL: http://my-life.ua/blog_post/vazhneyshieiziskusstv/7 (дата обращения: 27.09.2016).

REFERENCES

1. Kozin A.A., Ballada I.V. Gete v kontekste nemetskoi literaturnoi ballady kontsa XVIII – XIX veka. diss. ... kand. filol. nauk. [Goethe in the context of German literary ballads of the late 18-19th century. Candidate of Philological Sciences thesis.]. M., 1996. 202 p.
2. Mikeshin A.M. K voprosu o zhanrovoy strukture russkoi romanticheskoi ballady // Iz istorii russkoi i zarubezhnoi literatury XI – XX vv. [The question of the genre structure of Russian romantic ballads // From the history of Russian and foreign literature of 11-20th centuries]. Kemerovo, 1973. 277 p.
3. Novikova L. Novye knigi: P'ér Merl'. Dzhon i Ioko – neokonchennaya ballada [Elektronnyi resurs] [New books: Pierre Merle. John and Yoko – unfinished ballad [Electronic resource]] / Translated from French by N. Hot // Kommersant [sait]. [Kommersant [website]]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/288633> (request date 27.09.2016)
4. Problema zhanra v literature Srednevekov'ya [The problem of genre in the literature of the Middle Ages]. M., Nasledie, 1994. 392 p.
5. Steblin-Kamenskii M.I. Ballada v Skandinavii [The ballad in Scandinavia] // Skandinavskaya ballada [Scandinavian ballad]. L., Nauka, 1978. 286 p.
6. Khalizev V.E. Teoriya literatury: uchebник [Theory of literature: textbook]. M., Vysshaya shkola, 2004. 405 p.
7. Shkrabo O.N. «Poteryannyi Rai»: ot zamysla k sozdaniyu [«Lost Paradise»: from concept to creation] // Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: materialy mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, fevral' 2012 g.) [Elektronnyi resurs] [Philological Sciences in Russia and

- abroad: materials of Intern. scientific. Conf. (Saint-Petersburg, February 2012). [Electronic resource]]. SPb.: Renome, 2012. pp. 42-44 // Molodoi uchenyi [sait]. [Young scientist [website]]. URL: <http://moluch.ru/conf/phil/archive/26/1723/> (request date 19.09.2016)
8. Shumakher A.E. Russkaya literaturnaya ballada kontsa XVIII – nachala XIX veka: syuzhetno-motivnyi repertuar i zhanrovye granitsy. diss. ... kand. filol. nauk. [Russian literary ballad of the late 18 - early 19th century: the plot-motivic repertoire and genre boundaries. Candidate of Philological Sciences thesis]. Novosibirsk, 2015. 170 p.
9. vlad_dovlatov. Ballada o Dzhone i Ioko – istoriya pesni ili pesnya s istoriei [Elektronnyi resurs] [The ballad of John and Yoko – the history of song or song with a story [Electronic resource]] // My-life blogs [sait]. [My-life blogs [website]]. URL: http://my-life.ua/blog_post/vazhneyshieiziskusstv/7 (request date 27.09.2016)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козин Александр Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: kozzin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander Kozin – candidate of Philological Sciences, professor assistant of the department of History of foreign literatures of Moscow Region State University;
e-mail: kozzin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Козин А.А. Баллада в прозе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 49-55.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-49-55

CORRECT REFERENCE

A. Kozin. Ballad in the prose // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 49-55.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-49-55

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-56-62

ПОЭТИКА СТЕПНОГО ПЕЙЗАЖА В ЛИРИКЕ П. ВАСИЛЬЕВА

Косяков Г.В.*Омский государственный педагогический университет**644099, г. Омск, наб. им. Тухачевского, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье рассматриваются особенности художественной картины мира П. Васильева. Выделяются и описываются колористические и акустические особенности степного пейзажа. Делаются выводы относительно особенностей индивидуального мифотворчества сибирского поэта в освоении мифологемы коня, мотива странничества, солярной символики. Осмысливается образное представление Васильева о степном мире как сфере межкультурного диалога различных этносов.

Ключевые слова: художественная картина мира, хронотоп, пейзаж, странник, этнос.

THE POETRY OF A STEPPE LANDSCAPE IN POEMS BY P. VASILYEV

G. Kosyakov*Omsk State Pedagogical University**14, Nab. Tyhachevskogo, Omsk, Russian Federation, 644099*

Abstract. The article considers the features of artistic picture of the world of P. Vasilyev. The author distinguishes and describes the colour and the acoustic features of the steppe landscape, and comes to conclusions about the peculiarities of the solar symbolism. Vasilyev's figurative representation of the steppe is interpreted as the sphere of intercultural dialogue between different ethnic groups.

Keywords: artistic picture of the world, chronotop, view, wanderer, ethnos.

Павел Васильев (1910 – 1937) сформировался как поэт в поликультурной среде Северного Казахстана и Западной Сибири. Отечественное литературоведение пришло к осознанию значимости и глубокой самобытности творчества П. Васильева. Так, Э.Г. Шик указывает: «Взаимопроникновение эпического и лирического начал – эта характерная особенность поэтического творчества П. Васильева – сказывалась уже в первых его печатных выступлениях» [6, с. 48].

Ведущим мирообразом в лирике поэта выступает мирообраз степи, характеризующийся масштабностью, соотнесённый с мотивом дороги и акцентирующий этическую ценность воли, стремление человека к странничеству. Ключевыми в лирике Васильева выступают фольклорные образы полыни, ветра, орла, «степного коня», чаши. Наряду с этим в творчестве поэта отражены бытовые особенности различных народов, населявших степные просторы.

В стихотворении Васильева «Ярмарка в Куяндах» (1930), имеющем кольцевую композицию, пейзаж характеризуется динамичностью: «плывут орлы», «ветер трясёт полынь». Лирический зачин и финал представляют собой панорамное изображение степного края с высоты птичьего полёта: «Над степями плывут орлы...». В мифологии различных народов орёл символизирует «воплощение солнечной силы, огня и бессмертия» [7, с. 243]. Данный образ в произведении Васильева вводит комплекс представлений о степном мире как сфере опьяняющей полноты жизни, жара и воли. В лирическом зачине и в финале параллелизм небесного и земного миров акцентирует образные представления о воле и просторе. Хронотоп лирического текста характеризуется переходами от универсального к индивидуальному. В степном мире автор подчёркивает постоянное движение всего, что его наполняет. Поэтом вводятся топонимы: Тобол, Каркарлы, Атбасар. В произведении представлен фольклорный миробраз степного «раздолья», связанный с образами «горького ветра» и коня.

В произведении акцентирован апогей жизненной силы, образно соотносённой с жаром: «Горький ветер, жги и тумань...». Поэт подчёркивает универсальность, полноту природной жизни. В.И. Хомяков указывает на следующую поэтическую особенность творчества Васильева: «Ощущение поэтом избыточности бытия порождает усиление напряжённой энергии слова» [5, с. 55]. Дикая красота степной природы подчёркивается при помощи ярких метафор, в том числе построенных на контрастном сближении явле-

ний летней и зимней природы («золотая пурга овса»). Образные ряды жара и стужи придают произведению контрастность.

Поэтика лирического текста создаётся не только благодаря колористической («кумачовая выюга») и акустической образности («поёт тяжелей», «долгий рёв»), но и ольфакторной образности («горький ветер», «душистых бань»). Резкими мазками создаются образы жителей степного края, при этом в произведении развивается мифопоэтическое представление о единстве всадника и коня:

*Пьёт джигит из касэ, – вина! –
Азиатскую супит бровь,
На бедре его скакуна
Вырезное его тавро* [3, с. 286].

В изображении наездников автор стремится оттенить этнические особенности, но в то же время подчёркивает характерную для всех них силу, удаль. Представители различных этносов («джигит», «казак», «киргиз») являются органичной частью степного мира, который служит для них общим домом, перекрёстком жизненных путей.

Полнота и сила природной жизни подчёркиваются и в стихотворении Васильева «Город Серафима Дагаева» (1931), где пейзажные образы контрастно соединяют в себе динамику и статику: «Небо в гусиных стаях, в медленных облаках...». Пейзажные образы, как и в рассмотренном выше лирическом тексте, соединяют в себе колористические и ольфакторные художественные детали, знаменуют полноту жизни: «Каждая дыня копит золото и аромат...». Урбанистическая, пейзажная и антропологическая образность органично соединяются.

Ключевым в произведении становится принцип повтора, который реализуется на ритмо-мелодическом, синтаксическом и лексическом уровнях, раскрывая размеренность жизни степного города. Значимую роль в создании образного представления о размеренной городской жизни играет мотив сна («сонные водовозы»). Резким контрастом размеренной жизни степного города служит динамичный образный ряд гражданской войны («крупный свинцовый град»). Революционная стихия символически соотнесена с петухом, который в лирическом контексте знаменует силу огня, очищение мира через войну, рождение нового, что созвучно фольклорной традиции: «Громко кричит над миром, крылья раскрыв, петух...». В рамках небольшого лирического текста отражена динамика истории, обновления мира.

Жизненный максимализм, дух странничества отражены также в стихотворении Васильева «Переселенцы» (1931). Поэт раскрывает в человеке его природную, физическую основу («золотое тело»). В стихотворении поэтизируется походный быт; возникает антитеза цивилизации, оседлого мира и стихии, первозданной природы. Освобождаясь от социума, человек постигает свою родовую основу, единство с природой, стихиями: «Снимаем штиблеты, моем ноги водой её...». Поэт раскрывает архаическое, интуитивное устремление человека к открытию новых земель, новых дорог:

*Где ждут озёра, солью пропитанные
до дна,*

*Где можно строить жилища для
жён своих и детей,*

*Где можно небо увидеть, потерянное
меж ветвей [3, с. 289].*

Произведение начинается личным местоимением «ты», которое нацеливает на сокровенный диалог и исповедь. В дальнейшем же доминирует личное местоимение «мы», подчёркивающее родовое устремление человечества. Экспрессию лирическому тексту придают анафоры и переносы, которые оформляют умеренную торжественность, органичную для заповеди.

Ключевыми образами в произведении выступают ветер, знаменующий собой силу природной стихии, и трава, утверждающая опьяняющую красоту и полноту жизни степного раздолья («трав полуденный дым»). Пейзажные образы в лирическом тексте предельно лаконичны и динамичны. Странники устремлены на восток, который в русской культуре является сакральной стороной света, соотнесённой с таинством спасения и преображения мира Христом, с раем сладости, с будущим. А. Афанасьев указывал, что в картине мира славян восток воспринимался как «страна воскресающего солнца, был признан за блаженное царство весны» [1, с. 277]. В произведении Васильева с востоком человек связывает поиск идеала, обновлённой жизни, но в то же время возвращение к своим истокам.

Особенностью хронотопа является то, что сначала в лирическом тексте акцентирована пространственная горизонталь, а в финале проявлена пространственная вертикаль, раскрывающая стремление человека к покорению неба, космоса: «И древнюю человечью любовь к соседней звезде...». Уверенность в неисчерпаемых возможностях человека корреспондирует к музыке Бетховена («старый Бетховен»), ко-

торая включается в образный ряд природной стихии («сыграет бурю на ней»). В произведении возникает созвучие стихии и человеческого духа. Авторский идеал, образная система произведения созвучны поэтике неоромантизма.

Традиционно центральное место в изображении степной природы занимает образ коня, с которым связано множество мифологических представлений индоевропейских народов, в частности, о божественном и богатырском коне, о единстве всадника и коня, о коне как посреднике между земным и небесным мирами, а также представление о «боге солнца на боевой колеснице, запряжённой конями» [2, с. 299]. В стихотворении Васильева «Конь» (1832) данный фольклорный образ приобретает трагическое звучание. Произведение построено на системе антитез рождения и смерти, голода и изобилия, холода и весеннего цветения жизни. Образно, лексически произведение близко традициям русского фольклора:

Ходит павлин павлином

В печке огонь,

Собирает угли клювом горячим
[3, с. 293].

Традициям русского фольклора близко олицетворённое изображение ворона, огня и коня. В лирическом контексте происходит мифопоэтическое сближение коня и птицы; образ коня соотносится с земной, водной и небесной сферами: «Небо зачерпывал копытом...». Как и в фольклорной традиции, конь в произведении Васильева – значимый участник свадебного обряда. Поэт отражает звуки, запахи и краски станичной жизни. Образом, утверждающим полноту природной

жизни, служит «струнное кобылье молоко».

Неукротимая сила и красота коня изображается и в стихотворении Васильева «Тройка» (1933), где с конями связаны образные представления о демонической сфере («как баня», «зверья стать», «рыжая и злая»). Постоянная образная деталь в изображении коня Васильевым – звезда на лбу, отражающая мифопоэтическое представление о его сопричастности небесному, горнему миру. Конь в поэтической картине мира Васильева – это воплощение неукротимой силы природы, её жара, огня жизни.

В зачине поэмы Васильева «Лето» (1932) благодаря образам рек Оби, Иртыша и Волги создаётся масштабный образ Родины. Возникает панорамная картина с высоты птичьего полета. Степь метафорически сближается с морской стихией: «Возы прошли по гребням пенным...». Как и в других произведениях Васильева, в рассматриваемой поэме доминирует образное представление об органичном единстве природного мира и жизни крестьян. В лирическом контексте возникают образы представителей различных этносов («весёлые хохлы»). В изображении летней природы доминируют образные ряды сладости («такая сладость в лете», «в медовом, тёплом свете», «медовая заря», «тяжёлый мёд», «медовый цвет»), плодородия («ладны будут дети») и безудержного веселья («статный дуб сорвался с места»). В образности поэмы значимое место занимают фольклорные образы («купчиха-масленица», «венки»), которые обращают в сферу календарного цикла народных праздников. Метафоры и сравнения в поэме построены на

основе сближения земного и небесного миров:

Я буду белые ромашки,

Как звёзды в небе, собирать
[3, с. 299].

Изображение цикличности и красоты природной жизни оформляет эпический план поэмы, а авторские размышления о молодости, старости и любви вводят лирическую тональность. Поэт отходит от традиционной резкой антитезы зимней и летней природы: в изображении января поэт использует метафору, которая обращает к процессу сбора урожая («цветные копыны и снега»). Летняя и зимняя природа в равной степени противопоставлены смерти, разложению, «гнили». Поэма проникнута чувством принятия бытия, жизни, её радостей и горестей. Охранительной силой в поэме наделяется образ «синеглазых цветов», который соотнесён не только с миром природы, летом, но и с иконами, с бытом представителей различных этносов: «На белых кошмах Казахстана». Образ цветов, по мысли автора, возвращает человека в мир «большого лета», в эпоху юности. В поэме поэтизируются любовь и домашний очаг, создающие охранительную сферу. Поэма завершается проникновенной лирической сценой.

Пейзажные образы органично включаются и в любовную лирику Васильева, создавая яркие зрительные ощущения: «Через жёлтые зори, через пески Казахстана...» («Евгения Стэнман», 1932). Состояния природы вызывают у автора стремление к самопознанию, к откровению глубинных переживаний. В женских портретах, как и в пейзажах, Васильев стремится отразить полноту, избыток жизненных

сил: «яростное тело», «с ядрами грудей позолотело», «телесный твой избыток» («Стихи в честь Натальи», 1934). Идеал женской красоты в лирике Васильева органично соединяет простоту и величавость. Женщина в его поэзии служит откровением природного огня, света, источника жизни: «Больше всех любовью разогрета...» («Стихи в честь Натальи»). Прославление женской красоты соединяется с гимном во славу природы и жизни. Образ лирического адресата в послании отсылает к народной песенной традиции и к поэзии Н.А. Некрасова.

Колористический эпитет «золотой» является в лирике Васильева постоянным в изображении не только природы, но и человека. Так, голос брата в стихотворении «Клятва на чаше» (1934) определяется рядом эпитетов: «Ярмарочный, громкий, золотой». Эпитет «золотой» является частотным в русской классической поэзии, в лирике русских поэтов 1910-х – 1930-х гг.: «То сучья золотых стволов...» (С. Есенин «Душа грустит о небесах...», 1919); «Целовать золотые следы...» (А. Ганин «Кто-то тихо пропел за полями...», 1918 – 1920); «Берёзы в золотом зною» (С. Клычков «В багровом полые осины...», 1925); «Поёт золотая тростинка» (Н. Клюев «Над свежей могилой любви...», 1933); «Оглядел золотой простор» (Б. Корнилов «Из автобиографии», 1935). Многогранная семантика данного колористического эпитета включает сакральную составляющую, связанную с религиозными представлениями о святости, о мироздании как творении Божиим, о горнем мире, о Боге: «О, золотой ковчег, о Светлый Град» (П. Карпов «Заклиание России», 1918); «Золотые пальцы

Саваофа» (А. Ганин «Гору скорби День взвалил на плечи...», 1918 –1919). Колористический эпитет «золотой» в русской литературе восходит как к фольклорной традиции, так и к православной книжности и иконографии, к её, по выражению Е.Н. Трубецкого, «солнечной мистике» [4, с. 362].

Природные образы в художественном мире Васильева участвуют в оформлении и мотивного комплекса дружбы, поэтического дара («Прощание с друзьями», 1936). В степной природе Васильев видит основной источник своего вдохновения. Пейзажные образы в послании «Прощание с друзьями» приобретают надрывную тональность, обусловленную расставанием не только с друзьями, но и с молодостью, с малой родиной и с близкими («полыни запах»).

Итак, в поэзии Васильева в изображении степного края доминирует

мотив опьяняющей красоты, силы и полноты природной жизни. Ключевыми образами, воплощающими данный мотив, являются ветер, травы, конь. Васильев – поэт природного жара, огня как источника жизни. В изображении избыточной красоты природы поэт соединяет колористическую, акустическую и ольфакторную образность. Степной мир в лирике Васильева густо населён и динамичен. В степном мире природное и человеческое неразрывно связаны. В лирике Васильева отражены исторические катаклизмы, однако поэт в большей степени обращён к изображению природного, т.е. субстанционального и родового. Изображая степной мир, поэт фокусирует внимание в равной степени на универсальном и на индивидуальном. Мировобраз степного раздолья в лирике Васильева раскрывает укоренённое в человеке стремление к странничеству.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т. 1. М.: Индрик, 1994. 801 с.
2. Иванов В.В. Конь // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. Т. 1. М.: Советская Энциклопедия, 1991. С. 666.
3. Мы – дети страшных лет России... / Сост. С.С. Куняев и А.С. Кузьмичевский. М.: Сов. Россия, 1991. 416 с.
4. Трубецкой Е.Н. Избранное. М.: Канон, 1995. 480 с.
5. Хомяков В.И. Мифопоэтика огня в поэзии Павла Васильева // Вопросы фольклора и литературы (по материалам межвузовской конференции): Сб. ст. / Отв. ред. А.Э. Еремеев. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. С. 53-59.
6. Шик Э.Г. Литературный Омск в XX веке / Сост. Л.Л. Дашьянц, А.Э. Лейфер. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. 296 с.
7. Шуклин В.В. Русский мифологический словарь. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001. 384 с.

REFERENCES

1. Afanas'ev A. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: V 3 t. T. 1 [Poetic views of the Slavs on nature: In 3 vols. Vol. 1]. M., Indrik, 1994. 801 p.
2. Ivanov V.V. Kon' [Horse] // Mify narodov mira: Entsiklopediya v 2 t. T. 1 [Myths of the world: an encyclopedia in 2 vols. Vol. 1]. M., Sovetskaya Entsiklopediya, 1991. pp. 666
3. My - deti strashnykh let Rossii... [We are the children of Russian terrible years]. M., Sov.

Rossiia, 1991. 416 p.

4. Trubetskoi E.N. Izbrannoe [Selected works]. M., Kanon, 1995. 480 p.

5. Khomyakov V.I. Mifopoetika ognya v poezii Pavla Vasil'eva [Poetics of fire in the poetry of Pavel Vasilyev] // Voprosy fol'klora i literatury (po materialam mezhvuzovskoi konferentsii): Sb. st. [The issues of folklore and literature (on the materials of the interuniversity conference): Coll. papers] / Resp. ed. A.E. Ereemeev. Omsk, Izd-vo OmGPU, 2003. pp. 53-59.

6. Shik E.G. Literaturnyi Omsk v KHKH veke [Literary Omsk in the 20th century] / Comp. by L.Dashyanz and A.Leifer. Omsk, Izd-vo OmGPU, 2010. 296 p.

7. Shuklin V.V. Russkii mifologicheskii slovar' [Russian mythological dictionary]. Ekaterinburg, Ural'skoe izd-vo, 2001. 384 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Косяков Геннадий Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета;

e-mail: gen777kos@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gennadiy Kosyakov – doctor of Philological Sciences, professor, professor at the department of Literature and Cultural studies of Omsk State Pedagogical University;

e-mail: gen777kos@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Косяков Г.В. Поэтика степного пейзажа в лирике П. Васильева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 56-62.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-56-62

CORRECT REFERENCE

G. Kosyakov. The poetry of a steppe landscape in poems by P. Vasilyev // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 56-62.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-56-62

УДК 811.161.1.09 "20"

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-63-70

ПРОБЛЕМА ПРЕОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ В ПОЭЗИИ Д.Л. АНДРЕЕВА

Котова М. А.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются образы животных, созданные Даниилом Андреевым в различных произведениях, в том числе в трактате «Роза Мира», в соотнесении с контекстом религиозно-философских и художественных идей предшествующей и современной ему русской литературы. Прослежены отдельные сближения с М. Волошиным, В. Хлебниковым и др. Концептуальный стержень статьи организуется вокруг тезиса, что поэзии Д. Андреева присуще осознание духовной основы растительного и животного царства, мечта о совершенствовании зверей и грядущем преобращении всего мира. Взгляды Даниила Андреева на посмертную судьбу животных в основе своей созвучны с православной традицией.

Ключевые слова: Даниил Андреев, животное царство, преобразование, вина человека, совершенствование зверей.

THE PROBLEM OF ANIMALS' SPIRITUAL TRANSFORMATION IN THE POETRY BY DANIIL ANDREEV

M. Kotova*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article deals with the analysis of the animals' images in various works by Daniil Andreev, including the treatise "The Rose of the World", against the context of certain religious, philosophical and fiction ideas of Russian antecedent and contemporary literature. Some of his rapprochements with M. Voloshin, V. Khlebnikov and others have been traced. The conceptual domain of the article lies in the thesis that D. Andreev's poetry shows his awareness of the spiritual basis residing in all plant and animal life, the dream of animals' improvement and that of forthcoming transformation of the world as a whole. D. Andreev's opinion concerning animals' afterlife destiny doesn't contradict the Orthodox Church traditions as it is basically in tune with the latter.

Keywords: Daniil Andreev, "an animal kingdom", spiritual transformation, human fault, animals' improvement.

Поэзия Даниила Андреева наполнена верой в грядущее преобразование мира. Поэт-духовидец создал в своём творчестве грандиозный миф о мироздании, в котором значительное место отведено природе. Особенно волновала Д. Андре-

ева судьба «животного царства». Образы животных встречаются во многих его произведениях, но чаще всего в циклах, входящих в поэтический ансамбль «Русские боги»: «Миры Просветления», «Сквозь природу», «Босиком», а также в отдельном цикле «Зелёною поймой». В трактате «Роза Мира» глава «Отношение к животному царству» посвящена проблемам просветления и преображения живых существ, в особенности млекопитающих.

Даниил Андреев находился в русле художественных исканий первой половины XX века. М. Волошин, С. Есенин, В. Хлебников, Н. Заболоцкий в своих мечтах о преображении человека видели в будущем гармоничном мире лишённых злобы, одухотворённых, просветлённых животных. Есенин прозревал, как *Богородица, / Накинув синий плат, / У облачной околицы / Скликает в рай телят* [4, с. 60]. В. Хлебников считал, что «в зверях погибают какие-то прекрасные возможности» [8, с. 187], а в поэме «Ладомир» провозглашал мировую гармонию: *Я вижу конские свободы / И равноправие коров...* [8, с. 289]. Как отмечала И.С. Скоропанова, «Евангелие животных – “Доски судьбы” Хлебникова, на скрижалях которых начертано пророчество о «конских свободах» и «равноправии коров», братстве всех живых существ Земли. Одновременно, по Заболоцкому, это и путь к преображению человека, его освобождению от пережитков жестокости, дикости, варварства» [6, с. 161].

Очевидно, идеи Велимира Хлебникова оказали на Д. Андреева, как и на многих его современников, определённое влияние. В письме от 25 августа – 6

сентября 1930 года к брату Вадиму Даниил Андреев даёт достаточно высокую оценку языковым экспериментам поэта-новатора: «В последнее время у нас наблюдается острый интерес к Хлебникову. Появилось, наконец, 1-е собрание его сочинений, и среди поэтов циркулирует слух, что это – гений, которого в своё время проглядели. Не думаю, конечно, что гений, но черты гениальности – есть. Поэт, интересный исключительно – но главным образом своими любопытнейшими экспериментами и исканиями» [1, т. 4, с. 177]. В цикле Д. Андреева «Крест поэта» есть стихотворение, посвящённое создателю «птичьего языка». И высказывания «правителя земного шара» о «равноправии видов» сходны с изложенными в «Розе Мира» идеями о творческом отношении к воспитанию животных. В то же время утопии В. Хлебникова прежде всего основаны на глубокой вере в науку, а не на мистике. Поэзии же Д. Андреева присуще осознание духовной основы всех слагаемых мироздания. В его стихах постоянное признание в любви всему сущему и безмерная благодарность за всё земное. Он замечал: *Даже в травах навзную тлю / Я отцовской / любовью / люблю* [1, т. 1, с. 393].

Цикл Д. Андреева «Сквозь природу» наполнен светом: солнечным (дневному светилу посвящены стихотворения «Есть праздник у русской природы...» и «Заходящему солнцу»), лунным, звёздным, отблесками древних костров, полыханием молний. Но главное – это блистание «невидимого Третьего», Солнца мира, благодаря которому *Становится чистой любая дорога, / Просвечивает и сквозит вещество* [1, т. 1, с. 391]. Жизнь пред-

ставляется поэту «танцем творящего Бога», мир – его «золотой одеждой». Всё в этих стихах пронизано идеей духовного просветления и преображения, о чём прямо говорит поэт во втором стихотворении цикла: *Не о комбайнах, / не о гидростанциях, / Не об оковах буйных стихий, / Но об игре их, / о дружбе, / о танце их, / О просветление / эти стихи* [1, т. 1, с. 391-392]. От седой древности «сквозь дремный мир сказаний» до сверкающих вершин будущего ведёт нас «вестник другого дня». В земной жизни видится ему отсвет других, высших в духовном плане миров. В акте двенадцатом книги «Железная мистерия» хор возвещает:

– Будет!

Всемирный обстав аналой,

Лики звериные возопиют:

– Свят! [1, т. 2, с. 326].

Всё это происходит, когда «Сквозь ткани Шаданакара становится различима Мировая Сальватерра. Это – светящаяся Голубая Роза. Её лепестки обнимают всё сущее в планетной сфере» [1, т. 2, с. 326]. В акте одиннадцатом «Возможности» устами Проповедника в обществе совершенствования животных Андреев высказывает заветные мысли.

Подход к животным станет нов,

Когда ключом любви и знания

Перевернётся до основ

Наука зооовоспитания.

Членораздельнейшую речь

Развив для них усилием вдумчивым,

Цивилизацию стеречь

Поручим зайцам,

зебрам,

сумчатым [1, т. 2, с. 297].

В «Мирах Просветления» Даниил Андреев рисует один из высших слоёв Шаданакара (системы разноматериальных слоёв нашей планеты) – «Уснорм», куда попадают просветлённые души животных. Здесь длится вечное Богослужение: *Непрерывными таинствами / здесь творят Литургию / Человечества даймонов, / стихиалей, / зверей, – / Сонмы тех, кто вкропил себя / в эти хоры благие, / Солнцу Мира сорадуясь, / как теург-иерей* [1, т. 1, с. 120]. В этой литургии участвуют не только высшие животные и птицы, но и гады, и насекомые: пчёлы, стрекозы, даже черви, что обретались «в прахе и пыли». Поэт перечисляет всех населявших прежде небеса и землю, враждовавших некогда хищников, ядовитых змей, ставших «совершенным Храмом». Жирафы, слоны, кобры, черви вместе с людьми, цветами и злаками объединяются в общем хоре: *Пчёлами были, / Были стрекозами, / Свято кадили / Небу мимозами, / Колосом кланялись / Тёплым ветрам... / Тигры ли, лани ли, / Мы – этот Храм!* [1, т. 1, с. 121, 122].

В воззрениях Д. Андреева можно обнаружить переклички с идеями религиозных мыслителей, в частности, Е. Трубецкого, которые он высказал в работе «Умозрение в красках». Говоря о Дмитриевском соборе Владимира, русский философ писал: «В параллель к этому памятнику церковной архитектуры можно привести целый ряд иконописных изображений на темы «Всякое дыхание да хвалит Господа», «Хвалите имя Господне» и «О Тебе радуется, обрадованная, всякая тварь». Там точно так же можно видеть *всю тварь* поднебесную, объединённую в прославлении: бегающих зверей, по-

ющих птиц и даже рыб, плавающих в воде. И во всех этих иконах тот архитектурный замысел, которому подчиняется *вся тварь*, неизменно изображается в виде храма – *собора*: к нему стремятся ангелы, в нём собираются святые, вокруг него вьётся райская растительность, а у его подножия или вокруг него толпятся животные» [7, с. 25]. Таким образом, по убеждению Е. Трубецкого, «собор всей твари как грядущий мир вселенной» – основополагающая идея древнего нашего искусства. Можно сказать, что Д. Андреев опирался на эти заветы и создал на их основе свою поэтическую картину духовной перспективы мира.

Проблема бессмертия не только телесной, но и душевной природы бессловесных тварей, как правило, остаётся за пределами внимания богословов. Вопрос о воскрешении животных остаётся открытым. Однако со времён апостола Павла православным священнослужителям присущи глубокие раздумья по этому поводу. Так, святитель Лука (Войно-Ясенецкий) в книге «Дух, душа, тело» писал: «И дух животный, конечно, должен быть бессмертным, ибо он тоже имеет начало в Духе Божием, Духе бессмертном. Мысль о бессмертии духа животных явно содержится в известных словах апостола Павла о надежде всей твари: *В надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих*» (Рим. 8, 20-21)» [5, с. 614]. Для святителя Луки несомненно: «Но не только люди, а и животные имеют душу. Душа животного – в крови его. И животное, как и человек, состоит из духа, души и тела» [5, с. 611]. Взгляды Даниила Андреева на посмертную судьбу животных в основе своей со-

звучны самому духу православной традиции.

О таинственных проявлениях духа животных писал представитель русского космизма А.Л. Чижевский, чьё творчество во многом родственно поэзии Д. Андреева. В стихотворении «Табун на вечерней заре» поэт описывает чувство, охватившее лошадей при виде заходящего солнца, которое он сравнивает с молитвенным состоянием:

*И смотрят лошади упорно-странно
На тающие в темноте лучи...
Молитвенно и как бы покаянно
Табун одно мгновение молчит* [9, с. 213].

В поэме Максимилиана Волошина «Святой Серафим» (1919, 1929) звери «веруют и жаждут воскресенья». Святой выступает высочайшим образцом отношения ко всякой твари. Он наделяет всех приходящих к нему не только хлебом, но и учитывает, что они «сердцем чтут молитву и молчанье». Поэт наделяет собирающихся у кельи «волков, лисиц да куниц» надеждой «обрести свободу», тварь у него «ищет откровенья».

*Зверь на нас взирает с упованьем,
Как на Божиих сынов. И звери
Веруют и жаждут воскресенья...* [3, с. 109].

Волошин писал о том, что человек, который «над тварями поставлен», ответит за них перед Богом. Звери покорились, приняв «устав жестокий человека». Поэт поднимает вопрос о вине человека перед животными: *Велика вина его пред зверем, / Пред домашней тварью особенно* [3, с. 109].

О вине человека перед животными размышлял в трактате «Роза Мира»

по-своему и Д. Андреев. Он рассматривал зверей как жертву, считая, что люди помешали им развиваться: «Цель просветления трёхмерной материальности продолжала стоять перед Провиденциальными силами. Так как животное царство оказалось к этому неспособным, <...> были созданы предпосылки к тому, чтобы из него выделился один вид, могущий скорее и успешнее справиться с этой задачей. Выделение этого вида имело характер стремительного рывка вперёд. <...> Таким образом, наш скачок от зверя к человеку был оплачен остановкой развития бесчисленного множества других существ» [1, т. 3, с.189]. Но поэт видел и духовные изъяны зверя. Животные, по его мнению, «демонизированы тем сильнее, чем более они хищны» [1, т. 3, с. 189].

Волошин в книге «Неопалимая Купина» устами Святого Франциска заявлял о месте зверей и прочих живых существ в земной жизни. На проповедь к святому не только приходят «звери кроткие и лютые», не только слетаются птицы, но и сползаются гады [2, с. 362]. Святой проповедует волкам, призывая исполнять заповедь: «Не убий!» Интересно, что звери у Волошина наделены способностью не только внимать словам святого, но и, подобно людям, имеют дар веровать и восхвалять Бога. По крайней мере, в этом убеждён сам волошинский святой Франциск, который обращается к животным как к существам, способным воспринять высшую Истину: *Братья-звери, будьте крепки в вере* [2, с. 363]. Волошин «снимает вину» с хищников, оправдывая их образ жизни необходимостью выжить. В призыве святого к волку о праведной жизни скрыта его надежда на духовное

прозрение дикого зверя. Заканчивается стихотворение картиной райского братства всех и каждого – как на русских иконах, как позднее в едином богослужении всей твари у Д. Андреева в «Мирах Просветления».

В стихотворении «Весельчак» из цикла «Сквозь природу» встреча с волком воспринимается лирическим героем поначалу как радость, ибо тот ведёт себя как «мальчишка-озорник», счастливый «в своём родном бору». Здесь нет противоборства со зверем. В творчестве Д. Андреева вообще преобладает радость от встреч с природой, с её стихиями, духами, живыми существами. Волку сопутствует яркий солнечный свет, очевидно, как намёк на возможность духовного преображения зверя.

А он, как школьник, хохоча,
Полуразинул пасть,
И торопились два луча
Ему в зрачки упасть [1, т. 1, с. 403].

Однако, завидев человека, волк разом утрачивает всю свою весёлость, шерсть у него встаёт дыбом, и через миг он исчезает. Лирическому герою становится больно. «За себя? За человеческий род?» – вопрос этот, которым заканчивается стихотворение, выводит нас на глубокие раздумья. Андреевский образ «волка-весельчака» напоминает тонкостью своей натуры волошинского волка. Образ этого хищника нередко наделён у поэтов Серебряного века и продолжателей их традиций пронизательностью и мудростью. Так, у Н. Заболоцкого, во многом опиравшегося на идеи К.Э. Циолковского, в поэме «Безумный волк» преображённое животное стремится совершенствовать мир и

нести свои знания непросветлённым «лопухам».

Д. Андреев предложил целую программу мероприятий, которые после прихода к власти Розы Мира станут «реально осуществимыми», среди них и те, что, по его мнению, нужно проводить без промедления. В их числе – «ограничение охоты как спорта и рыбной ловли как развлечения задачей борьбы с хищниками» [1, т. 3, с. 201]. Отметим, что лирический герой книги «Русские боги», несмотря на отрицательное отношение к убийству животных, человек «мира сего». Можно встретить у него и такие строчки: «Я люблю – с котелком да с салом / Возвратиться на хвойный брег» [1, т. 1, с. 393]. В стихотворении «Когда несносен станет гам...» с радостью наблюдает тот же герой, как с реки с весёлым «гомоном и щукою» приходит молодёжь [1, т. 1, с. 398].

Чтобы уберечь животных от мучительства и убийства, поэт-духовидец говорил о необходимости оказания им активной помощи в деле их совершенствования, в сокращении путей и сроков этого процесса. Его программа

включает «установление “мира” между человеком и всеми животными, исключая хищников; изыскание средств к перевоспитанию некоторых хищных видов; отказ от использования каких-либо животных для нужд охраны; искусственное убыстрение умственного и духовного развития некоторых высших видов животного царства» [1, т. 3, с. 201]. Впоследствии предполагалось расширить творческий труд по совершенствованию зверей.

Завершая статью, сделаем предварительный вывод. Даниил Андреев осмысливал судьбу животных в соответствии с разветвленной картиной мира, носящей характер религиозно-философских видений и конкретных впечатлений, через которые он прозревал судьбы Вселенной, духовные состояния своей страны и некоторые формы их положительного преобразования. Он откликался при этом на идеи и символические образы своих соотечественников, однако, оставался последовательным и оригинальным, доверяя собственному чувству любви ко всему живому.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреев Д.Л. Собр. соч.: В 4 т. / Сост., подг. текста и примеч. Б.Н. Романова. М.: Русский путь, 2006.
2. Волошин М.А. Собр. соч. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1899 –1926 / Сост. и подг. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; коммент. В.П. Купченко. М.: Изд-во «Эллис Лак 2000», 2003. 608 с.
3. Волошин М.А. Собр. соч. Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1891 –1931 / Сост. и подг. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; коммент. В.П. Купченко. М.: Изд-во «Эллис Лак 2000», 2004. 768 с.
4. Есенин С.А. Стихотворения. Поэмы, М.: АСТ; Астрель, 2010. 240 с.
5. Лука (Войно-Ясенецкий), святитель, архиепископ Симферопольский и Крымский. Избранные творения / Ред.-сост. А.З. Лобанова. М.: Сибирская Благозвонница, 2014. 752 с.
6. Скоропанова И.С. Экологические утопии Николая Заболоцкого // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. Вып. II. / Отв. ред. С.Я. Гончарова-Грабовская. Минск: Изд. центр БГУ, 2003. С. 157 –182.

7. Трубецкой Е. Три очерка о русской иконе. Новосибирск: Изд-во «Сибирь XXI век», 1991. 112 с.
8. Хлебников В. Творения. М.: Советский писатель, 1986. 736 с.
9. Чижевский А.Л. Музыка тончайших светотеней / Серия «Великие поэты». М.: НексМедиа; ИД «Комсомольская правда», 2013. 238 с.

REFERENCES

1. Andreev D.L. *Sobr. soch.:* V 4 t. [Coll. works: In 4 vol.]. M., Russkii put', 2006.
2. Voloshin M.A. *Sobranie sochinenii. T. 1. Stikhotvoreniya i poem. 1899–1926* [Collected works. Vol. 1. Poems and poems. 1899–1926]. M., Izd-vo «Ellis Lak 2000», 2003. 608 p.
3. Voloshin M.A. *Sobranie sochinenii. T. 2. Stikhotvoreniya i poem. 1891–1931* [Collected works. Vol. 2. Poems and poems. 1891–1931]. M., Izd-vo «Ellis Lak 2000», 2004. 768 p.
4. Esenin S.A. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems]. M., AST; Astrel', 2010. 240 p.
5. Luka (Voino-YAsenetskii), svyatitel', arkhiepiskop Simferopol'skii i Krymskii. *Izbrannye tvoreniya* [Selected works]. M., Sibirskaya Blagovonnitsa, 2014. 752 p.
6. Skoropanova I. S. *Ekologicheskie utopii Nikolaya Zabolotskogo* [Ecological utopia of Nikolay Zabolotsky] // *Nauchnye trudy kafedry russkoi literatury BGU* [Scientific works of department of the Russian literature of BSU]. no. II. / Resp. ed. S.Ya. Goncharova-Grabovskaya. Minsk: BGU center, 2003. pp. 157–182.
7. Trubetskoi E. *Tri ocherka o russkoi ikone* [Three essays about Russian icon]. Novosibirsk, Izd-vo «Sibir' XX vek», 1991. 112 p.
8. Khlebnikov V. *Tvoreniya* [Creations]. M., Sovetskii pisatel', 1986. 736 p.
9. Chizhevskii A.L. *Muzyka tonchaishikh svetotenei / Seriya «Velikie poetry»* [Music of subtle chiaroscuro / Series of «Great poets»]. M., NeksMedia; ID «Komsomol'skaya pravda», 2013. 238 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Котова Марина Ананьевна – старший преподаватель кафедры Л-1 «Русский язык» Мытищинского филиала Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, соискатель учёной степени кандидата филологических наук при кафедре русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: Kotova.astrel@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina Kotova – Senior lecturer of the Russian Language Department (L1) Linguistics Mytishchy Branch of Bauman Moscow State Technical University, applicant at the department of the 20th century Russian literature at Moscow Region State University;
e-mail: Kotova.astrel@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Котова М.А. Проблема преображения животных в поэзии Д.Л. Андреева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 63–70.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-63-70

CORRECT REFERENCE

Kotova M. The problem of animals' spiritual transformation in the poetry by Daniil Andreev // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 63-70.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-63-70

УДК 82.09.133.1.0

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-71-79

«МУЧЕНИКИ» ШАТОБРИАНА – РОМАНТИЧЕСКИЙ РОМАН-ЭПОПЕЯ

Литвиненко Н.А.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. «Мученики» Шатобриана, задуманные как эпопея, явились ранним образцом новой модификации – жанра исторического романа – романа-эпопеи. Конфликт языческого, античного – и христианского миров предстаёт в широком историческом и мифологизированном контексте, в процессе становления личностного сознания и судеб героев. Романтическая поэтика символизации и контрастов лежит в основе использования фантастики, античного и библейского материала, трансформируя замысел и жанр, порождая «конфликт интерпретаций».

Ключевые слова: поэтика, исторический роман, эпопея, роман-эпопея, роман становления, историзм, миф, романтизм, античность, христианство.

CHATEAUBRIAND'S «MARTYRS» – THE EPIC HISTORICAL NOVEL

N. Litvinenko*Moscow Region State University**10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. Chateaubriand's «Martyrs», conceived as an epic novel, was an early model of a new modification – a genre of the historical novel, a novel-epic. The conflict between the Pagan, the Ancient and the Christian worlds appears in the wide historical and mythological context, in the course of formation of personal consciousness and the destiny of the characters. The romantic poetics of symbolization and the contrasts are the cornerstone of use of fantastic, ancient and biblical materials, transforming a concept and a genre, generating «the conflict of interpretations».

Keywords: poetics, a historical novel, epic, epic novel, the novel of formation, historicism, myth, romanticism, antiquity, Christianity.

Шатобриан вошёл в историю европейских литератур как автор «Atala ou les Amours de deux sauvages dans le désert» (1801) и «René» (1802, 1805) [13, p. 8-7], «Génie du christianisme» (1802), «Mémoires d'outre-tombe» (1848). Но это только малая часть его вклада. Он предугадал феномен байронизма, предвосхитил новаторские стратегии Вальтера Скотта, был не только основоположником исторического романа во Франции, но в «Мучениках» создал ранний образец новой модификации жанра [6] – романтического романа-эпопеи, векторы эволюции которого тянутся к «Отверженным» Гюго и «Войне и миру» Л. Толстого. Шато-

бриан был зачинателем прозы нового типа, сочетающей лирическую исповедальность с грандиозностью и глубокой романтических прозрений.

Лишь немногие современники распознали новаторство автора «Мучеников» («*Les martyrs ou le triomphe de la religion chrétienne*», 1809), слишком непривычным было сочетание эпических – и романских принципов художественного изображения, библейско-христианского материала – и исторически датированных картин средневековья. Читателям был ближе лирико-философский пафос «Гения христианства» и трагически исповедальный лиризм «Рене» и «Атала», а «Мученики» пробуждали эхо привычных, казалось, устаревших ассоциаций, вызвали ощущение «indigeste» [19, p. 18]. **Послереволюционная Франция** начала столетия, погружённая в битвы и сражения, взывала к более непосредственным формам взаимодействия с читательской аудиторией, и здесь бессильны были аллюзии, звучавшие в речах Диоклетиана, цитирующего строки «Марсельезы», или реплики Сатаны, напоминающие в «Мучениках» о Наполеоне.

Историки литературы вплоть до нашего времени недооценивают вклад Шатобриана в развитие жанра романа-эпопеи, рассматривают эволюцию французского исторического романа XIX века как движение от Вальтера Скотта или к Вальтеру Скотту (Л. Мэгрон, Д. Лукач, М. Рэмон, Б.Г. Реизов) [8; 21-23,], не учитывая, что романтизм тяготел к жанровому синтезу и синкретизму, формируя, даже в кажущихся традиционными, новые жанровые модели.

Советские литературоведы, за немногими исключениями (Б.Г. Реизов [8], Н.С. Шрейдер [12]), относились к Шатобриану предвзято, обвиняли в защите христианства, считали основоположником «реакционного романтизма», тогда как для французской науки он неизменно – великий романтик, «новатор (*interrogateur des formes*), фигура одинокая и пророческая», его называют «кондотьером современности, катастрофической и прекрасной», «певцом звёзд и революций, создателем разнообразных мифов», – как писал П. Барберис [16, p. 19-20].

В предисловиях к первому (1809), в комментариях к третьему изданию «Мучеников» (1810) [17, p. 95], ссылаясь на разнообразные источники, Шатобриан настаивает на том, что не отступал от правил, создавая «христианскую эпопею», доказывая превосходство христианской религии над языческим античным миром.

Уже в «Гении христианства» писатель связывал все достижения в области развития искусства, цивилизации, нравственного совершенствования человека с христианством, видел в нём мощный источник изображения чудесного, характера и «игры страстей». В «Мучениках» он стремился создать сюжет, который строился бы на сопоставлении античности и средневекового христианского миров, с их моралью, жертвоприношениями, празднествами, где «язык книги Бытия (звучал) вместе с языком «Одиссеи», и Юпитер Гомера находился... рядом с Иеговой Мильтона, не оскорбляя ни благочестия, ни вкуса, ни правдоподобия исторических нравов» [18, p. V-VI]. Звучание «рядом» языка «Одиссеи» и книги Бытия определило поэтику ро-

мантических контрастов, специфику изображения чудесного, символизации, было связано с глубоким пониманием контрастно-противоречивого своеобразия изображаемых исторических эпох.

Начало французского XIX века во всех своих великих литературных свершениях отличалось эстетической неоднородностью. Элементы классицистической и сентименталистской поэтики, взаимодействуя с романтизмом, по-разному входили в творчество и эстетические представления Шатобриана, его великой современницы Жермен де Сталь. В то же время в художественной практике писателей, прокладывавших пути в будущее, вырабатывались новые художественные стратегии. Жанровые компоненты лиро-эпического романа, романа-исповеди, романа-монодии, психологического романа, тяготение к глубокому воссозданию живописно-исторических картин находили проявление в «Рене», «Начезах», «Коринне или Италии», «Мучениках». Опираясь на опыт «наших бедствий» [11], писатели стремились выйти за его пределы на просторы новых миров и континентов, погрузиться в глубины и тайны истории и человеческой судьбы.

Современники Шатобриана сочли «смешение священного и мирского» в «Мучениках» «скандальным» [11, с. 230], Балланш с огорчением признал, что эпопея не удалась и созданное писателем произведение, завоевавшее читательские симпатии, «не более, чем роман» [27, р. 281-282]. Романские черты учёные обнаруживали в эпопеях, созданных задолго до Шатобриана, в XVI-XVII вв. [9; 10, с. 220]. В то же время П. Балланш одним из первых от-

метил жанрово-типологическую близость «Мучеников» к историческим романам «шотландского чародея». Он поставил произведение Шатобриана в один ряд с «Пуританами» – «образцовым историческим романом» Вальтера Скотта, полагая, что «Мученики» созданы «на основе тех же принципов» [2, с. 100]. Необходимо уточнить: «Мученики» были опубликованы за пять лет до издания «Уэверли», так что первопроходцем в этой области был всё-таки Шатобриан.

Репутацию «Мучеников» как эпопеи закрепили ведущие критики и литературоведы. Ш. Сент-Бёв, назвав произведение Шатобриана «искусственной эпопеей», оценил как «великое эпическое сражение (*très grande*), которое Шатобриан... всё-таки не проиграл» [26, р. 15]. С некоторыми оговорками о гениальности шатобриановской эпопеи и влиянии её на историческую и художественную мысль века писал Г. Лансон [5, с. 338]. Ученые доньше считают «Мучеников» эпопеей [20; 4, с. 151]¹, хотя изредка высказывались и сомнения. Так, Б.Г. Реизов, в целом соглашаясь со своими предшественниками, подчёркивал, что всё элементы поэтики «Мучеников» противоречат канонам эпопеи [8, с. 36].

Причины недооценки «Мучеников», роли Шатобриана в развитии исторического романа, в создании романтического романа-эпопеи кроются в «переходности» поэтики и жанровой формы произведения. Специфика этой переходности всё ещё недостаточно исследована. Современные французские литературоведы изучают гибридность и эволюцию жанра эпопеи вне

¹ М. Рэмон не включает Шатобриана в раздел об историческом романе [22].

связи её с творчеством Шатобриана [24; 25], в то время как в «Мучениках» стадия «гибридности» жанра не только явлена, но и трансформируется на глазах читателя; в процессе развёртывания сюжета вырабатывается новый жанровый синтез.

«Мученики» – романтический роман-эпопея, отличающийся глубоким и своеобразным историзмом, соединяющим историческую конкретность изображения с мифопоэтикой. Писатель воссоздал переломную эпоху раннего христианства, когда под натиском варварских племён рушился античный мир, когда позднеантичная, раннехристианская и варварско-галльская культуры в столкновениях и противоборстве формировали новые этносы и векторы европейского развития; когда вырабатывались новые ценностные парадигмы. Перед читателем проходят племена, сражения, битвы, народы, страны, культуры, реальные и вымышленные герои – Греция и Италия, франки и галлы, Египет и Скифия, Иерусалим....

Шатобриан начинает произведение в духе Гомера, с традиционного эпического зачина, соединяющего судьбы христианства и частные судьбы романтических персонажей: *Je veux raconter les combats des Chrétiens, et la victoire que les Fidules remporturent sur l'esprit de l'Abime, par les efforts glorieux de deux époux martyrs* [18, p. 3]. Естественно, избрав христианскую тему, писатель обращается не только к музе Гомера, но и к арфе Давида. *Enseignez-moi sur la harpe de David les chants que je dois faire entendre; donnez sur-tout a mes yeux quelques-unes de ces larmes Jüremie versait sur les malheurs de Sion: je vous dire les douleurs de l'Eglise persécutée* [18, p. 4]. Вводя му-

зыкально-ритмическую модальность, автор использует эпические повторы: *Neuf fois l'Eglise de Jésus Christ avoit vu, les Esprits de l'Abime... neuf fois...* [8, p. 4]. Интертекстуальное пространство Библии, эпическая стилистика, форма обращения от первого лица, намерение поведать, оплакать и прославить христиан и христианскую религию – всё это трансформирует риторические традиции, наделяя их мощным лирическим звучанием. «Мученики» с первых строк обнаруживают свою лиро-эпическую природу.

Опираясь на традиции эпическо-романтического жанра XVII – XVIII вв., Шатобриан делает центральными героев, происхождение которых уходит корнями в историю и миф. Демодок, отец героини Кимодокеи, «имел притязание (prîtendoient) вести свою родословную от Гомера» [18, p. 6]. Привнесённый повествователем оттенок недостоверности историзирует мифологический дискурс, пробуждая читательскую рефлексию. В то же время автор не опровергает мифологическую «предысторию» героини, якобы ведущей свой род от певца «Одиссеи», что расширяет мифологическое пространство романтической символики, придаёт образу героини и рисуемому античному миру многомерность и поэтичность.

Противопоставив главного героя – Эвдора Кимодокее, Шатобриан наделял его не только мифологическим (от богов и потока Алфея), но историко-легендарным происхождением (из героического рода Филопемена). В каскад эпохальных событий Шатобриан вписывает судьбу романтического героя, пережившего любовь-страсть к деве-пророчице, жрице Велледе, религиозное отступничество и воз-

вращение в лоно христианской веры, страшную гибель на арене цирка. В Эвдоре сформировалась роднящая его с Христом Клопштока страстная жертвенная устремлённость, жажда подвига во имя веры. Он – жертва, которая в божественном космосе эпопеи и историческом пространстве изображаемой эпохи должна была привести и привела, как показывает в развязке Шатобриан, к торжеству христианской религии – принятию христианства Константином.

Выбор романских героев жанрово знаменателен: задуманный в традициях эпопеи, герой «Мучеников» «частный человек», хотя и окружённый ореолом героики и легенд. Уже с первой встречи, в первом диалоге Эвдора и Кимодокеи романтик Шатобриан подчёркивает разницу, контраст между античным и христианским восприятием мира, между этими мирами. Кимодокея и Эвдор – персонажи, принадлежащие к конкретной исторической эпохе – и в то же время образы-символы столь непохожих культур, обладающих различными векторами протяжённости, пространством этических и эстетических смыслов. На одном полюсе – поэтическая и прекрасная, языческая, мифологическая, столь притягательная для европейцев античная традиция: на другом – обращённая в глубь нравственного сознания индивида и человечества, взывающая к совершенствованию и идеалу, духовная культура христианства. «Как, разве ты не охотник Эндимион?» – «А вы,... разве вы не ангел?» [18, р. 20]. В восприятии Кимодокеи Эвдор совпадает с мифологическим героем. Он же, на миг погрузившись в религиозный «миф», преображает его в метафору.

Важен введённый писателем контраст между «ты» и «вы», который обнажает, с одной стороны, детское, радостное, доверчивое восприятие мира, а с другой, – у Эвдора – более взрослое, где «вы» обладает иным личностным статусом, связанным с космосом христианской культуры.

Шатобриан обращается к традициям житийной литературы, к жанру исповеди, в частности, Святого Августина, с которым учёные связывают «открытие личности» и «метафизики душевных глубин» [1; 7, с. 55]. Герой «Мучеников» проходит трудный путь становления, «обращения грешника», путь заблуждений, ошибок, история которых ведёт его к пониманию истинного смысла жизни и выбору жизненного пути.

В романтическом романе-эпопее Шатобриана исповедь героя, повествующего о духовных испытаниях и драматических перипетиях судьбы, развёртывается в широком эпическом пространстве исторических событий, битв, социальных, этнических, религиозных, цивилизационных конфликтов, характеризующих раннее средневековье и империю Диоклетиана. Чудесное вынесено за скобки реального мира, в котором действуют свои исторически и психологически конкретные, жестокие и несправедливые законы. Судьба и выбор героя воплощают волю Бога, но в то же время являются и результатом личного выбора героя, стремящегося вернуться в лоно веры. Утверждение духовных ценностей христианской веры происходит в произведении Шатобриана на основе использования романских стратегий, рисующих становление героя и мира [3, с. 127].

Развёртывающийся на протяжении всего произведения диалог между античностью и христианством проникнут не столько дидактическим пафосом, сколько глубоким авторским лиризмом, ощущением катастрофизма окружающего человека бытия. Шатобриан создаёт особый романтический вариант двоемирия, где Небесный Иерусалим противопоставлен земным судьбам героев, где античность воплощает бессмертную красоту гбнущего мира, а христианство – величие мира, устремлённого в будущее; писатель противопоставляет христианскую веру исполненному жестокости средневековому языческому миру. Личностные коллизии персонажей вписаны в исторический диалог между эпохами и культурами; в конкретно-историческом социуме – в романтический конфликт между добром и злом. Шатобриан как будто прощается с мифологическим богатством античного мира, отдавая предпочтение бесконечному, грозному, величественному, загадочному космосу христианской культуры, формирующей новое понимание мира и человека, новую специ-

фику личностного сознания, где микрокосм и макрокосм по-новому соединены.

В произведении Шатобриана нашёл воплощение процесс становления эпоса нового времени – жанра, порывающего со своей чистотой во имя нового романного синтеза, он лёг в основу романистики последующих эпох. Переходность, своеобразный синкретизм созданной писателем жанровой структуры «Мучеников» обозначили парадигму рождающейся новой модификации жанра – романтического романа-эпопеи. Она соединяет масштабный охват событий, грандиозность проблематики, мифологизацию – черты, присущие эпопее, – и исследование судеб частного индивида, социально-исторических конфликтов переломных эпох, присущее историческому роману XIX века, объединяя всё в романтическом синтезе личностных поисков абсолюта. Движение этносов и культур, космос христианской культуры, поиски этического идеала легли в основу жанровых стратегий романтического романа-эпопеи «Мученики».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и эпохи Возрождения. М.: Наука, 1976. С. 17-64.
2. Балланш П.С. Опыт об общественных установлениях // Эстетика раннего французского романтизма. М.: Искусство, 1982. 400 с.
3. Бахтин М.М. Человек в мире слов. М.: Изд-во Урао, 1995. 144 с.
4. История всемирной литературы: В 9 тт. М., 1989. Т. 6. [Электронный ресурс] // РуЛит [сайт]. URL: <http://www.rulit.me/books/istoriya-vsemirnoj-literatury-t-6-read-346739-1.html> (дата обращения: 12.01.2017).
5. Лансон Г. История французской литературы в 2 тт. М.: Изд-во Солдатенкова К.Т., 1898. 638 с.
6. Литвиненко Н.А. Французский исторический роман первой половины XIX века: эволюция жанра: дисс. ... д-ра. филол. наук. М., 2000, 420 с.

7. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1994. Т. 2. 355 с.
8. Реизов Б.Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л.: Государственное изд-во художественной литературы, 1958. 565 с.
9. Рымарь Н.Т. Введение в теорию романа. Воронеж.: Изд-во Воронежского университета, 1989, 270 с.
10. Самарин Р.М. Творчество Джона Мильтона. М.: Изд-во МГУ, 1964. С. 486.
11. Шатобриан Ф.Р. Замогильные записки. М.: Изд-во Сабашниковых, 1995. 736 с.
12. Шрейдер Н.С. Специфика повествования в романе Шатобриана «Рене» / Из историко-литературного наследия. Днепропетровск: АРТ-ПРЕСС, 2011. 133-143 с.
13. Шрейдер Н.С. Три романа-исповеди: их авторы и герои // Chateaubriand F.R. René. Constant B. Adolphe. Musset A. La Confession d'un enfant du siècle. М.: Прорпесс, 1973. С. 5-30.
14. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Ригведа, 1995. 256 с. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Активно без ТВ» [сайт]. URL: http://www.aktivnoetv.ru/writer/7682/books/49103/eliade_mircha/aspektyi_mifa (дата обращения: 12.01.2017).
15. D'Andlau B. Chateaubriand et les «Martyrs». Naissance d'une épopée. P.: J. Corti, 1952. 408 p.
16. Barbéris P. Chateaubriand. Un réaction au monde moderne. P., 1976. 352 p.
17. Bassan F. Chateaubriand et la Terre Sainte. P., 1959. 278 p.
18. Chateaubriand Fr. R. de. Les Martyrs ou le Triomphe de la religion chrétienne. P.: Le Normant, 1809. T. 1. 336 p.
19. Hoffenberg J. L'enchanteur malgré lui. Poétique de Chateaubriand. P.: Editions L'Harmattan, 1998. 202 p.
20. Lebègue R. Aspects de Chateaubriand. P., 1979. 234 p.
21. Lukacs G. Le roman historique. P., Éditions Payot, 1965, 407 p.
22. Maigron L. Le roman historique à l'époque romantique. P.: H. Champion, 1898. 239 p.
23. Raymond M. Le roman depuis la Révolution. P.: Armand Colin, 1967. 469 p.
24. Rey P-L. Le roman. P.: Hachette, 1992, 1997. 191 p.
25. Robic Myriam. L'épopée au XIXème siècle : entre la vie et la mort, Acta fabula, vol. 9, n° 10/ Ouvrages collectifs, Novembre 2008, URL : <http://www.fabula.org/acta/document4634.php>, page consultée le 11 janvier 2017.
26. Sainte-Beuve Ch. Chateaubriand et son groupe littéraire. P., 1982. T. 2. p. 15. [Электронный ресурс]. URL: gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k213798r (дата обращения: 11.01.2017).
27. Vauthier G. Les premières relations entre Chateaubriand et Ballanche // Revue d'Histoire littéraire de la France. 1922. pp. 268-287.

REFERENCES

1. Averintsev S.S. Sud'by evropeiskoi kul'turnoi traditsii v epokhu perekhoda ot antichnosti k srednevekov'yu [The fate of the European cultural tradition in the era of transition from antiquity to the Middle Ages] // Iz istorii kul'tury srednikh vekov i epokhi Vozrozhdeniya [From the history of the culture of the Middle Ages and the Renaissance]. М., Nauka, 1976. pp. 17-64
2. Ballansh P.S. Opyt ob obshchestvennykh ustanovleniyakh [Essay on Social Institutions] // Estetika rannego frantsuzskogo romantizma [Aesthetics of the early French romanticism]. М., Iskustvo, 1982. 400 p.
3. Bakhtin M.M. Chelovek v mire slov [Man in the world of words]. М., Izd-vo Urao, 1995. 144 p.

4. Istoriya vseмирnoi literatury: V 9 tt. M., 1989. T. 6. [Elektronnyi resurs] [History of world literature: 9 volumes. M., 1989. Vol. 6. [Electronic resource]] // RuLit [sait]. [RuLit [website]]. URL: <http://www.rulit.me/books/istoriya-vseмирnoi-literatury-t-6-read-346739-1.html> (request date 12.01.2017)
5. Lanson G. Istoriya frantsuzskoi literatury v 2 tt. [The history of French literature in 2 vols.]. M., Izd-vo Soldatenkova K.T, 1898. 638 p.
6. Litvinenko N.A. Frantsuzskii istoricheskii roman pervoi poloviny XIX veka: evolyutsiya zhanra: diss. ... dokt. filol. nauk [The French historical novel of the first half of the 19th century: evolution genre: doctor of Philological Sciences thesis]. M., 2000. 420 p.
7. Reale Dzh., Antiseri D. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dnei. T. 2. [Western philosophy from the origins to the present day. Vol. 2]. SPb., 1994. 355 p.
8. Reizov B.G. Frantsuzskii istoricheskii roman v epokhu romantizma [The French historical novel in the age of romanticism]. L., Gosudarstvennoe izd-vo khudozhestvennoi literatury, 1958. 565 p.
9. Rymar' N.T. Vvedenie v teoriyu romana [Introduction to the theory of a novel]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1989. 270 p.
10. Samarin R.M. Tvorchestvo Dzhona Mil'tona [The Works of John Milton] M., Izd-vo MGU, 1964. pp. 486
11. Shatobrian F.R. Zamogil'nye zapiski [Sepulchral notes]. M., Izd-vo Sabashnikovykh, 1995. 736 p.
12. Shreider N.S. Spetsifika povestvovaniya v romane Shatobriana «Rene» / Iz istoriko-literaturnogo naslediya [The specifics of the narrative in Chateaubriand's novel "Rene" / From historical-literature legacy]. Dnepropetrovsk, ART-PRESS, 2011.
13. Shreider N.S. Tri romana-isповedi: ikh avtory i geroi [Three novel-confessions: their authors and heroes] // Chateaubriand F.R. René. Constant B. Adolphe. Musset A. La Confession d'un enfant du siècle. M., Progress, pp. 5-30.
14. Eliade M. Aspekty mifa. M.: Rigveda, 1995. 256 s. [Elektronnyi resurs] [Aspects of the myth. M. Rigveda, 1995. 256 p. [Electronic resource]] Elektronnaya biblioteka «Aktivno bez TV» [sait]. [Electronic library "Actively without TV" [website]]. URL: http://www.aktivnoetv.ru/writer/7682/books/49103/eliade_mircha/aspektyi_mifa (request date 12.01.2017)
15. D'Andlau B. Chateaubriand et les «Martyrs». Naissance d'une épopée. P.: J. Corti, 1952. 408 p.
16. Barbéris P. Chateaubriand. Un réaction au monde moderne. P., 1976. 352 p.
17. Bassan F. Chateaubriand et la Terre Sainte. P., 1959. 278 p.
18. Chateaubriand Fr. R. de. Les Martyrs ou le Triomphe de la religion chrétienne. P.: Le Normant, 1809. T. 1. 336 p.
19. Hoffenberg J. L'enchanteur malgré lui. Poétique de Chateaubriand. P.: Editions L'Harmattan, 1998. 202 p.
20. Lebègue R. Aspects de Chateaubriand. P., 1979. 234 p.
21. Lukacs G. Le roman historique. P., Editions Payot, 1965, 407 p.
22. Maigron L. Le roman historique à l'époque romantique. P.: H. Champion, 1898. 239 p.
23. Raymond M. Le roman depuis la Révolution. P.: Armand Colin, 1967. 469 p.
24. Rey P-L. Le roman. P.: Hachette, 1992, 1997. 191 p.
25. Robic Myriam. L'épopée au XIXème siècle : entre la vie et la mort, *Acta fabula*, vol. 9, n° 10/ Ouvrages collectifs, Novembre 2008, URL : <http://www.fabula.org/acta/document4634.php>, page consultée le 11 janvier 2017.
26. Sainte-Beuve Ch. Chateaubriand et son groupe littéraire. P., 1982. T. 2. p. 15. [Электронный ресурс]. URL: gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k213798r (дата обращения: 11.01.2017).

27. Vauthier G. Les premières relations entre Chateaubriand et Ballanche // Revue d'Histoire littéraire de la France. 1922. pp. 268-287.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвиненко Нинель Анисимовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: ninellit@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ninel Litvinenko – doctor of Philological Sciences, professor of the department of History of foreign literatures of the Moscow Region State University;
e-mail: ninellit@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Литвиненко Н.А. «Мученики» Шатобриана – романтический роман-эпопея // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 71-79.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-71-79

CORRECT REFERENCE

Litvinenko N. Chateaubriand's «Martyrs» – the epic historical novel // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 71-79.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-71-79

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-80-87

ТУРГЕНЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ «СТИХОТВОРЕНИЙ В ПРОЗЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ ЛИ НИ

Сай На

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП, 1-й ГУМ, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье рассматривается вопрос о влиянии тургеневской традиции «Стихотворений в прозе» на китайскую литературу на примере творчества классика китайской литературы первой половины XX века Ли Ни (1913–1968). Автор проводит анализ наиболее репрезентативных произведений Ли Ни, выявляет основные художественные приёмы и мотивы. Результаты проведённого сопоставительного анализа свидетельствуют, что влияние Тургенева сказывается на поэтике Ли Ни в целом (жанр, отбор тем и персонажей, система образов и мотивов). Исследование даёт основание сделать вывод об исключительно глубоком усвоении Ли Ни тургеневской традиции, открывает неизвестную российским литературоведам страницу из истории взаимосвязей русской и китайской литератур.

Ключевые слова: история русской литературы, история литературных взаимосвязей, тургеневская традиция, стихотворения в прозе, китайская литература, творчество Ли Ни.

THE TRADITION OF TURGENEV'S "POEMS IN PROSE" IN LI NI WORKS

Sai Na

Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Russian Federation, 119991

Abstract. The article deals with the tradition of Turgenev's "Poems in prose" in the Chinese literature on the example of creativity of the classic of Chinese literature of the first half of the 20th century – Li Ni (1913–1968). The author analyses the most representative artistic works of Li Ni, identifies the main artistic method and motifs. The results of the comparative analysis indicate that Turgenev affects Li Ni's poetics in a whole (genre, selection of themes and characters, a system of images and motifs). The study gives grounds to make a conclusion about the extraordinary deep assimilation of the Turgenev tradition, opens to Russian scholars an unknown page from the history of interconnection between Russian and Chinese literatures.

Keywords: history of Russian literature, history of the literary interconnection, Turgenev's tradition, poems in prose, Chinese literature, Li Ni oeuvre

Один из важных аспектов истории русской литературы – это изучение её бытования в иноязычной среде. Особый интерес в наше время вызывает проблема взаимосвязей русской и китайской литератур. История восприятия в Китае

творчества И.С. Тургенева уже давно привлекает внимание китайских исследователей. Не остался вне поля их зрения и вопрос о восприятии тургеневских «Стихотворений в прозе». Как справедливо пишет доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка Цзилинского университета Чжу Хунцун, Тургенев – один из самых популярных в Китае иностранных авторов, а его «Стихотворения в прозе» привлекают китайских читателей уже более века – с 1915 года, когда в журнале «Круг рассказов в Китае» появились первые четыре тургеневских стихотворения в прозе, переведённые с английского на китайский [12, с. 45]. Постепенно число тургеневских стихотворений в прозе, доступных читателю на китайском языке, неуклонно росло. По подсчётам специалистов за минувшие сто лет вышло более 50 переизданий «Стихотворений в прозе», причём огромными тиражами. Наиболее полный перевод под названием «Путь к любви», выполненный Хуань Вэйцзином в 1981 г. и включающий 82 текста, переиздавался четыре раза тиражом более 150 тысяч экземпляров, что, несомненно, свидетельствует об особой популярности в Китае этого последнего тургеневского творения [12, с. 47]. Учёные выделяют три этапа в истории освоения китайскими переводчиками тургеневских «Стихотворений в прозе»: 1) нарастающий интерес в 1915 – 1949 годы; 2) спад в период «культурной революции» в 1950 – 1979 годы; 3) новая волна интереса в 1980 – 2010-е годы [12, с. 46-47].

Однако для тех, кто изучает проблему функционирования тургеневской традиции в Китае, важна не только

динамика отношения к тургеневским «Стихотворениям в прозе». Ещё актуальнее выяснить, какое влияние оказали эти тексты на китайскую литературу, какие тургеневские образы и мотивы стали «своими» для китайских писателей XX века. В этом плане творчество классика китайской литературы первой половины XX столетия Ли Ни (Го Аньжень; 1909 – 1968) представляет особый интерес.

Ли Ни, чьи произведения, к сожалению, неизвестны российским тургеноведам, был и выдающимся переводчиком, внёсшим важный вклад в приобщение китайской литературы к творчеству Тургенева, сумевшего, несмотря на языковые различия и национальную специфику, сохранить идиостиль писателя, тургеневскую «образную картину» [4], и оригинальным автором, создателем совершенно нового типа китайской прозы. Как переводчик Тургенева, Ли Ни все свои силы отдал крупным, эпическим полотнам русского автора – его романам, а не «Стихотворениям в прозе», но анализ, уже начатый китайскими литературоведами [5; 10], показывает, что они прочно вошли в плоть и кровь его собственных текстов.

Из-за исторической обстановки и трудных личных обстоятельств Ли Ни посвятил творчеству лишь одно десятилетие – с 1928 по 1938 год. В нём, в свою очередь, можно выделить два этапа: ранний – с 1928 по 1932 год – и поздний – с 1933 по 1938 год. После 1938 года и до своей смерти Ли Ни не создал ни одного литературного произведения, занимаясь переводами, редакторской работой, преподаванием. Тем не менее, он считается классиком китайской литературы. Ли Ни называ-

ют певцом «скорби» и «горя». Он известен тем, что «писал прозу, подобную стихам» [1, с. 76]. Его главные произведения – три сборника стихотворений в прозе: «Вечерний дар» (1935), «Песня о соколе» (1936) и «Белые ночи» (1937). Эти три книги, повествующие о несчастьях, о любви, о тяготах жизни, отразили дух эпохи и открыли путь к новой поэтике. Китайский литературовед Сунь Жижун с восхищением писал о Ли Ни: «Благодаря обострённым чувствам, он способен увидеть первые проблески рассвета. Он прикладывает большие усилия, чтобы стиль его стихотворений в прозе не напоминал о тяжёлых 1920-х годах, стремясь создать новый, живой стиль, который даст новое развитие современным китайским стихотворениям в прозе» [9, с. 64].

Влияние Тургенева прослеживается в основных мотивах, к которым обращается Ли Ни. Как и в «Стихотворениях в прозе» Тургенева, в текстах Ли Ни можно выделить четыре главных мотива: 1) эстетические принципы автора как поэта и художника; 2) злободневные, общественно-социальные размышления, полные «ядовитой эпиграммой»; 3) любовь к родине и народу; 4) ожидание приближающейся смерти.

Большинство ранних произведений Ли Ни вошли в сборник «Вечерний дар». Главный их мотив – мотив любви. Но о любви говорится после утраты «надежды», это «вечер» жизни, где нет места для света. Весь сборник наполнен грустью и безысходностью. Печаль у Ли Ни – это не писательская маска. Чтобы её понять, надо знать о том, что совсем юным он пережил несчастную любовь: влюбился в девушку, но её выдали замуж за другого, а

он этому не решился помешать. После замужества несчастная быстро умерла. Тогда молодой человек взял в качестве литературного псевдонима имя любимой, чтобы никогда о ней не забывать. Так что тоска по любви в стихотворениях в прозе Ли Ни – это эхо его личных переживаний. Но одновременно это и дань тургеневской традиции: в тургеневских «Стихотворениях в прозе» очень явственно звучит мотив «воспоминания о давней любви».

В стихотворениях «Дар китайской розы» (1932), «Вечерний дар» (1930), «Утрата» (1932) автор воскрешает в памяти рано умершую подругу, вспоминает спокойные и радостные дни, которые они проводили вместе, как вместе гуляли в зарослях китайских роз и читали стихи, как вместе кланялись статуе божества и молились с «чистыми и непорочными фантазиями» [7, с. 18]. Для героев Ли Ни любовь прекрасна, но и губительна. В «Даре китайской розы» особенно заметно сходство со стихотворением в прозе Тургенева «Роза». Констатируя изменения в поведении и в портрете героини, Тургенев раскрывает двойственность любви, приносящую и радость, и мучения. Обоими писателями любовь трактуется одновременно и как источник счастья, и как источник страдания, смерти.

Мотив смерти в ранних произведениях Ли Ни является не менее важным, чем в «Стихотворениях в прозе» Тургенева. Он звучит в стихотворениях в прозе «Досада» (1930), «Лалишаньда» (1932), «Печальная девушка» (1932). Как и у Тургенева, у Ли Ни мотив смерти часто объединён с мотивом сна. Самым характерным с этой точки зрения является «Прерванный сон и разоча-

рование» (1932). Для Ли Ни реальный мир – главная причина гибели мечты, это пространство безнадёжности и смерти. Однако отрицание реальности приводит Ли Ни и к отрицанию всего старого общества с его социальной несправедливостью – вот почему его стихотворения в прозе, как и у Тургенева, зачастую дышат злободневностью, в них проникают общественно-социальные размышления, полные «ядовитой эпиграммой», протестом. Наиболее явно это даёт о себе знать в «Рассвете» (1929). Ли Ни повествует о том, как вечером «Я» и «ребёнок» бегут по пустыне, а за ними гонится враг. Обесиленные «мы» падают в пустыне, но ребёнок «встаёт, крепко ухватив его руку, высоко поднимает голову и, глядя в небо, свистит» [7, с. 73]. Глядя на ребёнка, под влиянием его примера, «Я» тоже начинает сопротивляться, тоже «встаёт и поднимает голову» [7, с. 73]. «Мы» дают отпор мраку, вступают в жестокую схватку с врагом в пустыне перед рассветом: «мы снова махали кулаками в крови» [7, с. 74]. Перед нами символический образ поэта, который, преодолевая минутную слабость, вновь вступает в борьбу с тёмными силами. Скорбь, страдания и отчаяние становятся прелюдией к сопротивлению.

Сборники «Песня о соколе» и «Белые ночи» относятся ко второму этапу творчества Ли Ни и включают тексты, создававшиеся в 1934–1936 годы. Их стиль явно отличается от «Вечернего дара». Теперь автор стремится к ясности, он передаёт душевное состояние «надежды на рассвет», выражает не только личные эмоции, но и рисует образы обычных людей, воспекает их мужество и готовность к борьбе. В позд-

них стихотворениях в прозе Ли Ни явно усиливается повествовательное, эпическое начало. Сборник «Белые ночи» в большей степени нацелен на усиление сюжетной занимательности, на создание интересных читателям историй. Сам автор в «Послесловии» замечал: «Во время публикации некоторые из произведений посчитали рассказами, однако я сам никогда не признавал их таковыми» [8, с. 136].

Выход сборника «Песни о соколе» демонстрировал, что автор от «личной трагедии» обратился к «жестокému миру», что его слёзы «уже не слёзы отдельного человека», а плач «по своей Родине» [11, с. 104]. Теперь он говорит о городе, деревне и революции. Автор сурово порицает тёмный старый Китай: «Мир, в котором человек человеку – волк! Мир, в котором человеку не дают жить!» [7, с. 112]. В стихотворениях в прозе «Сосновый лес» (1934), «Лицо без определённого занятия» (1934), «Ночлежка» (1934), «Шумный рынок» (1934), «Тень» (1936) Ли Ни рассказывает о гибнущих деревнях старого Китая и о трагической судьбе крестьян, о рабочих, покинувших родину и приехавших в город зарабатывать на жизнь тяжёлым физическим трудом. Ли Ни создаёт живые образы простых и добрых людей – крестьян, рабочих, интеллигентов, которые задыхаются, стонут, борются изо всех сил и погибают от невзгод. Этим он продолжает традицию Тургенева, который вводил образы простых людей в своих «Стихотворения в прозе» («Милостыня», «Щи», «Повесить его», «Маша» и т. д.). Но Ли Ни не только описывает экономический крах деревень старого Китая в 1930-е годы или жизнь городского «дна», он сумел пе-

редать умонастроение эпохи, показать процесс рождения нового сознания, духовного раскрепощения человека, рост духа сопротивления.

В стихотворении «Белые ночи», давшем название всему сборнику 1936 года, на первый план выходит мотив революции. В нём Ли Ни рассказывает о восстании рабочих и белая ночь – ночь с белым туманом – символизирует канун восстания. Среди «революционных» стихотворений в прозе Ли Ни мы бы хотели обратить особое внимание на «Песню о соколе» (1934), где автор сравнивает молодую героиню, полностью посвятившую себя революции, с высоко взлетевшим соколом. Это произведение сразу вызывает ассоциации с самым ярким из тургеневских политических стихотворений в прозе – с «Порогом». В «Пороге» создан образ молодой девушки, которая ради революции готова пожертвовать всем. У Тургенева «порог» символизирует выбор: хотя героиня и знает об опасности революции, она всё равно решительно и непоколебимо переступает порог. Аналогично у Ли Ни «глубокая ночь» является символом революции, а «сокол» – революционерки, которая бесстрашно летит навстречу революции: «одной поздней ночью этот молодой сокол улетел, и больше не видели, чтобы он возвратился назад» [7, с. 81]. Когда в финале текста автор говорит, что «юг – это место, где сокол поёт, эта звонкая и чистая песнь способна заставить меня забыть печали и ощутить радость» [7, с. 81], то это значит, что дело революции живет и её зов вдохновляет людей для борьбы со злом.

Влияние «Стихотворений в прозе» на прозу Ли Ни проявилось не только на мотивном или образном уровнях,

оно ощущается в поэтике в целом. У Ли Ни можно указать на те же художественные приёмы, которые Тургенев часто использовал в «Стихотворениях в прозе»: символы, сны, иллюзии, которые придают сочинениям русского классика ореол таинственности, как, к примеру, в стихотворениях «Насекомое», «Старуха», «Лазурное царство», «Конец света» и т. д. Ли Ни тоже любит вводить в свои тексты фантазии и символы, предпочитая их обычным описаниям или прямым объяснениям событий, чем обогатил художественную выразительность китайской прозы. Например, в стихотворениях в прозе «Дар весенней ночи», «Вечерний дар», «Молчание» он включает в сны воспоминания о пережитых неудачах, о прошедших влюблённостях своих героев и так знакомит читателей и с фактами из их биографии, и с миром их внутренних чувств. В стихотворении в прозе «Незаконченный сон и разочарование» автор через сновидение героя выражает собственное стремление к прекрасной, идеальной жизни. Образ «тени» превращается в стихотворениях в прозе «Порыв ветра» (1935), «Тень» (1936) в символ несчастных душ тех, кто подвергся гонениям, репрессиям и погиб. Возникающие в стихотворении в прозе «Песня о соколе» и «Падение» «храбрые ястребы» символизируют тех, кто пожертвовал собой ради революции.

Произведения Ли Ни так же, как и тургеневские, не объёмны, лаконичны, но чрезвычайно насыщены эмоционально, благодаря лирическому началу, поддержанному самой формой: чувства рассказчика даются через его внутренний монолог, благодаря чему происходит самовыражение и раскры-

тие его души. Именно поэтому прозу Ли Ни также часто называют «стихотворениями в прозе», а его самого – «поэтом прозы» [11, с. 122]. В сборнике «Вечерний дар» автор воплощал и своё интимное меланхолическое настроение (отсюда многократное повторение слов «слёзы», «плач», «страх», «счастье» и т. п.), и впечатления от обыденных пейзажей, вещей, навевающих воспоминания о людях. Как известно, Тургенев в «Стихотворениях в прозе» часто для усиления эмоционального воздействия на читателя вводил пейзаж, который наиболее гармонировал с изображаемыми чувствами и переживаниями, благодаря чему приобретал символическое значение. В прозе Ли Ни мы можем увидеть аналогичные приёмы, например, в «Заре», «На склоне лет», «Песне реки». Сюжеты Ли Ни, как и у Тургенева, часто рождаются из мелких повседневных впечатлений и переживаний, которые становятся толчком к глубоким философским размышлениям.

Ли Ни восхищало литературное мастерство Тургенева, то, что тексты Тургенева наполнены «поэзией, светом и чистотой», обладают «лиричностью и меланхолией» [6, с. 7]. Он считал, что слог Тургенева, в сравнении с языком Пушкина и Гоголя, является «более совершенным, более отточенным», а также более «поэтичным» [6,

с. 7]. Ориентируясь на Тургенева как на образец, Ли Ни стремился создать такой же «лиричный», «меланхолический» стиль, «чистый и светлый» язык. Недаром исследователи творчества Ли Ни описывают его стиль как «грустный и изящный», а его язык как «изящный, отточенный, поэтический и насыщенный» [2, с. 73].

Хотя Ли Ни посвятил литературному творчеству лишь одно десятилетие, он внёс огромный вклад в развитие тургеньской традиции «стихотворений в прозе», став вместе с тем истинным новатором этого жанра в китайской литературе. Ли Ни умело сплавляет повествовательную часть с лирической, мастерски передаёт эмоции, внутренние ощущения от восприятия реального мира, охватывая весь спектр человеческих настроений, создавая свою глубокую философию человеческой жизни. Переняв у Тургенева многие художественные приёмы, Ли Ни обогатил китайскую литературу первой половины XX века в целом и жанр «стихотворений в прозе» в частности. Недаром китайский писатель, поэт, историк, археолог и государственный деятель, первый президент Академии Наук КНР Го Можо говорил: «Что касается стихотворений в прозе, то Ли Ни тут очень преуспел» [см.: 3, с. 223]

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ван Вэньдин. Поиск нового направления в лирической прозе. Изучение творчества китайских прозаиков 1930-х годов // Вестник Фудцзяньского педагогического университета. 1982. № 4. С. 75-82. (на кит. яз.)
2. Ван Цзялунь. Гимн, посвящённый революционеркам: Художественный анализ произведения Ли Ни «Песня о соколе» // Наслаждение шедевром. 1992. № 6. С. 73-76. (на кит. яз.)
3. Гао Гопин. О творчестве Го Можо. Шанхай: Искусство Шанхая, 1982. 807 с. (на кит. яз.)
4. Лаврушина Е.В. К вопросу о сохранении фразеологического богатства И.С. Тургенева

- в переводах на немецкий язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 2. С. 16-20.
5. Ли Ли. Анализ и обсуждения влияния Тургенева на прозаическую форму Ли Ни // Исследования по зарубежной литературе. 2010. № 1. С. 53-55. (на кит. яз.)
 6. Ли Ни. Вступительное слово переводчика // Тургенев И.С. Дворянское гнездо (перевод). Шанхай: Культурная жизнь, 1937. С. 1-10. (на кит. яз.)
 7. Ли Ни. Избранные сочинения. Тяньцзинь: Искусство Байхуа, 2004. 293 с. (на кит. яз.)
 8. Ли Ни. Послесловие // Ли Ни. Белые ночи. Гуанчжоу: Изд-во Гуандонского народа, 1981. С. 136-137. (на кит. яз.)
 9. Сунь Жижун. Ли Ни и его творчество // Вестник Шанхайского педагогического университета. 1985. № 1. С. 64-69. (на кит. яз.)
 10. Сунь Найсю. И.С. Тургенев и Китай. Шанхай: Сюе Линь, 1988. 447 с. (на кит. яз.)
 11. У Зуокуй. Речевой способ и художественный стиль в прозе Ли Ни // Таньсуо юй Чжэнмин. 2007. № 6. С. 120-122. (на кит. яз.)
 12. Чжу Хунцун. Столетняя история восприятия «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева в Китае // Мир русского слова. 2014. № 1. С. 45-48.

REFERENCES

1. Van Ven'din. Poisk novogo napravleniya v liricheskoi proze. Izuchenie tvorchestva kitaiskikh prozaikov 1930-kh godov [The search for a new direction in lyrical prose. The study of creativity of Chinese writers of the 1930s] // Vestnik Fudtszyan'skogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Fujian Pedagogical University]. 1982. no. 4. pp. 75-82.
2. Van TSzyalun'. Gimn, posvyashchennyi revolyutsionerkam: Khudozhestvennyi analiz proizvedeniya Li Ni «Pesnya o sokole» [Tribute to the revolutionaries: Artistic analysis of Li Ni work «Song of the Falcon»] // Naslazhdenie shedevrom [Pleasure by a masterpiece]. 1992. no. 6. pp. 73-76.
3. Gao Gopin. O tvorchestve Go Mozho [On the works of Guo Moruo]. Shanghai, Iskusstvo Shankhaya, 1982. 807 p.
4. Lavrushina E.V. K voprosu o sokhranении frazeologicheskogo bogatstva I.S. Turgeneva v perevodakh na nemetskii yazyk [To the question of the preservation of the phraseological richness of Ivan Turgenev translated into German language] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2013. no. 2. pp. 16-20.
5. Li Li. Analiz i obsuzhdeniya vliyaniya Turgeneva na prozaicheskuyu formu Li Ni [Analysis and discussion of the influence of Turgenev on a Li Ni prosaic form] // Issledovaniya po zarubezhnoi literature [Studies in foreign literature]. 2010. no. 1. pp. 53-55.
6. Li Ni. Vstupitel'noe slovo perevodchika [Introductory remarks of the translator] Turgenev I.S. Dvoryanskoe gnezdo (perevod) [I. Turgenev. Dvoryanskoe Gnezdo (translation)]. Shanghai, Kul'turnaya zhizn', 1937. pp. 1-10.
7. Li Ni. Izbrannye sochineniya [Selected works]. Tianjin, Iskusstvo Baikhua, 2004. 293 p.
8. Li Ni. Posleslovie [Afterword] // Li Ni. Belye nochi [Li Ni. White nights]. Guangzhou, Izd-vo Guandongnogo naroda, 1981. pp. 136-137.
9. Sun' ZHizhun. Li Ni i ego tvorchestvo [Li Ni and his works] // Vestnik Shankhaiskogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Shanghai Pedagogical University]. 1985. no. 1. pp. 64-69.
10. Sun' Naisyu I. S. Turgenev i Kitai [I. Turgenev and China]. Shanghai, Syue Lin', 1988. 447 p.

11. U Zuokui Rechevoi sposob i khudozhestvennyi stil' v proze Li Ni [Speech method and artistic style in Li Ni prose] // Tan'suo yui Chzhenmin [Tansuo Yu Zhengming]. 2007. no. 6. pp. 120-122.
12. Chzhu Khuntsyun Stoletnyaya istoriya vospriyatiya «Stikhotvorenii v proze» I.S. Turgeneva v Kitae [The hundred-year history of perception «Poems in prose» by Ivan Turgenev in China] // Mir russkogo slova [World of Russian word]. 2014. no. 1. pp. 45-48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сай На – аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: sai.na@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sai Na – postgraduate student, department of History of Russian Language at Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University;
e-mail: sai.na@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Сай На. Тургеневская традиция «стихотворений в прозе» в творчестве Ли Ни // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 80-87.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-80-87

CORRECT REFERENCE

Sai Na. The tradition of Turgenev's "poems in prose" in Li Ni works // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 80-87.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-80-87

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-88-97

«...ИЗМЕРИТЬ КРУГ ЗЕМНОЙ»: ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ Ф. НИЦШЕ В ПОЭЗИИ Ю. БАЛТРУШАЙТИСА

Сауныкин П.С.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о влиянии трудов Ф. Ницше на поэтическое творчество символиста Ю. Балтрушайтиса. На основе анализа стихотворных книг Балтрушайтиса «Земные Ступени», «Горная Тропа», «Лилия и Серп» были установлены связи с некоторыми идеями Ницше, такими как мотив «вечного возвращения», пафос богоборчества, образ сверхчеловека. Дионисийское начало – музыка – проявляется в стихотворениях в образах стихий и предстаёт фоном для лирико-философских размышлений автора. Основной причиной обращения Балтрушайтиса к наследию немецкого мыслителя является биография поэта, коллизии которой совпадают с мотивами произведений Ницше.

Ключевые слова: русская поэзия, символизм, Ю. Балтрушайтис, ницшеанские мотивы в поэзии.

“...TO MEASURE THE CIRCLE OF THE EARTH”: THE REFLECTION F. NIETZSCHE’S PHILOSOPHICAL IDEAS IN J. BALTRUSHAITIS’S POETRY

P. Saunkin

Yesenin Ryazan State University named
46, Svoboda St., Ryazan, Russian Federation, 390000

Abstract. The article discusses the influence of Nietzsche’s works on the symbolist Baltrushaitis’s poems. On the basis of analysis of Baltrushaitis’s books “Earthly Steps”, “Mountain Trail” and “Lily and the Sickle” the connections were made with some Nietzsche’s ideas, such as an idea of eternal comeback, pathos of God rebellion, a superman’s image. Dionisey’s beginning – music – is displayed in poems and images of Nature’s elements and is a background for lyrics – author’s philosophical speculations. The main reason for Baltrushaitis’s approaching the heritage of the German thinker is the biography of the poet, conflicts of which had same motives as in the Nietzsche’s works.

Keywords: Russian poetry, symbolism, Jurgis Baltrushaitis, motives in poems by Nietzsche.

Влияние трудов Фридриха Ницше на творчество и мировоззрение русских писателей рубежа XIX-XX веков неоспоримо. Его имя встречается в теоретических и критических статьях, эпистолярном наследии, «влияние индивидуализма Ницше косвенно распространялось и через творчество А. Стриндберга, С. Пшибшевского, Г. д’Аннунцио» [11, с. 100]. Роль немецкого философа в духовных

исканиях современников наиболее ярко определил Андрей Белый: «Он – это мы в будущем, ещё не осознавшие себя» [9, с. 899].

Поэт-символист Юргис Балтрушайтис (1873-1944) познакомился с работами Ницше, по-видимому, в период учёбы в Московском университете в 1893-1898 годах. Интерес к наследию немецкого философа способствовал, по-видимому, знакомству и сближению с будущей супругой – Марией Оловянишниковой, о чём свидетельствует дневниковая запись Е. Дьяконовой от 30 января 1898 года, в которой сказано, что они оба «поклонники Ибсена, д'Аннунцио, Метерлинка, Ницше... Их точно создали все модные веяния конца века» [12, с. 229]. Однако сам литовец находил в трудах философа не столько новые идеи, сколько подтверждение собственных мыслей. В письме Джованни Папини от 25 июля 1905 года поэт пишет: «С шестого класса я ницшеанец. Или, быть может, был им» [7, с. 22]. Следует отметить, что увлечение личностью и философией Ницше выражалось не только в литературной деятельности Балтрушайтиса, но, возможно, и в его повседневной жизни. Так, описывая творческую встречу с супругами Мережковскими, Валерий Брюсов отмечал: «Зиночка (З. Гиппиус. – П. С.) говорила, что в «Мире Искусства» его зовут: «Also sprach Baltruschaitis». – Конечно, это она сама выдумала» [10, с. 129].

Поэтическое наследие Ю. Балтрушайтиса включает в себя всего три книги стихов: «Земные Ступени» (1911), «Горная Тропа» (1912), «Лилия и Серп» (1948), и в каждой из них широко использованы в виде аллюзий и

реминисценций мотивы и образы произведений Ф. Ницше. Уже в раннем рассказе поэта «Спутники» [10, с. 111; 8] появляется образ горизонта, «заколдованного круга», который обладает свойством перемещаться вместе с героями произведения. Проблема «круга земли» («Утренние песни», II) глубоко волновала Балтрушайтиса, помнившего, что *всё идёт, всё возвращается; вечно возвращается колесо бытия. Всё умирает, всё вновь расцветает, вечно бежит год бытия* [18, с. 158]. Круговорот жизни – основа бытия: *В цветке зерно, в зерне – опять расцвет* («Вся мысль моя – тоска по тайне звёздной...»). В стихотворении «TAEDEUM VITAE» автор созерцает окружающий мир, осознаёт предопределённость происходящих событий и явлений. Эмоциональный фон произведения, проникнутый ощущением безысходности земного существования, передаётся поэтом через двойное использование существительного с корнем «круг»: *Кругом всё тот же узкий кругозор...* (курсив мой. – П. С.) [«TAEDEUM VITAE», 3, с. 73].

Ограниченность мира поэт соотносит с ограниченностью человеческой души и человеческих возможностей, и в данной трактовке мотив «вечного возвращения» приобретает значение вечной повторяемости бытия, движения по замкнутому кругу:

*Божий мир для нас – как море...
Мы на тёмном берегу
Глухо плачем о просторе,
Кто на радость, кто на горе,
Каждый – в замкнутом кругу...*

[3, с. 95]

Но лирический герой Балтрушайтиса не намерен мириться с уготованной ему участью постороннего наблюдате-

ля. Он стремится преодолеть роковую предопределённость, вырваться из замкнутого пространства в бесконечность Вселенной:

*Я всё же с тайной грустью разделяю
Их вечный пир дневной
И алчный взор всё чаще устремляю
За круг земной...*
[1, с. 132]

Мотив «вечного возвращения» как вечного повторения уже пройденного пути присутствует не только во многих произведениях поэта («Карусель», «Круг вековечный» и т. д.), он косвенно повлиял и на структуру сборников. Четыре равные по количеству стихотворений части первой книги выстроены по принципу смены времён года: весна («Весенняя роса»), лето («Дымные дали»), осень («Сбор винограда») и зима («Белые вихри»). Вторая книга состоит из трёх разделов, каждый из которых включает в себе также одинаковое количество лирических произведений.

Ницшеанская концепция «вечного возвращения» включает в себя и представления о времени и вечности. Наиболее полно позиция философа нашла отражение в словах, вложенных им в уста зверей в беседе с Заратустрой:

Смотри, мы знаем, чему ты учишь: что все вещи вечно возвращаются и мы сами вместе с ними и что мы уже существовали бесконечное число раз и все вещи вместе с нами.

*Ты учишь, что существует великий год становления, чудовищно великий год: он должен, подобно **песочным часам** (курсив мой. – П. С.), вечно сызнава поворачиваться, чтобы течь сызнава и опять становиться пустым, –*

– так что все эти годы похожи сами на себя, в большом и малом, – так

что и мы сами, в каждый великий год, похожи сами на себя, в большом и малом [18, с. 160].

Образ «песочных часов», используемый Ницше в тексте приведённой выше цитаты, не случаен: он констатирует постоянство сменяющих друга друга повторений. Аналогично использует метафору «песочных часов» и Балтрушайтис, описывая цикличное движение времени, в котором, однако, отражается «вечная жизнь, вечное возвращение жизни» [17, с. 628]:

*Текут, текут песчинки
В угоду бытию,
Крестины и поминки
Вплетая в нить свою...*
[1, с. 63]

Поэт исходит из единства макрокосма и микрокосма, «большого и малого», подчинения их общему движению мира: *Подходит сумрак, в мире всё сливая, / Великое и малое, в одно...* [«Вечер», I, 3, с. 144].

С вопросом о соотносённости времени и вечности связан и выдвинутый Ницше постулат о «смерти Бога» [18, с. 8], констатирующий утрату морально-нравственных ценностей современного ему общества. Однако в лирических произведениях Балтрушайтиса образ Бога, в противовес Ницше, в качестве символа высшей истины не только присутствует, но и проживает жизнь от рождения до воскрешения в соответствии с христианским учением о Сыне Божьем. В стихотворении «Вифлеемская звезда» Христос, «дитя судьбы», только родился, но ему уже предуготована миссия пробуждать в людях дремлющее в их сердцах чудо добра и милосердия. Атмосфера торжества победы жизни над смертью в «Пасхальном звоне» скрывает лик

Иисуса Христа за метафорическим образом «искры Божьей», сумевшей победить «тёмную волю». Таким образом, Балтрушайтис, в противоположность ницшеанскому учению, утверждает веру в человека, в возрождение нравственных начал.

Краеугольным камнем философских построений Ф. Ницше является учение о сверхчеловеке, озвученное устами Заратустры:

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке!

Сверхчеловек – смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: да будет сверхчеловек смыслом земли!

Я заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах! [18, с. 8]

Балтрушайтис отвечает на эти строки рядом стихотворений («Поклонение земле» и др.). В стихотворении «Я видел надпись на скале...» поэт призывает верить земле, но констатирует, что человек, в конечном итоге, землёй обманут. Авторская позиция, на наш взгляд, заключается в понимании трагедии временного человеческого существования и, вместе с тем, в убеждённости поэта в существовании высшей истины, необходимости стремления к вечным идеалам. Поэт призывает избегать малодушия, принимать как неизбежность всю «горечь правды».

Своё представление о человеке Ницше определяет следующим образом: «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью» [18, с. 9]. Данный мотив звучит у Балтрушайтиса в стихотворении-эпиграфе первой книги стихов «Земные Ступени» «Вся мысль моя – тоска по тайне звёздной...». Далее поэт, характеризуя свою жизнь,

жаждущую познания тайн бытия, восклицает: «Вся жизнь моя – стояние над бездной...». Об ощущении близости к познанию тайн мира Балтрушайтис делился с В.Я. Брюсовым, сообщая в письме от 15 июля 1901 года, что «не раз чувствовал знаменательное приближение, почти соседство с миром иным, мера соприкосновения с которым есть единственная мера нашей ценности и искать которого, должно быть, составляет наш единственный смысл» [6, с. 125].

Образ сверхчеловека, воспетого Заратустрой, прорисовывается в стихотворениях русского символиста постепенно, как бы в соответствии с тезисом, что «человек есть нечто, что должно превзойти...» [18, с. 27]. Образ лирического героя претерпевает эволюцию от одинокого человека, живущего посреди земной обыденности («Осенью», «На улице») через ипостась путника, устремлённого к горному миру («Восхождения», «Горная тропа») до рыцаря-пророка, «Витязя Тайной Дали» («Мой щит»). Подобная эволюция в общих чертах соответствует логике Ницше.

Тезис немецкого философа, что «жизнь есть воля к власти» [15, с. 381] получил отклик в поэзии Балтрушайтиса в мотиве стремления к личной свободе:

Качнулись последние стены!

Отныне неволя – простор,

Немое стремленье без смены

И к далям прикованный взор...

[3, с. 173]

В работах Ницше Балтрушайтиса мог привлечь и мотив молчания как знак мудрого достоинства всего сущего: «С достоинством умеют лес и скалы хранить молчание вместе с то-

бою» [18, с. 37] (о единении с природой), «Трудно жить с людьми, ибо так трудно хранить молчание» [18, с. 63] (о жизни в обществе), «Молчал и Заратустра; но взор его обращён был внутрь, как будто глядел он в глубокую даль» [18, с. 92] (о размышлении). О тишине как о естественном состоянии мира говорит и Балтрушайтис в своих стихотворениях: «Кругом весь день стояла тишина...» («Отчаяние»), «Тишь... Безмолвие лесное...» («В лесу») и т. д. Именно в этой молчаливой среде человек может усмирить свои страсти и почувствовать единение с окружающей его вселенной: «В тайный час тишины раскрываются сны / И смиряется сердце мятежное...» («Ночью»). Но человек, считает поэт, сам может создать себе условия для открытия новых горизонтов существования и понимания смысла вещей и явлений: «Ценнее речи – час без слов, / Где даже вздох неразличим... / Мир от него как будто нов – / И Рок так явственен за ним» («Ценнее речи – час без слов...»).

Одним из ключевых в произведениях немецкого философа является и мотив восхождения, воссозданный на фоне горных пейзажей, и связанный с ним мотив странничества: «И какова бы ни была моя судьба, то, что придётся мне пережить, – всегда будет в ней странствование и восхождение на горы: в конце концов мы переживаем только самих себя» [18, с. 108]. Идеей восхождения как обретения высшей истины пронизаны и произведения Балтрушайтиса («Путь к синеве», «Полдень» и т. д.). Путь к горной вершине представляется автору в образе ступеней, по которым человек должен подниматься с «алчным сердцем» («Ступени»), со стремлением к дости-

жению цели. Мотив странничества поэт развивает в двух направлениях: как путь человека по отмеренному его земной жизни временному отрезку («В пути») с неизбежными иллюзиями и суетой, и как путь человека к постижению тайн мироздания («Дорога»), который всегда труден.

Значительное место занимают в поэзии Балтрушайтиса ницшеанские мотивы торжества стихийных жизненных сил, гармонии, радости и любви:

Утверждали ли вы когда-либо радость? О друзья мои, тогда утверждали вы также и всякую скорбь. Всё сцеплено, всё спутано, всё влюблено одно в другое, –

– хотели ли вы когда-либо дважды пережить мгновение, говорили ли вы когда-нибудь: «Ты нравишься мне, счастье! миг! мгновенье!» Так хотели вы, чтобы всё вернулось!

– всё сызнова, всё вечно, всё сцеплено, всё спутано, всё влюблено одно в другое, о, так любили вы мир, –

– вы, вечные, любите его вечно и во все времена; и говорите также! скорби: *сгинь, но вернись назад! А радость рвётся – в отчий дом!* [18, с. 234].

Вторя этим мыслям, Балтрушайтис признаётся: «Нам жизнь во всём, где вспыхнул свет...» [«LA GAJA SCIENZA», II, 3, с. 32]. Жизнерадостной мощью мистерии природы проникнута оратория «Славься, утро». Солнце, выступающее объектом поклонения и рождающее чудо дня – победу света над тьмой, не называется своим именем, являясь табуированным для автора. Поэт обращается к светилу с помощью местоимения «ты», обильно используя изобразительно-выразительные средства: эпитеты, ме-

тафоры («жемчужно-золотое», «факел огнецветный» и т. д.).

Балтрушайтис увлечён властью стихий, подчиняясь первородной силе *ветра*: «Мчится в поле вихрь мятежный, / Воет, мечется, поёт, / Обвеяв мир безбрежный, Веять жить не устаёт...» («Ветер»), *воды*: «Темнеет и блещет, / Кидает, крушит, / И парус трепещет, / И мачта дрожит...» («Морская зыбь»), *земли*: «Нарядно выстав дол, взбегая на холмы, / Красуйся, шелести, зелёный океан!» («Нарядно выстав дол, взбегая на холмы...»).

В звуках стихии раскрывается важнейшее начало жизни – музыка. Вячеслав Иванов писал: «Кто впервые услышит стихи Юргиса Балтрушайтиса, если он не вовсе глух к лирической гармонии, испытает смутное вначале, но необычно завладевающее душою волнение. Словно из-за развесистых старых деревьев, – наполовину заглушённая серою толщею церковных стен, – зазвучала органная fuga» [13, с. 87]. Данное высказывание теоретика русского символизма соответствует мнению Ф. Ницше о музыке, и не только дионисийской, которое заключает в себе «потрясающее могущество тона, единообразный поток мелоса и ни с чем не сравнимый мир гармонии» [16, с. 65]. В поэзии Балтрушайтиса слышны и естественные звуки природы: шум прибоя («Прибой»), журчание горного ручья («Горный ручей»), вой ветра («Ветер»), крик коршуна («Коршун»), стук человеческого сердца («Сердце») и звуки колокола («Пасхальный звон», «Колокол»), альпийского рожка («Альпийский пастух»), охотничьего рога («Охота»). В стихотворении «Вечерняя свирель» монументальное художественное полотно заката солнца, окон-

чания дня является величественным фоном для размышлений лирического героя о собственном существовании на земле. Гармония и мелодичность лирики приближает звучание философских дум автора к музыкальной стихии, осознаваемой как первородная стихия самой жизни: «Есть среди грёз одиноких одна, / Больше всех на земле одинокая... / Есть среди стран заповедных страна, / Больше всех для стремленья далёкая...» [«Песня», 3, с. 83].

По Ницше, «музыка есть подлинная идея мира» [16, с. 143], заставляющая «видеть больше и глубже, чем мы обычно видим» [там же]. Именно поэтому, на наш взгляд, Балтрушайтис, тонко чувствовавший звуки жизни, использует для названия своих стихотворений музыкальные термины: «аккорды» (5 произведений) и «песня» (20). В каждом из них поэт погружается в размышления о тайнах мира и человеческого бытия:

*Как раздумье в сердце мирном,
В светлом море вал встаёт,—
О великом, о всемирном
Доле будничной поёт...*
[3, с. 30]

Близко поэту и ницшеанское понимание творчества как духовной жертвы: *Из всего написанного люблю я только то, что пишется своей кровью. Пиши кровью – и ты узнаешь, что кровь есть дух* [18, с. 28]. В теоретической статье «Жертвенное искусство» Балтрушайтис провозглашает искусство-жертву как высшую ступень выражения Духа, служащую «чуду нашего преображения» [2, с. 221-222]. К этому призывает он и в своих стихах: *Тёмной и алчной земле / В жертву себя принеси!* [«Молкнувший вечер во мгле...», 4, с. 148].

Один из ярких ницшеанских образов – образ тревожного, предвещающего колокола: «полночная лира, звук колокола, которого никто не понимает, но который должен говорить перед глухими, о высшие люди! Ибо вы не понимаете меня!» [18, с. 233]. Чувство приближающегося Апокалипсиса, усиление эсхатологических настроений преобладало среди философов и творческой элиты на рубеже XIX-XX веков. Лирический герой Балтрушайтиса воспринимает глухой звук колокола как надвигающуюся угрозу утраты людьми веры, низвержения идеалов: колокол поэта *зычно и скорбно, удар за ударом, / Тицетно о Боге гудел...* [«Колокол», 3, с. 172].

Итак, в творчестве Балтрушайтиса влияние трудов Ф. Ницше выражено в использовании широкого спектра мотивов и образов. Вместе с тем, вера Балтрушайтиса в человека указывает на преобладание в его мировоззрении в большей степени позитивистских, чем индивидуалистских взглядов. При этом одной из причин увлечения Балтрушайтиса духовным наследием Ницше можно считать не только творческие, но и биографические реалии его жизни. Например, затронутые Ницше мотивы одиночества и отчуждённости от родины: *Сердцу твоему закрыто уже пристанище, где ему было что находить и нечего искать...* [14, с. 629], *О, одиночество! Ты, отчизна моя, одиночество! Слишком долго жил я диким на дикой чужбине, чтобы не возвратиться со слезами к тебе!* [18, с. 131]. Известно, что Балтрушайтис покинул родной край в 1893 году, по-

ступив в Московский университет, и до назначения его в 1920 году руководителем специальной миссией Литвы в РСФСР бывал на родине очень редко [11, с. 15-81]. В письме А. Дьяконову от 11 февраля 1907 года он сурово замечает: *Сознанием своим я как-то совсем один* [5, с. 92]. *Среди людей я – среди чужих...*, – подтверждает поэт эти мысли в стихотворении «Одиночество». В «Трещине» лирический герой, заточённый в тюрьму, оплакивает свою прошлую жизнь, вспоминая «даль родных полей» и «синеву родных небес». Тягостных «немых видений рой» становится невыносимым, и узник просит закрыть трещину в стене темницы, чтобы прекратить свои страдания. В другом произведении – «Отчизна» – Балтрушайтис с глубокой тоской сообщает: «Я родился в далёкой стране, / Чьё приволье не знает теней...». Автор горестно переживает разлуку с отчим краем, продолжая взывать «о дали родной» и сетуя на свою бесприютность. Таким образом, можно сделать вывод, что философия Ницше дала поэту необходимый выход сдерживаемым чувствам и настроениям, стала средством, организующим его духовно-творческую силу и волю.

В критическом очерке о немецком мыслителе современник Балтрушайтиса Е.Н. Трубецкой высказал мысль о том, что Ф. Ницше сделал попытку разгадать «тайны современного человека» [19, с. 159]. К той же творческой цели стремился, в чём-то соглашаясь или не соглашаясь со своим кумиром, и Ю. Балтрушайтис.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балтрушайтис Ю. Горная Тропа. Вторая книга стихов. М.: Скорпион, 1912. 168 с.
2. Балтрушайтис Ю. Жертвенное искусство // Мысль и слово. Философский ежегодник / под ред. Г. Шпета. Т. II, Вып. 1. М.: Кн-во С.И. Сахарова, 1918-1921. С. 219-224.
3. Балтрушайтис Ю. Земные Ступени. Элегии, песни, поэмы. Первая книга стихов. М.: Скорпион, 1911. 228 с.
4. Балтрушайтис Ю. Лилия и Серп. Третья книга стихов. Paris: YMCA-Press, 1948. 228 с.
5. Балтрушайтис Ю. Письмо А. Дьяконову от 11.02.1907. // Дауётите В. Юргис Балтрушайтис: монографический очерк. Вильнюс: Vaga, 1983. 326 с.
6. Балтрушайтис Ю. Письмо В. Брюсову от 15.07.1901. // Дауётите В. Юргис Балтрушайтис: монографический очерк. Вильнюс: Vaga, 1983. 326 с.
7. Балтрушайтис Ю. Письмо Дж. Папини от 25.07.1905. // Мержвинските Б.А. Юргис Балтрушайтис и русский символизм: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983. 174 с.
8. Балтрушайтис Ю. Спутники // Весы. 1906. № 12. С. 21-33.
9. Белый А. Фридрих Ницше // Ницше: pro et contra : антология; сост., вступ. ст., примеч. и библиогр. Ю. В. Синеокой. СПб.: РХГИ, 2001. С. 898-923.
10. Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / сост., вступ. ст. Е.В. Ивановой. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звёздный мир, 2002. 415 с.
11. Дауётите В. Юргис Балтрушайтис: монографический очерк. Вильнюс: Vaga, 1983. 326 с.
12. Дьяконова Е. Дневник русской женщины. М.: Захаров, 2004. 480 с.
13. Иванов Вяч. Юргис Балтрушайтис как лирический поэт // Русская литература XX века (1890-1910): в 2 кн. / Под ред. проф. С.А. Венгерова. Кн. 2. М.: ИД «XXI век-Согласие», 2000. С. 87-96.
14. Ницше Ф. Весёлая наука // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль, 1996. С. 491-719.
15. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2 / сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль, 1996. С. 238-406.
16. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль, 1996. С. 57-157.
17. Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2 / сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль, 1996. С. 556-630.
18. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2 / сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль, 1996. С. 5-237.
19. Трубецкой Е.Н. Философия Ницше: критический очерк. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1904. [4], 159 с.

REFERENCES

1. Baltrushaitis YU. Gornaya Tropa. Vtoraya kniga stikhov [The Mountain Trail. The second book of poems]. M., Skorpion, 1912. 168 p.
2. Baltrushaitis YU. Zhertvennoe iskusstvo [The sacrificial art] // Mysl' i slovo. Filosofskii ezhegodnik. T. II. [The thought and the word. Philosophical Yearbook. Vol. II.]. Iss. 1. M., Kn-vo S.I. Sakharova, 1918-1921. pp. 219-224.
3. Baltrushaitis YU. Zemnye Stupeni. Elegii, pesni, poetry. Pervaya kniga stikhov [The Earthly Stage. Elegies, songs, poems. The first book of poems]. M., Skorpion, 1911. 228 p.

4. Baltrushaitis YU. Liliya i Serp. Tret'ya kniga stikhov [Lily and the Sick. The third book of poems]. Paris, YMCA-Press, 1948. 228 p.
5. Baltrushaitis YU. Pis'mo A.D'yakonovu ot 11.02.1907 [Letter to A. Dyakonov of 11.02.1907] // Dautite V. Yurgis Baltrushaitis: monograficheskii ocherk [Dautite V. Jurgis Baltrusaitis: monographic essay]. Vilnius, Vaga, 1983. 326 p.
6. Baltrushaitis YU. Pis'mo V. Bryusovu ot 15.07.1901 [Letter to V. Brusov of 15.07.1901] // Dautite V. Yurgis Baltrushaitis: monograficheskii ocherk [Dautite V. Jurgi, Baltrusaitis: monographic essay]. Vilnius, Vaga, 1983. 326 p.
7. Baltrushaitis YU. Pis'mo Dzh. Papini ot 25.07.1905 [Letter of John Papini of 25.07.1905] // Merzhvinskite B.A. Yurgis Baltrushaitis i russkii simbolizm: dis. ... kand. filol. nauk [Merzhvinskiy B. Jurgis Baltrushaitis and Russian symbolism: candidate of Philological Sciences thesis]. M., 1983. 174 p.
8. Baltrushaitis YU. Sputniki [Satellites] // Vesiy [Scales]. 1906. no. 12. pp. 21-33.
9. Belyi A. Fridrikh Nitshe [Friedrich Nietzsche] Nitshe: pro et contra : antologiya [Nietzsche: pro et contra: anthology] / Comp., introd. article, note. and REFs. by Yu.V.Sineokaya. SPb., RKHGI, 2001. pp. 898-923.
10. Bryusov V.YA. Dnevnik. Avtobiograficheskaya proza. Pis'ma [Diaries. Autobiographical prose. Letters]. M., OLMA-PRESS Zvezdnyi mir, 2002. 415 p.
11. Dautite V. Yurgis Baltrushaitis: monograficheskii ocherk [Jurgis Baltrusaitis: monographic essay]. Vilnius, Vaga, 1983. 326 p.
12. D'yakonova E. Dnevnik russkoi zhenshchiny [The diary of a Russian woman]. M., Zakharov, 2004. 480 p.
13. Ivanov Vyach. Yurgis Baltrushaitis kak liricheskii poet [Ivanov. Jurgis Baltrusaitis as a lyrical poet] // Russkaya literatura XX veka (1890-1910): v 2 kn. [Russian literature of 20th century (1890-1910): in 2 books] / Ed. by professor S. A. Vengerov. Book 2. M., ID «XXI vek-Soglasie», 2000. pp. 87-96.
14. Nitshe F. Veselaya nauka [Jolly science] // Nitshe F. Sochineniya v 2 t. T. 1 [Nietzsche F. Works in 2 vols. Vol. 1] / Comp. ed. and ed. note. by K.A. Svasyan; translated from German. M., Mysl', 1996. pp. 491-719.
15. Nitshe F. Po tu storonu dobra i zla. Preludiya k filosofii budushchego [Beyond good and evil. Prelude to future] // Nitshe F. Sochineniya v 2 t. T. 2 [Nietzsche, F. Works in 2 vols. Vol. 2] / Comp. ed. and ed. note. by K.A. Svasyan; translated from German. M., Mysl', 1996. pp. 238-406.
16. Nitshe F. Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki [The birth of tragedy from spirit of music] // Nitshe F. Sochineniya v 2 t. T. 1 [Nietzsche, F. Works in 2 vols. Vol. 1] / Comp. ed. and ed. note. by K.A. Svasyan; translated from German. M., Mysl', 1996. pp. 57-157
17. Nitshe F. Sumerki idolov, ili kak filosofstvuyut molotom [Twilight of the idols or how to philosophize with the hammer] // Nitshe F. Sochineniya v 2 t. T. 2 [Nietzsche, F. Works in 2 vol. Vols. 2] / Comp. ed. and ed. note. by K.A. Svasyan; translated from German. M., Mysl', 1996. pp. 556-630.
18. Nitshe F. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo [Thus spoke Zarathustra. A book for everyone and no one] // Nitshe F. Sochineniya v 2 t. T. 2 [Nietzsche, F. Works in 2 vols. Vol. 2] / Comp. ed. and ed. note. by K.A. Svasyan; translated from German. M., Mysl', 1996. pp. 5-237.
19. Trubetskoi E. N. Filosofiya Nitshe: kriticheskii ocherk [The philosophy of Nietzsche: a critical essay]. M., Tipolitogr. t-va I. N. Kushnerev i K°, 1904. 159 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сауныкин Павел Сергеевич – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина;
e-mail: peshmerga@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel Saunkin – applicant for degree of candidate of Philological Sciences at the department of literature of Yesenin Ryazan State University;
e-mail: peshmerga@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Сауныкин П.С. «...Измерить круг земной»: отражение философских идей Ф. Ницше в поэзии Ю. Балтрушайтиса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 88-97.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-88-97

CORRECT REFERENCE

P. Saunkin. "...To measure the circle of the Earth": reflection F. Nietzsche's philosophical ideas in J. Baltrushaitis's poetry // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 88-97.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-88-97

УДК 82.95

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-98-104

ВЛИЯНИЕ НА М.О. МЕНЬШИКОВА – ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА – ФИЛОСОФСКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ РАБОТ Л.Н. ТОЛСТОГО ПЕРИОДА 1880-Х – 1890-Х ГГ.

Трофимова В.Б.*Институт художественного образования и культурологии**Российской академии образования**119121, Москва, ул. Погодинская, 8, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Автор рассмотрел влияние философских публицистических работ Л.Н. Толстого «Исповедь» (1879 – 1883), «О жизни» (1887), «Царство Божие внутри вас» (1890 – 1893) на литературную критику М.О. Меньшикова в период его работы в газете «Неделя». Влияние проанализировано на материале писем Меньшикова к Л.Н. Толстому периода 1890-х годов и книги М.О. Меньшикова «Начала жизни» (1901).

Ключевые слова: М.О. Меньшиков, философская публицистика Л.Н. Толстого, литературная критика, газета «Неделя», Л.Н. Толстой.

INFLUENCE ON M. MENSNIKOV, THE LITERARY CRITIC OF PHILOSOPHICAL AND PUBLICISTIC WORKS OF LEO TOLSTOY OF THE PERIOD OF 1880S-1890S

V. Trofimova*Institute of art education and cultural studies of the Russian academy of education**8/1, Pogodinskaya St., Moscow, Russian Federation, 119121*

Abstract. The author has considered influence on literary criticism of M. Menshikov during his work in the newspaper «Nedelya» of philosophical publicistic works of Leo Tolstoy «Confession» (1879 – 1883), «On life» (1887), «The Kingdom of God is within you» (1890 – 1893). Influence is analysed on material of letters of M. Menshikov to Leo Tolstoy of the period of the 1890s years and M.O. Menshikov's book «The beginning of life» (1901).

Keywords: M. Menshikov, philosophical journalism of L. N. Tolstoy, literary criticism, the newspaper «Week», L. N. Tolstoy.

Философско-публицистические труды Л.Н. Толстого периода 1880-х – 1890-х оказали на формирование М.О. Меньшикова как литературного критика и философского публициста очень большое влияние. В этот период Меньшиков проявил себя активным последователем идей Л.Н. Толстого, пропагандируя в народнической газете «Неделя» идеи умеренного крыла народничества, прежде всего идею антигуманного характера современной ему цивилизации, идею развития в процессе активной трудовой деятельности (прежде

© Трофимова В.Б., 2017.

всего физического сельского труда), теорию малых дел и идею нравственного самоусовершенствования человека. В этот период по своим взглядам Меньшиков приближался к толстовскому педагогическому народничеству [1, с. 164].

На Меньшикова – литературного критика – оказали большое влияние философско-публицистические статьи и трактаты Л.Н. Толстого «Исповедь» (1879 – 1883), «О жизни» (1887), «Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (1890 – 1893), «Неделание» (1893), «Что такое искусство?» (1897 – 1898), публицистические статьи Л.Н. Толстого о духоворах. В 1880-х – 1890-х гг. этическая категория «совесть» была предложена Меньшиковым в качестве главной литературно-теоретической категории в его литературно-критическом творчестве [4, с. 143-144]. Эта категория осмыслилась критиком именно в результате ознакомления с философско-публицистическими работами Л.Н. Толстого. Меньшиков размышлял об этих работах Л.Н. Толстого не только в литературно-критических этюдах, философских эссе и очерках, опубликованных им на страницах журнального приложения к газете «Неделя» «Книжках “Недели”», но и в личной переписке с Л.Н. Толстым, продолжавшейся на протяжении 1890-х гг. и в самом начале 1900-х гг. В неопубликованном письме к Л.Н. Толстому от 20 июля 1893 г. из фондов Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве Меньшиков писал¹: «Глубокоуважаемый Лев

Николаевич, чувствую неодолимую потребность, переступая все приличия, выразить Вам мою искреннюю благодарность за написание «Царствия Божия», неделю назад прочитанного мною благодаря любезности А.М. Хирьякова. Не могу отделаться от душевной тревоги и раздумья, навеянного этой мужественной, прекрасной книгой. Вся она, а в особенности её выводы и заключения, производят захватывающее, могучее впечатление, будят стыд и совесть и желание быть лучше. Трудно и выразить, до чего своевременной является Ваша проповедь, до чего она нужна людям, изнемогающим в собственной лени. Почти всё то, что Вы пишете, я признаю как бы за своё родное, мерцавшее бледно и мимолётно и в моей душе; всё это общечеловеческое, первозданное, и тем-то и велик Ваш подвиг, что Вы прямо берёте основную правду, центральную, вечную, вне которой не может быть никаких иных, побочных правд. Нет сомнения, что эта книга вызовет против Вас новые взрывы ненависти, но она же вызовет и истинные слёзы раскаяния, сердечного возмущения, чувство глубокой признательности к единственному человеку, самоотверженно ставшему на защиту общечеловеческой, божеской правды. Ваш великий душевный подъём не пропадёт в мире и сделает своё благое дело, он уже делает его. Да сохранит Вас Бог на долгие годы. М. Меньшиков. 20. 7. 93»².

ва к Л.Н. Толстому из фондов Государственного музея Л.Н. Толстого (Москва). Д.В. Жаворонков первым начал готовить к публикации письма М.О. Меньшикова к Л.Н. Толстому.

² Меньшиков М.О. Письмо к Л.Н. Толстому от 20 июля 1893 г. // Государственный музей Л.Н. Толстого (Москва). Отдел рукописей. Ф. 1. Л.Н. Толстой (письма к Л.Н. Толстому). № 166/36. Л. 1-1(об).

¹ Автор статьи благодарит Д.В. Жаворонкова (Санкт-Петербургский государственный университет, факультет журналистики) за помощь в работе над письмами М.О. Меньшикова

В переписке с Л.Н. Толстым Меньшиков рассматривает нравственно-философские вопросы человеческого бытия, осмысливает интерпретацию Л.Н. Толстым философских и философско-психологических терминов «жизнь», «сознание», «разум», «воля» не только на основе литературно-критического анализа публицистических трактатов Л.Н. Толстого («О жизни», «Царство Божие внутри вас»), но и обращается к рассмотрению драматургии и малой прозы позднего периода творчества Льва Николаевича. Меньшиков говорит о разработке нравственных вопросов в пьесе «Власть тьмы» (1886) (в связи с постановкой этой пьесы на сцене Малого театра) и в повести «Смерть Ивана Ильича» (1886). Меньшикову близка идея пьесы «Власть тьмы» о том, что победить власть тьмы может только свет совести, нравственное возрождение человека через покаяние, к которому призывает своего сына Никиту старик Аким. Меньшиков размышляет над природой разума и стихийного сознания, принимая во внимание интерес Л.Н. Толстого к учению Лао-Цзы. Высказанная Л.Н. Толстым в книге «О жизни» мысль о том, что истинное счастье человека заключается в соединении жизни отдельного человека с «жизнью мира», находит художественное воплощение в описании переживаний главного героя повести «Смерть Ивана Ильича», приходящего к пониманию преодоления смерти, которое он осознаёт в последний миг; это понимание отсутствия смерти позволяет человеку не бояться её [2, с. 481].

В письме от 23 сентября 1895 г. Меньшиков писал Л.Н. Толстому:

«Дорогой и глубокоуважаемый Лев Николаевич, простите, что отнимаю

у Вас время, но пишу не для того, конечно, чтобы убедить Вас в чём-то, а, чтобы иметь возможность самому убедиться в истине, которая для Вас ясна, для меня же всё ещё темна. Корень моего непонимания – основное Ваше начало «Разум», и, если бы Вы помогли мне понять, что это такое, Вы оказали бы мне жизненную услугу. Я помню, что, читая Ваши сочинения, именно на этом вопросе терял понимание. В прошлом году два раза читал «О жизни» и вот теперь Ваше второе письмо, но вполне усвоить Вашу мысль о разуме не могу. Вы пишете, как Вы понимаете... <...> У Вас «Разум» освобождает «сущность жизни – любовь»; у меня «стихийное сознание» есть уже освободившаяся любовь, т. е. в своём напряжении, как электричество или тепло, дошедшее до степени света. Моё «стих. сознание», как и «Разум», разрушает обманы ума (опыт рода вернее опыта личности). И на «стихийное сознание» я смотрю как на божественную, постепенно открывающуюся сущность, как Вы на «Разум». Конечным пределом роста «стих. сознания» я считаю полное уничтожение чувства личности, поглощение его мировым сознанием (Божьим). Вижу много сходства между моим ощущением верховного сознания в человеке и Вашим «Разумом», но есть, по-видимому, какая-то разница. У Вас «Разум» есть как бы нечто внешнее, привходящее в человека и логическое, что доступно лишь некоторым людям в полной мере (по моему же взгляду, «стихийное сознание» в полной мере доступно и Никите, и детям, и голубю). Я не вижу разницы между любовью Никиты (голубя) и любовью Христа, а Вы как бы вовсе отрицаете эту «физиологическую любовь». Сло-

вом, я не уясняю здесь многого и самого основного, но есть опасение, не в словах ли только наше разногласие. Вы, Лев Николаевич, потрудились (и с Вашими силами) неизмеримо больше над этими вопросами, чем я, и я всегда смотрел на Вас, как на стоящего ближе к истине. С очень многих сторон я легко подхожу к Вам, но с этой всё не могу добраться. А искренно хотел бы и не прекращу попыток. Желаю Вам всего лучшего. Душевно Вам преданный М. Меньшиков. 23 IX»¹.

В процессе переписки с Л.Н. Толстым формируется мировоззрение Меньшикова, его философские взгляды обретают системность. На протяжении 1890-х гг. Меньшиков работает над основными своими книгами философской эссеистики и очерков, которые создавались в том числе и под впечатлением прочтения трактата «О жизни» (1887) и других философских работ Л.Н. Толстого. Философско-публицистические эссе и очерки Меньшикова публиковались на страницах журнала «Книжки “Недели”» на протяжении 1890-х гг. и в дальнейшем составили книги философской эссеистики «Думы о счастье» (публиковались в «Книжках “Недели”» в 1894 г., первое отдельное издание вышло в 1898 г.), «О любви» (публиковались там же в 1897 г. под заглавием «Элементы романа», отдельное издание 1899 г.), «Начала жизни» (публиковались в «Книжках “Недели”» в 1898 г., отдельное издание 1901 г.). В книге «Думы о счастье», целиком написанной под влиянием идей

Л.Н. Толстого, Меньшиков размышляет о состоянии современного ему общества, семье, труде, в том числе интеллигентных профессиях, цивилизации, религии, Боге. В этой книге Меньшиков ещё невольно подражает размышлениям Л.Н. Толстого. Книга «Начала жизни: Нравственно-философские очерки» представляет Меньшикова уже как весьма интересного литературного критика, очень эрудированного и оригинального философа. Книга «Начала жизни» посвящена анализу главных в системе мировоззрения Меньшикова социально-этических понятий и категорий, каждой из которых посвящена отдельная глава: «Вера в жизнь», «Женщина-мать», «Семья», «Дети», «Возрасты человека», «Поэзия», «Героизм», «Дружба», «Страдания», «Смерть». Меньшиков осознавал, что от понимания этих понятий зависит их художественное воплощение писателем в его творчестве. Эти понятия и категории были в центре внимания Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, П.Д. Боборыкина, А.П. Чехова и других писателей и поэтов, творчеству которых Меньшиков посвящал свои литературно-критические работы.

В эссе «Вера в жизнь» (1898) из книги «Начала жизни: Нравственно-философские очерки» Меньшиков под влиянием учения Л.Н. Толстого осуждает современную ему цивилизацию за господствующий пессимизм, утрату нравственных ориентиров, неверие в Бога, разочарование в возможностях современной науки и умаление возможностей человеческого разума, за цинизм в понимании любви. Меньшиков обильно использует «чужую» речь – цитаты из произве-

¹ Меньшиков М.О. Письмо к Л.Н. Толстому от 23 сентября 1895 г. // Государственный музей Л.Н. Толстого (Москва). Отдел рукописей. Ф. 1. Л.Н. Толстой (письма к Л.Н. Толстому). № 166/36. Конверт об. штампель: «Козлова засека» Меньшиков М.О. 23 IX 1895. Л. 6 (об), 7, 8.

дений властителей дум 1880-х – 1890-х гг., А. Шопенгауэра, А. Гартмана, Г. де Мопассана, Э. Золя, Э. Ренана, А. Доде, П. Бурже, Ж. Ришпена, свидетельствующие о настроениях крайнего пессимизма, разочарованности, цинизма, а в подстрочных ссылках на используемые труды называет популярный в то время сборник известного французского литературного критика и философа-позитивиста, автора популярных у публики критических этюдов, члена Французской академии Э.М. Каро «Пессимизм в XIX веке. Леопарди – Шопенгауэр – Гартман» с приложением «Беседы о пессимизме, происходившей в Берлинском философском обществе в октябре 1878 г.». Этюды Э.М. Каро были опубликованы в переводе на русский язык в Москве в 1883 г. Как европейская цивилизация может преодолеть всеобщий упадок и пессимизм настроений, рабство материализма? Меньшиков вслед за Л.Н. Толстым предлагает каждому отдельному человеку стремиться к добру, культивировать ростки добра в себе, сторониться зла. Меньшиков вслед за Л.Н. Толстым видит решающую роль человеческого разума и совести в осознанном стремлении к добру: «От человека требуется не всякое отношение к миру, а лишь озарённое красотой, истиной, добром, то есть благородное отношение» [3, с. 15].

Как и Л.Н. Толстой, Меньшиков интересовался буддизмом. Меньшиков опровергает теоретика пессимизма А. Шопенгауэра, показывая нам, что философия Шопенгауэра была основана на учении буддизма, а сам философ безотчётно приходил к мысли о вечности бытия, отсутствии смерти, что и было возвещено христианством: «Источник

шопенгауэровской философии – буддизм – при страстном стремлении к небытию всё же не верит в безусловное несуществование и останавливается как на идеале на “ниббанае”, которая есть нечто среднее между «быть» и «не быть», некоторое слияние с первосушностью мира, Брамой. Всемирный опыт говорит, что “ничего нет нового под солнцем, что было, то и будет”, – и в этом великое утешение жизни. Ничто, значит, не уничтожается и не создаётся, и смерти нет. Благая весть была вестью о жизни вечной, которая может быть или вечным блаженством, если согласна с благою Волей, или вечным мучением – в отделении от неё» [3, с. 22-23].

Меньшиков опровергает доводы теоретиков пессимизма, предстаёт как христианский философ, открывая нам радость жизни, убедительно доказывая божественную сущность жизни, разума, совести: «Надо с благодарностью хранить небесный двигатель жизни – святую веру и источник её – непорочность души и тела. <...> И сверх всего этого тебе дан Разум, находящий жизнь и красоту в самом себе и бесконечное наслаждение вне себя. И сверх разума дана ещё Совесть, святая любовь ко всему, стремление относиться к природе божественно. И, наконец, дана – если ты слепо не отвергаешь – сладкая уверенность в высшем начале жизни, чувство присутствия великой, благостной, объёмлющей тебя Силы, вечно тебя рождающей, родной тебе. Разве жизнь при таких исключительно счастливых условиях не есть благо?» [3, с. 27, 28].

Таким образом, проведённый нами анализ книги «Начала жизни: нравственно-философские очерки» (1901) М.О. Меньшикова и его писем

к Л.Н. Толстому (1890-е гг.) показывает, что в 1890-х гг. Меньшиков формировался как литературный критик под влиянием осмысления философии Л.Н. Толстого в процессе переписки со Львом Николаевичем, а также вдумчивого прочтения философской публицистики Л.Н. Толстого периода 1880-х – 1890-х гг. В 1890-х гг. Меньшиков как литературный критик осмысливает философские и философско-психологические категории и понятия: «жизнь», «совесть», «разум», «воля», «сознание». У Меньшикова формируется собственная религиозно-фило-

софская система, ставшая основой его литературно-критического творчества. В эссе «Вера в жизнь» (1898) из книги «Начала жизни: Нравственно-философские очерки» Меньшиков полемизирует с теоретиками философии пессимизма (А. Шопенгауэром, А. Гартманом, Э. Ренаном, П. Бурже), писателями-натуралистами Г. де Мопассаном и Э. Золя, поэтом Ж. Ришпеном. В этой полемике Меньшиков проявляет себя как религиозный философ и литературный философский критик, сторонник философии любви Л.Н. Толстого.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. История русской литературной критики / под ред. В.В. Прозорова. М.: Издат. Центр «Академия», 2009. 431 с.
2. История русской литературы XIX века 70 –90-е годы / под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Н. Громовой, В.Б. Катаева. М.: Изд-во Московского университета, 2001. 800 с.
3. Меньшиков М.О. Вера в жизнь // Меньшиков М.О. Великорусская идея. Т. II. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 5-29.
4. Трофимова В.Б. Категория «совесть» в литературной критике и философской эссеистике М.О. Меньшикова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 141-152.

REFERENCES

1. Istoriya russkoi literaturnoi kritiki [The history of the Russian literary criticism]. M., Izdat. Tsentr «Akademiya», 2009. 431 p.
2. Istoriya russkoi literatury XIX veka 70–90-e gody [The history of the Russian literature of the 19th century, 1870-90s]. M., Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2001. 800 p.
3. Men'shikov M.O. Vera v zhizn' [Faith in life] // Men'shikov M.O. Velikoruskaya ideya. T. II [Menshikov M. Great Russian idea. Vol. II]. M., Institut russkoi tsivilizatsii, 2012. pp. 5-29.
4. Trofimova V.B. Kategoriya «sovest'» v literaturnoi kritike i filosofskoi esseistike M.O. Men'shikova [Category «conscience» in literary criticism and philosophical essays of M. Menshikov] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2015. no. 4. pp. 141-152.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трофимова Валерия Борисовна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ «Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования» (Москва);
vbtrofimova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Valeria Trofimova – candidate of Pedagogical Sciences, senior research assistant at Institute of art education and cultural science of the Russian academy of education;
vbtrofimova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Трофимова В.Б. Влияние на М.О. Меншикова – литературного критика – философско-публицистических работ Л.Н. Толстого периода 1880-х – 1890-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 98-104.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-98-104

CORRECT REFERENCE

V. Trofimova. Influence on M. Menshikov, the literary critic of philosophical and publicistic works of Leo Tolstoy of the period of 1880s-1890s // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 98-104.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-98-104

УДК 821

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-105-113

МОТИВ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ «РОССИЯ И ЕВРОПА»

Шенол А. О.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследуется мотив домостроительства в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в контексте проблемы «Россия и Европа». При написании статьи рассматривались мнения исследователей относительно роли домостроительства и влияния Европы на процесс общественного развития. Актуальность статьи заключается в том, что темы «дом», «семья», «брак» рассматриваются не только как писательский инструмент отражения внутреннего мира героев, но и расшифровка историко-философских идей, заложенных в их образах.

Ключевые слова: Толстой, роман, Анна Каренина, мотив домостроительства, мысль семейная, Россия и Европа.

THE MOTIVE OF DISPENSATION IN THE NOVEL “ANNA KARENINA” BY L. TOLSTOY IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM “RUSSIA AND EUROPE”

Shenol Ali Osman

*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the motive of dispensation in the novel “Anna Karenina” by L. Tolstoy in the context of the problem “Russia and Europe”. In writing the present paper the views of the researchers on the role of dispensation and the influence of Europe on the process of social development were considered. The relevance of the paper is that the themes of “home”, “family” and “marriage” serve not only as the writer’s instrument of reflecting the inner world of the characters but also as decoding of the historical and philosophical ideas embodied in their images.

Keywords: Tolstoy, novel, Anna Karenina, the motive of dispensation, the idea of family, Russia and Europe.

Тема семьи, дома, брака, «мысль семейная» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» была обозначена самим писателем как центральная в его произведении. Исследователи романа, начиная с В.Б. Шкловского [12], Б.М. Эйхенбаума [13], Э. Бабаева [2] и др., также выделяли её как принципиально важную – обращение к ней рассматривалось и как свидетельство творческой эволюции писателя, и как отражение общественных тенденций эпохи, которые рассматривались исследо-

вателями сквозь призму семейных судеб, изображённых в романе. Новаторское осмысление тем семьи и дома в романе «Анна Каренина» предстаёт и в работах современных исследователей – Р.Ф. Густафсона [5], Б. Леннkvиста [8], А.В. Зиновьева [7], К.А. Нагиной и др. Так, А.В. Зиновьев рассматривает взаимодействие концептов «дом» и «семья» в толстовских романах «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресенье» в аспекте раскрытия характеров героев и авторского отношения к ним; К.А. Нагина анализирует мотив разрушения дома в связи с личностью и судьбой главной героини романа – Анны Карениной – в аспекте мифологических и культурно-исторических подтекстов романа [3].

Предметом данной работы избран мотив домостроительства в толстовском романе в аспекте более общей социально-философской проблемы «Россия и Европа». Новизна предлагаемой концепции видится в том, что темы «дом», «семья», «брак» для писателя служили не только раскрытию внутреннего мира героев, но именно раскрытию его историософских идей, вне понимания которых бывает сложно понять и духовно-нравственные искания персонажей романа. И это не случайно. Дом и семья всегда были и будут «онтологическим» центром любых общественных и личных потрясений и катаклизмов: войн, революций, измен, ссор, вражды так же, как и мира, любви, блага, радости и т. п. [1].

Анализ образа дома в романе «Анна Каренина» по традиции ведётся с учётом противопоставления двух различных сюжетных ситуаций – и соответственно, воплощающих эти ситуации концептов: «дом создаваемый» / «дом

разрушаемый» («разрушающийся»), что, естественно, обращает исследовательскую мысль к сопоставлению образов Анны Карениной, с одной стороны, и Константина Левина, с другой. Однако не меньший интерес в романе представляет возможное сопоставление строящихся, создаваемых домов – как по-разному осуществляется это созидание и в чём причина того, что в одном случае оно увенчивается успехом, в другом же – терпит крах. Анализ этой проблемы выводит к сопоставлению образов Лёвина и Вронского, которые в совокупности представляют читателю сложную и многостороннюю концепцию домостроительства в творчестве Л.Н. Толстого.

Само понятие «домостроительство» в русском языке восходит к слову «Домострой» – названию литературного памятника Древней Руси. В XIX веке в массовом сознании он нередко воспринимался как воплощение угнетения, принужденности, жёсткой формализации быта. Отразилось это восприятие Домостроя и в творчестве писателей – А.Н. Островского, И.С. Тургенева, А.П. Чехова и др. Суждения о Домострое есть и у Л.Н. Толстого – однако, видя в его содержании элементы подавления личности, писатель в то же время понимал, что «домостроевское» начало обладало и потенциалом удержания – личности, семьи, дома, а в конечном итоге и государства – от распада, к которому их неминуемо вела личная воля человека, утратившего абсолютные основания нравственности и не знающего, как и на чём основывать свою жизнь. Это «блуждание во мраке» заставляет страдать и героев «Анны Карениной», оно делает обречёнными на неудачу их

попытки домостроительства [4, с. 163]. Только возвращение к истинным началам домостроительства, в том числе началам религиозным и национальным, даёт усилиям героев осуществиться и привести к желаемому результату

К.А. Нагина абсолютно справедливо отмечает, что в толстовском мире возможность построить подлинный дом означает прежде всего отказ от развращённости и испорченности городской жизни («Нового Вавилона») [3, с. 38]. В данном контексте Толстой явно вписывался в линию литературной традиции, берущей начало ещё в античности и развивающейся в русской литературе начиная с XVIII столетия вплоть до «деревенской прозы» века XX-го. В рамках этой традиции отказ от города даёт человеку возможность достичь подлинной внутренней и внешней гармонии, ибо город – это мир, враждебный человеку, он «связывает» его и заставляет жить вне естественного, природного начала:

Блажен, кто менее зависит от людей,

Свободен от долгов и от хлопот приказных,

Не ищет при дворе ни злата, ни чести

И чужд сует разнообразных.

Возможно ли сравнить что с вольностью златой,

С уединением и тишиной на Званке... [6, с. 326]

Однако концепция Толстого в «Анна Карениной» оказывается не столь однозначной. Поэтика Толстого, возможно, вообще основана на своеобразном «отрицании» устойчивых идейно-философских моделей, сложившихся в рамках литературной традиции, он всегда стремится рассматривать лю-

бую тему, как бы «отталкиваясь» от её привычных разработок. Не составляет исключения и данная ситуация. Мысль о том, что деревня есть своего рода «противоядие испорченности», в романе «Анна Каренина» высказывается прямо, однако её выразителем становится брат Лёвина Кознышев – к тому же в контексте, явно не позволяющем читателю «присоединиться» к ней: Лёвин тяготился обществом брата в деревне, поскольку тот лишь «отдыхает» здесь (в том числе от городской «испорченности»), сам же он смотрит на неё иначе – как «место жизни, то есть радости, страданий, труда». Таким образом, традиционной схеме восприятия дома в контексте однозначно понимаемой оппозиции «стеснение» / «свобода» противопоставляется представление его во всей сложности и неоднозначности. Дом – это не только радости и свобода, в нём есть место и страданиям, его созидание предполагает неустанный труд. Те герои романа, которые понимают это, оказываются способны выстроить свой дом так, чтобы в нём действительно можно было жить; домостроительство, таким образом, становится залогом жизненной состоятельности толстовских героев [9, с. 95].

Возможность построить дом для героев «Анны Карениной» даёт не только возвращение из чуждого естественности мира города, но и из не менее чуждого инационального пространства: возвращается из-за границы и выходит замуж за Лёвина Кити, возвращаются в Россию из путешествия и поселяются в Воздвиженском Анна и Вронский. К.А. Нагина справедливо замечает, что в этот момент жизненные установки Вронского начинают

совпадать с жизненными установками Лёвина: они оба стремятся выстроить свой дом, создать настоящую семью, вести хозяйство. По своим целевым установкам это «домостроительство» в полном смысле этого слова.

Однако его осуществлению препятствуют многие обстоятельства. Для Вронского и Анны это прежде всего их собственная неготовность к семейной жизни, привычка следовать жизненным установкам своего аристократического круга, в котором добродетели домостроительства не считались чем-то обязательным.

В романе «Анна Каренина» читатель является непосредственным свидетелем различных взглядов на семью. Следует отметить, что не только главные герои романа – Анна и Каренин – выражают свои точки зрения, но и Облонские, Кити и Лёвин, а также другие герои, которые относятся к персонажам эпизодическим. Например, Яшвин и Катавасов, которые придерживаются определённого мнения относительно брака. Оба героя видят в семье помеху на пути достижения чего-либо важного: одному брак мешает любимой игре в карты, другому семейная жизнь мешает заниматься наукой. Молодой преуспевающий генерал Серпуховский видит в браке лишь *«единственное средство с удобствами без помехи любить и заниматься своим делом»* [10, с. 329]. Все герои, так или иначе представляющие светское общество – Облонский, Яшвин, Катавасов, Серпуховской, Вронский, Петрицкий, – не считают семью одной из самых важных составляющих человеческой жизни. Интересен сам факт того, что отношение к семейной жизни этих героев обосновано не теоретически, а

практически. Соответственно, руководствуясь данными принципами, их убеждения настоящие, хотя, с точки зрения автора, являются ошибочными. Они создают духовную атмосферу, указывающую на глубокое неблагополучие современного общества, ярче и трагичнее всего выразившееся в судьбах Анны, Каренина и Вронского.

Брак Анны и Каренина – это совершенно очевидно – можно сказать, был случайным. Это был один из тех браков, которые, как правило, не бывают прочными; такие союзы не делают людей счастливыми, так как в их основе не лежит настоящая взаимная любовь; эти браки совершаются без живого участия сердца. Позднее Анна сама станет невольным свидетелем осуждения такого рода союзов в салоне Бетси Тверской. Жена посланника высказала распространённый в светском обществе взгляд: для счастливого брака не нужны чувства, страсти, не нужна любовь. *«Я знаю счастливые браки только по рассудку»*, – сказала жена посланника» [10, с. 145]. Вронский же, который участвовал в данном споре, не разделяет этой точки зрения. По мнению героя, браки по рассудку зачастую ведут в тупик, разбиваются в пух и в прах, потому что со временем вспыхивает страсть, которую человек не хотел признавать. Именно это и произошло в семье Карениных. Каренин прилагал все усилия, чтобы сохранить семью. Анна же с мучительной для неё силой пытается наконец создать «новое счастье». Тем не менее, следует принимать во внимание сам факт того, что между супругами не только Вронский, но и их сын Серёжа, который теперь не понимает, как ему относиться к отцу и Вронскому [2, с. 90].

Несмотря на то что Анна и Каренин прожили вместе восемь лет, писатель не описывает подробностей начала их семейной жизни. Когда Анна переехала в столицу, она свободно и легко вошла в высшее аристократическое общество. Очевидно, что Анна в замужестве предавалась обычным светским развлечениям и удовольствиям, для которых у неё было много свободного времени. Тем не менее, она не была похожа на барышень и дам петербургского света, она отличалась скромностью и безусловной супружеской верностью. Хотя и было заметно что-то «фальшивое во всем складе их семейного быта», однако внешне жизнь Анны с Карениным выглядела вполне благополучной, однообразно-спокойной, что называется, без бурь и потрясений. Но это была всего лишь оболочка, под покровом которой и скрывалась настоящая буря. У Анны появился сын Серёжа, она серьёзно занялась его воспитанием; она его очень любила. В семейных отношениях Анна была примерной женой и с ответственностью относилась к своим обязанностям, она не давала Каренину повода для ревности, поэтому он всецело мог доверять ей. В той части романа, где речь идет об Анне до её измены мужу, нет даже упоминания о столкновениях между ними, о ссорах, взаимных упрёках и оскорблениях, а тем более – о ненависти друг к другу. До поры до времени Анна решительно ничем и никак не показывала какое-либо недовольство своей семейной жизнью с Карениным, своей судьбой и положением в светском обществе. Героиня осознала своё несчастье уже после измены Каренину. Вся её накопленная ненависть к мужу вырвалась на волю после

вспыхнувшей страсти к Вронскому. Действительно, сколько преград на пути влюблённых, страдающих из-за разбитых надежд. В «Анне Карениной» трагическая ситуация складывается после и в результате осуществления желаний героев. Центр тяжести перенесён с ухаживания, соперничества, ожидания любви на изображение жизни любовников. Толстой описывает сложные человеческие отношения и чувства, ситуации, когда человек стоит перед выбором. Анна может разорвать свои отношения с Карениным, но она не может оставить своего сына Серёжу. *«Она может выбрать Вронского, но детей «не выбирают»... Вот в чём её трагедия. И эту трагедию никакой великосветскостью не объяснишь и не исправишь»* [2, с. 90].

Исследователи справедливо отмечают, что эти качества толстовских героев, их «бездомность» и «бессемейность», связаны в идейной структуре романа в том числе с проблемой заимствования европейских форм жизни, а с ними – и западных ценностей, в первую очередь индивидуализма. К.А. Нагина подробно прослеживает, как соотносятся в романе различные обозначения хозяйственной и домохозяйственной деятельности Лёвина и Вронского. Один из них – помещик, в то время как второй – землевладелец, который «во главу угла ставит не сохранение традиции, предание, а прогресс и, соответственно, собственную выгоду» [5, с. 116-131]. Вслед за Б. Леннkvистом исследовательница видит в этом не только психологические причины (индивидуализм, присущий Вронскому как личности), но и культурно-исторические. Вронский ведёт в романе свои попытки постро-

ить дом с оглядкой на западноевропейские, в первую очередь английские модели. Их с Анной жизнь в Воздвиженском – «жизнь по-английски», она лишь кажется цивилизованной, удобной, роскошной, «гигиеничной»; на самом деле платой за этот комфорт цивилизации становится всё большее вторжение в жизнь героев рационального начала – что, в конечном итоге, становится причиной и охлаждения любовного чувства, и их жизненного краха [8, с. 69].

Иное следствие получают в романе домостроительные принципы Лёвина. Рассматривая **отношения между Лёвиным и Кити**, стоит обратить внимание на то, что женитьба была главным делом его жизни, от которого зависело всё её счастье. Дом в понимании Лёвина сохраняет своё исконное духовное значение. Дом представляет собой символ семейного счастья, любви и доверия. Согласно мнению А.В. Зинovieва, *«дом – не просто жильё, но это и память о матери, отце, детстве, и даже не просто память, а как бы присутствие дорогих людей и дорогого прошлого в настоящем»* [7, с. 51]. Для Лёвина дом является святым, это память о былом, о тех, кто в нём жил. Дом для этого героя служит щитом, «дом живёт, и в нём, в его духе жива мать и отец героя» [7, с. 51]. Основанные на национальных началах, они оказываются успешными именно потому, что представляют собой соединение самого главного для Толстого: самой материи жизни, её исконной, почти физической сущности и высшего духовного смысла. Знаком этого синтеза в романе становится контрапунктное соединение «голосов» Лёвина и Кити на последней странице романа: жена

прерывает размышления мужа об обрётённом Боге и смысле жизни подчёркнуто бытовым вопросом *«Поди в угловую и посмотри, как Сергею Ивановичу всё устроили <...> Поставили ли новый умывальник?»* [11, с. 399]. И это вдруг раскрывает Лёвину действительный смысл понятия «семья» и «дом». Толстой показывает, что это обретение смысла вовсе не обязательно конечная точка развития героя *«Так же буду сердиться ... так же буду спорить ... так же будет стена между святой святой моей души и другими... <...> но жизнь моя теперь, вся моя жизнь ... не только не бессмысленная, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который и властен вложить в неё!»* [11, с. 399] Путь его исканий и есть сама жизнь, национальная правда которой для писателя и заключена в возможности как ошибок, так и прозрений и обретений.

Таким образом, можно отметить, что «мысль семейная» – это не только тема всего произведения Толстого, но и назидание. Писатель показал нам, какой должна быть настоящая семья, на чём она должна основываться и что должна быть неразрывно связана с домом. Он доказал, что понятие «удачный брак» неравнозначно понятию «счастливый брак» на примере трагедии Анны Карениной. Читатель становится невольным свидетелем того, какой должна быть жена – любящей матерью, верной женой, хранительницей семейного очага – как Дарья Александровна Облонская. И, наконец, поняли, что счастливая семья – это не только хорошая мать и жена, это ещё и муж, который относится к своей семье ответственно и осознает, что он её опора; что в семейных отношениях

важна не только любовь, а и взаимопонимание, взаимоуважение и умение находить компромиссы. Пример такого брака – брак Кити и Константина Лёвина.

Толстой писал роман, основываясь на своём жизненном опыте, подмечая и анализируя отношения окружающих его людей, и от того его творение так реально и так близко каждому, кто его читает. Несмотря на то что с момента написания романа прошло более ста тридцати лет, проблемы, поднимаемые в нём, нисколько не потеряли своей актуальности. Всё так же человек ищет счастья и, к сожалению, не всегда его находит. Всё так же есть несчастливые браки, мужья изменяют жёнам, жёны – мужьям... Но что особенно важно, писатель дал нам подсказки, как же всё-таки можно достичь этого самого важного для человека счастья – семейного. Толстой доказал нам, что любовь,

уважение, понимание есть такие ценности, которые никогда не потеряют своей значимости [9]. И пусть, на первый взгляд, эпоха «Анны Карениной» давно ушла в прошлое, общественные, социальные государственные формы человеческого существования изменились, однако Толстой будто высвобождает *«современного ему человека из оболочек временных, исторических форм его общественного бытия и указывал на сложность и противоречивость его внутренней жизни»* [2, с. 89] тем не менее, изображая исторического человека, осознавая, что все условные формы его существования в процессе общественного развития теряют свою силу, Толстой думал о человеке, который был и будет всегда. Именно из этих побуждений его роман «Анна Каренина», созданный в соответствии с законами строгого критического реализма, не утратит своей актуальности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Артёмов В.М. Свобода и нравственность в педагогике Л.Н. Толстого. // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 3. 133 с.
2. Бабаев Э. «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. М.: Художественная литература, 1978. 158 с.
3. Нагина К.А. Распадающийся дом: судьба Анны Карениной // Вестник Удмуртского университета. История и Филология. 2013. Вып. 4. 180 с.
4. Гродецкая А.Г. Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого. СПб.: Наука, 2000. 134 с.
5. Густафсон Р.Ф. Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Л.Н. Толстого. СПб.: Академический проект, 2006. 480 с.
6. Державин Г.Р. Стихотворения / вступ. статья, подгот. текста и общ. ред. Д.Д. Благого, примеч. В.А. Западова. Л.: Советский писатель, 1957. 470 с.
7. Зиновьев А.В. Образ дома и «мысль семейная» в поэтике Л.Н. Толстого // Известия Саратовского университета. Серия: Филология, Журналистика. 2012. Вып. 3. 122 с.
8. Леннквист Б. Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: Анна Каренина. М.: Языки славянской культуры, 2010. 128 с.
9. Свительский В.А. Личность в мире ценностей (Аксиология русской психологической прозы 1860-1870-х годов). Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. 232 с.
10. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 18: Анна Каренина. М.: Художественная литература, 1934. 571 с.

11. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 18: Анна Каренина. М: Художественная литература, 1935. 528 с.
12. Шкловский В. Б. Заметки о прозе русских классиков. М.: «Советский писатель», 1955. 377 с.
13. Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1960. 296 с.

REFERENCES

1. Artemov V.M. Svoboda i npravstvennost' v pedagogike L.N. Tolstogo [Freedom and ethics in teaching of L. Tolstoy] // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2001. no. 3. 133 p.
2. Babaev E. «Anna Karenina» L.N. Tolstogo [«Anna Karenina» by L. Tolstoy]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1978. 158 p.
3. Nagina K.A. Raspadayushchiysya dom: sud'ba Anny Kareninoi [The breaking house: the fate of Anna Karenina] // Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Istoriya i Filologiya [Bulletin of Udmurt University. History and Philology]. 2013. no. 4.
4. Grodet'skaya A.G. Otvet'y predaniya: zhitiya svyatykh v dukhovnom poiske L'va Tolstogo [Answers of tradition: lives of saints in the spiritual quest of Leo Tolstoy]. SPb., Nauka, 2000. 134 p.
5. Gustafson R.F. Obital'tel' i CHuzhak. Teologiya i khudozhestvennoe tvorchestvo L.N. Tolstogo [Inhabitant and Stranger. Theology and the artistic works of L. Tolstoy]. SPb., Akademicheskii proekt, 2006. 480 p.
6. Derzhavin G.R. Stikhotvoreniya [Poems]. L., Sovetskii pisatel', 1957. 470 p.
7. Zinov'ev A.V. Obraz doma i «mysl' semeinaya» v poetike L.N. Tolstogo [Image of home and «family thought» in the poetics of L. Tolstoy] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filologiya, Zhurnalistika [News of Saratov University. Series: Philology, Journalism]. 2012. no. 3. 122 p.
8. Lennkvist B. Puteshestvie vglub' romana. Lev Tolstoi: Anna Karenina [Travel deep into the novel. Leo Tolstoy: Anna Karenina]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010. 128 p.
9. Svitel'skii V.A. Lichnost' v mire tsennostei (Aksiologiya russkoi psikhologicheskoi prozy 1860-1870-kh godov) [Identity in the world of values (Axiology of the Russian psychological prose in 1860-1870s)]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2005. 232 p.
10. Tolstoi L.N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 18: Anna Karenina [Complete works: in 90 vols. Vol. 18: Anna Karenina]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1934. 571 p.
11. Tolstoi L.N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 18: Anna Karenina [Complete works: in 90 vols. Vol. 18: Anna Karenina]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1935. 528 p.
12. Shklovskii V. B. Zаметки о прозе русских классиков [Notes on the prose of Russian classics]. M., «Sovetskii pisatel'», 1955. 377 p.
13. Eikhbaum B. Lev Tolstoi. Semidesyaty'e gody [Leo Tolstoy. The seventies]. L., 1960. 296 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шенол Али Осман – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: aosman2811@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ali Osman Shenol – postgraduate student at department of Classical Russian literature of Moscow Region State University;
e-mail: aosman2811@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА:

Шенюл А.О. Мотив домостроительства в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в контексте проблемы «Россия и Европа» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 105-113. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-105-113

CORRECT REFERENCE

A. Shenol. The motive of dispensation in the novel “Anna Karenina” by L. Tolstoy in the context of the problem “Russia and Europe” // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 105-113. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-105-113

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-114-116

РУСИСТИКА В НОВОМ БОЛГАРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Щедрина Н.М.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

RUSSIAN PHILOLOGY AT NEW BULGARIAN UNIVERSITY

N. Shchedrina

*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Программе бакалавриата «Русистика: русский язык, культура и литература» в Новом болгарском университете исполнилось 20 лет. К этой дате была приурочена Международная конференция под таким же названием, проходившая в Софии 16-17 декабря 2016 года.

Новый болгарский университет – крупнейшее негосударственное учебное заведение Болгарии, которое на сегодняшний день насчитывает около 13 000 студентов. Структура его существенно отличается от структуры других университетов в Болгарии. Он управляется Академическим Советом во главе с ректором и Попечительским Советом с председателем. Звено, развивающее научно-исследовательскую деятельность в определённой области, называется департаментом. Начало изучению русского языка положено в 1996 году, когда была создана бакалаврская программа «Прикладная лингвистика – славянский и западный языки».

Русистика в НБУ размещается в департаменте «Новая болгаристика», где готовят специалистов с русским языком по бакалаврской программе (специальность в НБУ называется программа) – «Иностранные языки и культуры – славистика (русский и западный языки)» с 2008 года у неё новое название «Русистика – русский и западный языки» с профессиональной квалификацией «Переводчик с двумя иностранными языками» или «Преподаватель», а также обучает неспециалистов со знанием двух иностранных языков, один из которых – русский наряду с другими иностранными языками.

Русский язык занимает достойное место среди иностранных языков, предлагаемых неспециалистам для изучения в Новом болгарском университете. Пред-

© Щедрина Н.М.. 2017.

лагаемая бакалаврская программа привлекательна для студентов, так как в ней используются современные методы преподавания; существует благоприятный климат сотрудничества между преподавателями и студентами. В практических формах обучения («Переводческая практика», «Педагогическая практика» и др.) студенты могут работать в условиях, близких к реальным и ещё во время учебы получают возможность для реализации своих возможностей.

Об этих проблемах и шла речь на Международной конференции в пленарных докладах Галины Куртевой, Татьяны Федь, Ирины Георгиевой. О дистанционных формах обучения РКИ в контексте открытого образования говорилось в докладе О.Ю. Ивановой из Российского нового университета.

На конференции работало несколько секций. Теоретическими, прикладными и методическими проблемами своих исследований поделились со слушателями Ирина Манова, Екатерина Солнцева-Накова, Ольга Лазовая. Участники обсуждали экстралингвистические компоненты современного учебного текста, русские и болгарские концепты, ментальные образы «времени» в русской фразеологии. Речь шла также об обучении русскому языку экономистов, специалистов в сфере туризма.

Секция «Межкультурная коммуникация и диалог культур. Современные учебные комплексы и пособия в обучении РКИ» объединила докладчиков самых разных тем. Например, Валентина Аврамова говорила о гендерной оппозиции в русской и болгарской фразеологии, а Петя Александрова – о фестивале «Золотая маска» как форме

межкультурной и межтекстовой коммуникации. Большой интерес вызвал доклад Марианны Коновой, посвященный языку жестов в дипломатии и их роли в мире международных отношений. О новом учебном комплексе по русскому языку для работников туризма говорила Антония Пенчева.

В секции «Русская литература вчера и сегодня» обсуждались вопросы преподавания русской литературы к контексте новой бакалаврской программы (Татьяна Федь), а такие сложные и дискуссионные проблемы, как «Пушкин и Коран» через призму мотива изгнания в творчестве поэта (Морис Фадел). Сравнения этого мотива с «Медным всадником» проводила Радослава Илчева.

Секция «Перевод и переводоведение» работала в рамках взаимодействия культур. Участники рассматривали преимущества и трудности перевода между родственными языками. К вопросу преподавания иностранной литературы через переводы текстов на русский язык обращался Владимир Пенчев.

Новый болгарский университет стал площадкой по обмену теоретическими и прикладными исследованиями, а также опытом практического преподавания русского языка и литературы на самых разных уровнях.

Совместное обсуждение проблем русистами Софийского, Пловдивского, Юго-Западного, Шуменского университетов, библиотечного университета и университета национального и мирового хозяйства Болгарии, России и Польши способствовало делу изучения и преподавания русского языка в разных странах, а также развитию связей между ними.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щедрина Нэлли Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;

e-mail: schedrina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nelli Shchedrina – doctor of Philological Sciences, professor at the department of the Russian literature of the 20th century of the Moscow Region State University;

e-mail: schedrina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Щедрина Н.М. Русистика в Новом болгарском университете // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 114-116.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-114-116

CORRECT REFERENCE

N. Shchedrina. Russian philology at New Bulgarian university // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 114-116.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-114-116

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-117-123

**«МОЯ ДВУСМЫСЛЕННАЯ СЛАВА И НЕДВУСМЫСЛЕННЫЙ ТАЛАНТ...»
НЕСКОЛЬКО РАССУЖДЕНИЙ О ЖАНРЕ БИОГРАФИИ ВООБЩЕ,
О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ «КОРОЛЯ ПОЭТОВ» СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА,
О ЕГО «БОГЕМНОМ» ОКРУЖЕНИИ И О НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ
ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА В ЧАСТНОСТИ**

Никульцева В.В.¹, Дядичев В.Н.²

¹Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

²Институт мировой литературы им А.М. Горького Российской академии наук
121069, г. Москва, Поварская, д. 25а, Российская Федерация

**«MY AMBIGUOUS GLORY AND UNAMBIGUOUS TALENT...»
THOUGHTS ABOUT A BIOGRAPHY GENRE IN GENERAL, ABOUT LIFE
AND CREATIVITY OF “THE KING OF POETS” OF SILVER AGE,
ABOUT HIS “BOHEMIAN” COMMUNITY AND ABOUT IGOR SEVERYANIN’S
SCIENTIFIC BIOGRAPHY**

V. Nikultseva¹, V. Dyadichev²

¹Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

²Institute of World literature of RAS
25A Povarskaya st., Moscow, Russian Federation, 121069

В издательстве Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН вышла книга – «За струнной изгородью лиры...»: Научная биография Игоря Северянина» [9]. Вышла на фоне непрекращающихся – то затихающих, то вновь обостряющихся – дискуссий научного сообщества о том, что такое «научная биография» или просто «биография», какова допустимая степень вымысла или авторской реконструкции событий в «художественной / литературной биографии» исторического лица и т. п. [10]¹.

© Никульцева В.В., Дядичев В.Н., 2017.

¹ См. также статьи «Биография» в литературных и прочих энциклопедиях. Из недавних работ см., напр., основанную на биографиях писателей XIX века работу: [2])

Отметим любопытный факт недавней издательской практики: в мае 2016 года в издательстве «Молодая гвардия» вышла биографическая книга Дм. Быкова о Маяковском [1]. Ранее в том же издательстве в серии «Жизнь замечательных людей» были опубликованы книги того же автора о Борисе Пастернаке и о Булате Окуджаве. Книга о Владимире Маяковском, как ожидалось и анонсировалось, должна была составить своеобразную биографическую трилогию этого автора в серии «ЖЗЛ». Но не сложилось... Книга о Маяковском издана *вне* этой серии. Да, очень непросто этот жанр – *биография*...

Вернёмся, однако, к рецензируемой работе. Книга об Игоре Северянине [7; 8, с. 5] действительно укладывается в рамки жанра «биография поэта». Появление такого ценного труда ещё раз подтверждает, что успешная работа в этом историко-литературном жанре вполне возможна. Как сказал когда-то всё тот же Маяковский по несколько другому, но очень близкому к теме поводу, *Нами / лирика / в штыки / неоднократно атакована, // ищем речи / точной / и нагой. // Но поэзия – / пресволючнейшая / шутовина: // существует – / и ни в зуб / ногой* (Юбилейное, 1924).

Более чем десятилетний путь авторов к этой работе обозначен заметными книжными вехами, среди которых можно отметить: [3]¹; [4]; [5]; [6].

Построенная на таком серьёзном фундаменте, биография поэта, на первый взгляд, вполне обоснованно названа научной. Между тем, особая

сложность воссоздания биографии Игоря Северянина состояла в том, что сам поэт строил свою жизнь по законам искусства, играя литературными масками, псевдонимами, изменяя себя внешне и внутренне. Жизненность и подлинность поэта почти всегда существовала в мире карнавала, игры, актёрства. Напомним, что первая строка стихотворения Игоря Северянина «Интродукция. Триолет» (1909), вынесенная нашими авторами в название их труда, имеет знаковое продолжение: *За струнной изгородью лиры / Живёт неведомый паяц. / Его палатца из палатц – / За струнной изгородью лиры...*

Представляется, что авторам биографии удалось показать, кто же скрывается под маской *неведомого паяца*, живущего в «*палатца из палатц*». Новая книга В.Н. Терёхиной и Н.И. Шубниковой-Гусевой отличается точной документальностью, фактографическим богатством, объективностью тона. Жизнь и творчество Игоря Северянина даны на фоне большого исторического времени и в непростых судьбах русской культуры первой половины XX века. Этому способствует отражение жизни поэта в «ста зеркалах» – многочисленных цитатах из произведений самого «паяца», критических отзывов, свидетельств современников.

Композиционно работа разбита на четыре хронологические части, обозначенные опять-таки строчками самого поэта. Первая, охватывающая годы 1887–1912, названа «Сирень моей весны»; вторая, включающая годы 1913–1918, – «Я покори́л литерату́ру»; третья, отражающая 1918–1930 гг., – «Я не эмигрант, я дачник...»; четвёртая часть, охватывающая 1930–1941

¹ Кроме прочего, в этом издании впервые собраны и представлены все 37 выпусков малотиражных брошюр и листовок начинающего поэта 1904–1912 гг.

гг., названа «Путь к вечным розам...». Каждая часть состоит из 6–9 небольших глав. Северянинские названия получили также Введение («И пусть узнает мой биограф...»), Заключение («Сияет даль...»), а также некоторые главы внутри всех четырёх частей. Такая подача материала книги создаёт у заинтересованного читателя определённый настрой, облегчая «вхождение» в атмосферу эпохи, жизни героя и его окружения.

В качестве Приложения в книге впервые факсимильно воспроизведён рукописный сборник Игоря Северянина «Громокопящий кубок. Стихи 1905 – <19>12 гг. Том первый. Авто-рукопись. Эстония. Тойла, 1935 г. Издание одиннадцатое (рукописное) в количестве одного экземпляра». Рукопись этого сборника хранится в Эстонском литературном музее (Таллинн).

Авторы вводят в научный оборот множество нового архивного документального материала, не всегда, к сожалению, подкреплённого ссылками на источники.

Книга не только насыщена целым калейдоскопом документальных, «свидетельских» и поэтических материалов. Она и очень «многолюдна» – в Указателе имён [9, с. 550–570] мы видим практически весь цвет деятелей культуры (впрочем, не только культуры, но, отчасти, политики и т. п.) начала XX века.

И всё же, несколько не подвергая сомнению сам факт появления *научной биографии* Игоря Северянина, нельзя не отметить некоторые недостатки издания.

В ряде случаев авторы цитируют документы и в сносках приводят источники цитирования не в виде первых

публикаций (нередко – в виде отсылок к перечисленным нами выше сборникам). При этом заинтересованный читатель для установления *конкретной даты* события, документа порой вынужден обращаться к другим страницам книги, а то и к другим изданиям. Это далеко не всегда удобно.

В некоторых случаях используемые авторами источники устарели и на сегодняшний день не представляются наиболее достоверными и авторитетными. Так, в главе «Северянин в Париже», а это февраль 1931 года, цитируется неотправленное письмо Марины Цветаевой Игорю Северянину. Цветаева делится своими впечатлениями о выступлении бывшего соотечественника на вечере в Париже 27 февраля 1931 года (по тексту Соч. М. Цветаевой, где этот текст содержит неточности): «... Сонеты. Я не критик и нынче – меньше, чем всегда. Прекрасен Ваш Лермонтов – из-под крыла, прекрасен Брюсов... Прекрасен Есенин, – “благотворительный хулиган” – может, забываю – прекрасна Ваша любовь: поэта – к поэту (ибо множественного числа – нет, всегда – единственное)...» [9, с. 387]. Между тем полный известный ныне текст таков: «<...> Прекрасен Лермонтов – из-под крыла, прекрасен Брюсов – “всю жизнь мечтавший о себе, чугуном” – прекрасен Есенин <...>» [11, с. 435]. Важное уточнение (выделено нами)! Ведь В.Я. Брюсов – значимая фигура в жизни и творчестве как Игоря Северянина, так и Марины Цветаевой. А процитированная Цветаевой строка указывает, что на вечере из своих

«брюсовских» стихов Игорь Северянин читал именно сонет «Брюсов». Цитируемый Цветаевский текст авторы предваряют фразой: «...Но самое полное выражение переполнявших её <Цветаеву> чувств отразилось в письме самому Игорю Северянину, в письме, которое по каким-то причинам осталось неотправленным и неизвестным адресату.» [9, с. 385–386]. Чуть выше [9, с. 384] авторы биографии Игоря Северянина задаются вопросом: «Но были ли они лично знакомы? Можно предположить, что встречались в литературных салонах и не пропускали поэтических выступлений...». Между тем, в указанном нами источнике свой «Набросок неотсланного письма И. С.» (так поэтесса обозначила этот текст) Марина Ивановна в конце снабдила пояснением (сделанным в 1938 году в Париже при ревизии своего архива, готовясь к возвращению из эмиграции на Родину): «Не окончено и не отослано: И. С. уехал утром следующего дня. Тбк я его увидела в первый и последний раз. МЦ».

Представляется, что наши авторы, стремясь заглянуть «по ту сторону мифа», прояснить, что же скрывается за маской «паяца» или в его «палаццо», в некоторых случаях недостаточно критично относятся к иным свидетельствам и мемуарным записям современников (Б. Лившица, В. Шершеневича, А. Кручёных и др.). Нельзя забывать о том, что, помимо идеологической компоненты (текст – об эмигранте), в ряде таких воспоминаний мощно присутствуют и мотивы соперничества, невысказанного противостояния. Поэтому фразы авторов биографии типа «О визите к Северянину Лившиц рассказывает насмешливо...» [9, с. 118]

представляются слишком мягкими по отношению к мемуаристу.

Иногда исследователи жизни и творчества Игоря Северянина непоследовательно упоминают имена и фамилии людей, входящих в его окружение. Так, певица Императорского Мариинского театра Е.К. Мравина, троюродная (по материнской линии) тётка поэта, названа Мравинской [9, с. 19], тогда как, по свидетельству самого поэта¹, её настоящая фамилия – Муравинская, что подтверждается также новейшими данными краудсорсингового общества «Всероссийское генеалогическое древо».

Аналогичная ситуация наблюдается при упоминании в исследовании имён Е. Меннеке (урожд. Гуцан), П. Богдановой-Бельской (урожд. Старынкевич) и др.

В другом месте книги, рассказывая об отношениях «Короля поэтов» и Ольги Глебовой Судейкиной [9, с. 206–207], исследователи творчества Игоря Северянина упускают из виду немаловажный эпизод из жизни этой богато одарённой женщины, представительницы богемы Серебряного века – актрисы, танцовщицы, декламатора стихов, художницы, дизайнера: так, отмечая, что после Октябрьской революции 1917 г., брошенная мужем, она остаётся одна, живя с А. Ахматовой в Петрограде, авторы книги игнорируют многочисленные свидетельства современников Ольги о её взаимоотношениях с «комиссаром-композитором» Артуром Лурье, с которым она состояла в гражданском браке вплоть до эмиграции его в 1922 году (см. воспоминания Веры де Боссе, второй «жены» С. Судейкина, А. Ахматовой, Ан. Чеботаревской, Б. Пронина,

¹ РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 14

Ю. Анненкова, Г. Чулкова, М. Добужинского и др.). Брак же с С. Судейкиным фактически распался в 1915 г., когда он встретил Веру, актрису Камерного театра Таирова, ставшую его гражданской женой, к чему особых препятствий со стороны Ольги не наблюдалось. И подобных «недоговорённостей», субъективных оценок и высказываний в тексте рецензируемой книги немало...

Впрочем, авторы настоящей биографии Игоря Северянина справедливо замечают, что в ней «ещё предстоит многое понять и открыть» [9, с. 450]. Небольшой тираж (500 экз.) данной книги позволяет предположить, что вскоре потребуются её переиздание. Хочется надеяться, что наши замечательные исследователи литературы Серебряного века, доктора

филологических наук В.Н. Терёхина и Н.И. Шубникова-Гусева, избежав повторов и субъективизма, ещё представят своим читателям возможность ознакомиться с новыми материалами и открытиями, постепенно заполняющими лакуны в изучении жизни и творчества Игоря-Северянина.

На примере этой биографии, которую, если объективно расставить все плюсы и минусы, всё же правильнее было бы назвать не научной, а *научно-популярной*, даже далёкий от филологической науки читатель получает яркое доказательство, что Игорь Северянин – крупнейший поэт Серебряного века, представитель первого ряда русской литературы своего времени, не до конца оценённый как при жизни, так и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Быков Д.Д. Тринадцатый апостол. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях. М.: Молодая гвардия, 2016.
2. Демченко А.А. Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 52 –61.
3. Игорь Северянин. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы / изд. подготовили В. Терёхина, Н. Шубникова-Гусева. М.: Наука, 2004. .
4. Игорь Северянин. Царственный паяц: Автобиографические материалы. Письма. Критика / вступ. статья, сост. и коммент. В.Н. Терёхиной и Н.И. Шубниковой-Гусевой. СПб.: Росток, 2005.
5. Игорь Северянин глазами современников / вступ. статья, сост. и коммент. В.Н. Терёхиной и Н.И. Шубниковой-Гусевой. СПб.: ООО «Полиграф», 2009.
6. Игорь Северянин. Я – гений. Сборник / вступ. статья, сост. и коммент. В.Н. Терёхиной и Н.И. Шубниковой-Гусевой. СПб.: Росток, 2013.
6. Никульцева В.В. История одного литературного псевдонима. // Русская речь. 2009. № 3. С. 96–98.
8. Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина / под ред. В.В. Лопатина. М., 2008. С. 5.
9. Терехина В.Н., Шубникова-Гусева Н.И. «За струнной изгородью лиры...» Научная биография Игоря Северянина. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 576 с.
10. Холиков А. Биография писателя как жанр: учеб. пособие. М., 2010.
11. Цветаева М.И. Неизданное. Сводные тетради. / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко. М.: Эллис Лак, 1997.

REFERENCE

1. Bykov D.D. Trinadtsatyi apostol. Mayakovskii: Tragediya-buff v shesti deistviyakh. M.: Molodaya gvardiya, 2016 [Thirteenth Apostle. Mayakovsky: a Tragedy-bouffe in six steps. M.: Young guard, 2016].
2. Demchenko A.A. Nauchnaya biografiya pisatelya kak tip literaturovedcheskogo issledovaniya [Scientific biography of the writer as a type of literary studies] Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika. 2014. T. 14. Vyp. 3 [Izv. Saratov University. New series. Ser. Philology. Journalism. 2014. Vol. 14, issue 3]. pp. 52-61.
3. Igor' Severyanin. Gromokipyashchii kubok. Ananasy v shampanskoy. Solovei. Klassicheskie rozy / izd. podgotovili V. Terekhina, N. Shubnikova-Guseva. M.: Nauka, 2004 [Igor Severyanin. Promociye Cup. Pineapples in champagne. The Nightingale. Classic roses / ed. prepared by V. Terekhina, N. Shubnikov-Guseva. M.: Science, 2004].
4. Igor' Severyanin. Tsarstvennyi payats: Avtobiograficheskie materialy. Pis'ma. Kritika / vstup. stat'ya, sost. i komment. V.N. Terekhinoi i N.I. Shubnikovoi-Gusevoi [Igor Severyanin. Royal clown: Autobiographical materials. Letters. Criticism / introd. the article, comp. and comments. V. N. Terekhina and N. And. Shubnikova-Guseva]. SPb., Rostok, 2005.
5. Igor' Severyanin glazami sovremennikov / vstup. stat'ya, sost. i komment. V.N. Terekhinoi i N.I. Shubnikovoi-Gusevoi [Igor Severyanin through the eyes of contemporaries / Introd. the article, comp. and comments. V. N. Terekhina and N. And. Shubnikova-Guseva]. SPb., OOO «Poligraf», 2009.
6. Igor' Severyanin. YA [Igor Severyanin. I]. genius. Collection / introd. the article, comp. and comments. V. N. Terekhina and N. And. Shubnikova-Guseva. SPb., Rostok, 2013.
7. Nikul'tseva V.V. Istoriya odnogo literaturnogo psevdonima. [The story of a literary pseudonym.] // Russkaya rech'. 2009. no. 3. C. 96–98.
8. Nikul'tseva V.V. Slovar' neologizmov Igorya-Severyanina / pod red. V.V. Lopatina [Dictionary of neologisms of Igor-Severyanin / ed. by V. V. Lopatin] M., 2008.
9. Terekhina V.N., Shubnikova-Guseva N.I. «Za strunnoi izgorod'yu liry...» Nauchnaya biografiya Igorya Severyanina. M.: IMLI RAN, 2015. 576 s., [«The strings of the lyre fence...» Scientific biography of Igor Severyanin. M.: imli ran, 2015. 576 p.].
10. Kholikov A. Biografiya pisatelya kak zhanr: ucheb. posobie [The biography as a genre: proc. allowance]. M., 2010.
11. Tsvetaeva M.I. Neizdannoe. Svodnye tetradi. / Podgot. teksta, predisl. i primech. E.B. Korkinoi i I.D. Shevelenko [Unpublished. Summary notebook. / Prepared. the text of the Foreword. and notes. E. B. Korkina and I. D. Shevelenko] M., Ellis Lak, 1997.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Никутьцева Виктория Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры РКИ и культуры речи Московского государственного областного университета;
e-mail: severjanin@list.ru

Дядичев Владимир Николаевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН;
e-mail: dyadichev@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

V. Nikultseva – candidate of Philological Sciences, the associate professor, the associate professor of RKI and the standard of speech of the Moscow Region State University;
e-mail: severjanin@list.ru

V. Dyadichev – candidate of Technical Sciences, the high research associate of IMLI Russian Academy of Sciences;
e-mail: dyadichev@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Никульцева В. В., Дядичев В. Н. «Моя двусмысленная слава и недвусмысленный талант...» Несколько рассуждений о жанре биографии вообще, о жизни и творчестве «Короля поэтов» Серебряного века, о его «богемном» окружении и о научной биографии Игоря Северянина в частности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 117-123.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-117-123

CORRECT REFERENCE

V. Nikultseva, V. Dyadichev. «My Ambiguous Glory and Unambiguous Talent...» Thoughts about a biography genre in general, about life and creativity of «The king of poets» of Silver age, about his «bohemian» community and about Igor Severyanin's scientific biography. // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 117-123.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-117-123

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2017. N 1

Над номером работали:

Литературные редакторы Т.Е. Шаповалова, Д.Д. Дрошнев
Переводчик И.С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка Д.А. Заботиной

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 8,25, усл. п.л. 7,75.
Подписано в печать: 22.02.2017 г. Дата выхода в свет: 28.02.2017 г. Заказ № 2017/02-03.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А